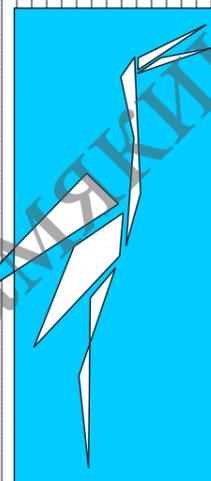

Індэкс: для індывідуальных падпісчыкаў – 00829
для арганізацый – 008292

ВЕСНІК

**Мазырскага
дзяржаўнага
педагагічнага
ўніверсітэта
імя І. П. Шамякіна**

2011 2⁽³¹⁾

ISSN 2218-0362. Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. 2011. № 2 (31). С. 1–118.

МГПУ ім. І. П. Шамякіна

Галоўны рэдактар
д. біял. н. В. В. Валетаў

Рэдакцыйная калегія:
намеснік галоўнага рэдактара, к. пед. н. І. М. Кралевіч,
адказны сакратар, к. ф.-м. н. Э. Я. Грачаннікаў,
к. пед. н. В. С. Болбас, к. пед. н. М. В. Емяльянава, д. пед. н. Н. У. Зайцава,
д. філал. н. У. І. Коваль, д. ф.-м. н. Г. У. Кулак, д. пед. н. Н. А. Масюкова,
д. біял. н. В. І. Парфёнаў, д. пед. н. В. Ф. Русецкі, д. т. н. У. С. Савенка,
к. філал. н. А. У. Сузько, д. с.-г. н. У. У. Усеня,
д. ф.-м. н. В. В. Шапялевіч, д. філал. н. В. В. Шур

Заснавальнік
Установа адукацыі
«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»

Зарэгістраваны ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь,
пасведчанне № 1233 ад 8 лютага 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
247760 Рэспубліка Беларусь,
Гомельская вобласць, г. Мазыр,
вул. Студэнцкая, 28.
Тэл.: +375 (236) 32-46-29

Падпісана ў друк 17.06.2011. Фармат 60 x 90 1/8. Папера Херох.
Гарнітура Times New Roman Суг. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 14,875.
Тыраж 120 экз. Заказ № 30.

Карэктары: Л. М. Бажэнка, Т. М. Ліпская, М. М. Макарэвіч,
А. Э. Крычун, Т. М. Панамарэнка, М. Ю. Раеўская
Камп'ютэрная вёрстка А. Л. Шчака
Тэхнічны рэдактар Н. У. Ропат

Надрукавана на тэхніцы рэдакцыйна-выдавецкага аддзела
Установы адукацыі
«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»
ЛІ № 02330/0549479 ад 14 мая 2009 г.
247760, г. Мазыр, Гомельская вобл., вул. Студэнцкая, 28, к. 114
Тэл.: +375 (236) 32-46-29

Меркаванні, выказаныя аўтарамі,
могуць не супадаць з пунктам погляду рэдакцыі

ВЕСНІК

Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
імя І. П. Шамякіна

Навуковы часопіс
Выдаецца з сакавіка 1999 года
Выходзіць 4 разы на год

№ 2(31)

2011

З М Е С Т

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

- Белый П. Н.* Род *Coenogonium* (*Coenogoniaceae*, Lichenized *Ascomycota*) во флоре
Беларуси 3
- Зеркаль С. В., Бондарь Ю. В., Ходневич Ю. В.* Проблема интродукции рододендрон
каролинский (*Rhododendron carolinianum* Rhed.) и рододендрон понтийский (*Rhododendron*
ponticum L.) в условиях юго-запада Беларуси 8
- Тимофеева Т. А.* Радиоэкологическая оценка пойменных ландшафтов (на примере
поймы р. Сож) 13

ПЕДАГАГІЧНЫЯ НАВУКІ

- Джига Н. Д., Джига О. В.* Психолого-акмеологическая концепция созидательной
и самосозидательной деятельности преподавателя и студента как будущего специалиста
путём развития *интеллектуальных функций* 20
- Кирюшин И. В.* Формирование математических понятий у студентов вузов на основе
применения идей содержательного обобщения 31
- Кошман Д. М., Кошман М. Г.* Сущностные характеристики акмеологической
компетентности будущего педагога 38
- Муравьёва О. С., Шевандо Е. А.* Психолого-педагогические аспекты процесса
адаптации студентов-первокурсников к условиям обучения в вузе 43
- Селиванова Л. И.* Саморазвитие личности: сущность и пути реализации в современном
образовательном процессе 47

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

<i>Губская В. М.</i> Трактоўкі рамана М. Гарэцкага «Віленскія камунары» (1931–1932) у беларускім літаратуразнаўстве.....	52
<i>Дымова Е. А.</i> Каузативныя адношэнні ў пад’языке медыцыны	58
<i>Іоскевіч М. М.</i> Мифологічны падтэкст асобных галоўных герояў як структуроабразаўчы прынцып раманав І. Мележа «Людзі на балоце» і «Подых навальніцы».....	63
<i>Кралевіч Н. В.</i> Эпідыгматычныя адношэнні ў семантычнай структуры многазначнага слова: падчыненне (уключэнне) (на матэрыяле кітайскага і англійскага языкоў).....	68
<i>Панфілова Е. Г.</i> Опыт мадэліравання граматычнай структуры фразеалогіі літаратурнага языка (на матэрыяле фразеалогічных корпусоў рускага, беларускага і нямецкага языкоў).....	74
<i>Сажына Е. В.</i> Языковай партрэт адрэсата полемічнага дыскурса.....	81
<i>Серёгіна С. Е.</i> Глаголы рэчывой дзейнасці ў навістнаму тэксце (на матэрыяле іспанскай прэсы)	85
<i>Прохоренка Л. В.</i> Пушкінскія метафоры як аб’ект перавода на беларускі язык.....	90
<i>Сідорэц В. С.</i> К праблеме катэгорыі віда ў рускім языке.....	95
<i>Сосновская О. А.</i> Бэджывы тэкст: праблема дэфініцыі.....	99
БІБЛІАГРАФІЯ	105
РЭЦЭНЗІЯ	110
ХРОНІКА	113
АЎТАРЫ НУМАРА	117

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 582.29

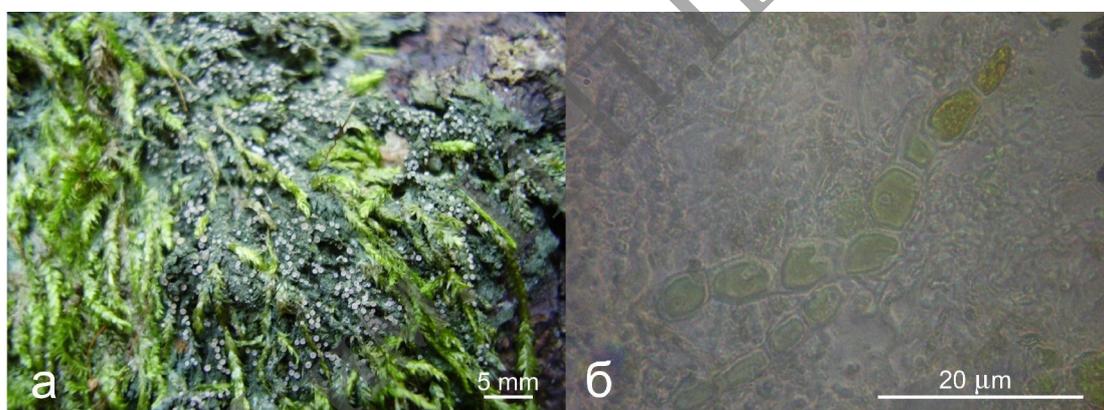
П. Н. Белый

РОД *COENOGONIUM* (*COENOGONIACEAE*, *LICHENIZED ASCOMYCOTA*)
ВО ФЛОРЕ БЕЛАРУСИ

В результате обобщения доступных литературных источников, данных гербарных коллекций, а также материалов исследований автора установлены особенности распространения и экологии *Coenogonium pineti* (Schrad. ex Ach.) Lücking & Lumbsch на территории Республики Беларусь.

Введение

Род *Coenogonium* Ehrenb., являющийся в настоящее время единственным представителем семейства *Coenogoniaceae* Stizenb.¹, включает в себя более 80 видов, распространенных преимущественно в тропических широтах [1]. Род характеризуется биаториновыми (реже зеоориновыми), желтыми (до оранжевых или коричневых) апотециями с эксципулом из параплектенхимной ткани, частично амилоидным гимениальным слоем, тонкостенными унитарными сумками, двуклеточными спорами, а также фотобионтом из рода *Trentepohlia* Mart. [2] (рисунок 1а, б).

а – внешний вид слоевища и апотециев; б – фотобионт *C. pineti*

Рисунок 1 – *Coenogonium pineti* (Schrad. ex Ach.) Lücking & Lumbsch

Из числа описанных видов *Coenogonium* для территории Европы указано 4: *C. luteolum* (Kalb) Kalb & Lücking, *C. luteum* (Dicks.) Kalb & Lücking, *C. pineti* (Schrad. ex Ach.) Lücking & Lumbsch, *C. tavaresianum* (Vězda) Lücking, Aptroot & Sipman [2], [3]. Для Республики Беларусь указан единственный представитель рода – *Coenogonium pineti*.

Первые сведения о *C. pineti* в Беларуси относятся к середине XX в. В работе Н. В. Семеновой «Эпифитные лишайники главных древесных пород Негорельского учебно-опытного лесхоза», выполненной под руководством М. П. Томина, *C. pineti* (указан как *Microphiale diluta* (Pers.) A. Z.) отмечен на стволе ольхи [4]. В дальнейшем *C. pineti* отмечался в работах Н. В. Горбач, В. В. Голубкова и Н. Н. Кобзарь [5]–[9]. В последней публикации, посвященной распространению *C. pineti* в республике, данный вид указан для Брестской, Гродненской и Минской областей [10].

В обозначенных выше работах приводятся лишь единичные местонахождения для *C. pineti*, однако в пределах Европейского субконтинента вид распространен широко [11]. Поэтому необходимо дальнейшее исследование распространения и экологии *C. pineti* в республике, что особенно актуально в связи с подготовкой фундаментального многотомного издания «Флора Беларуси».

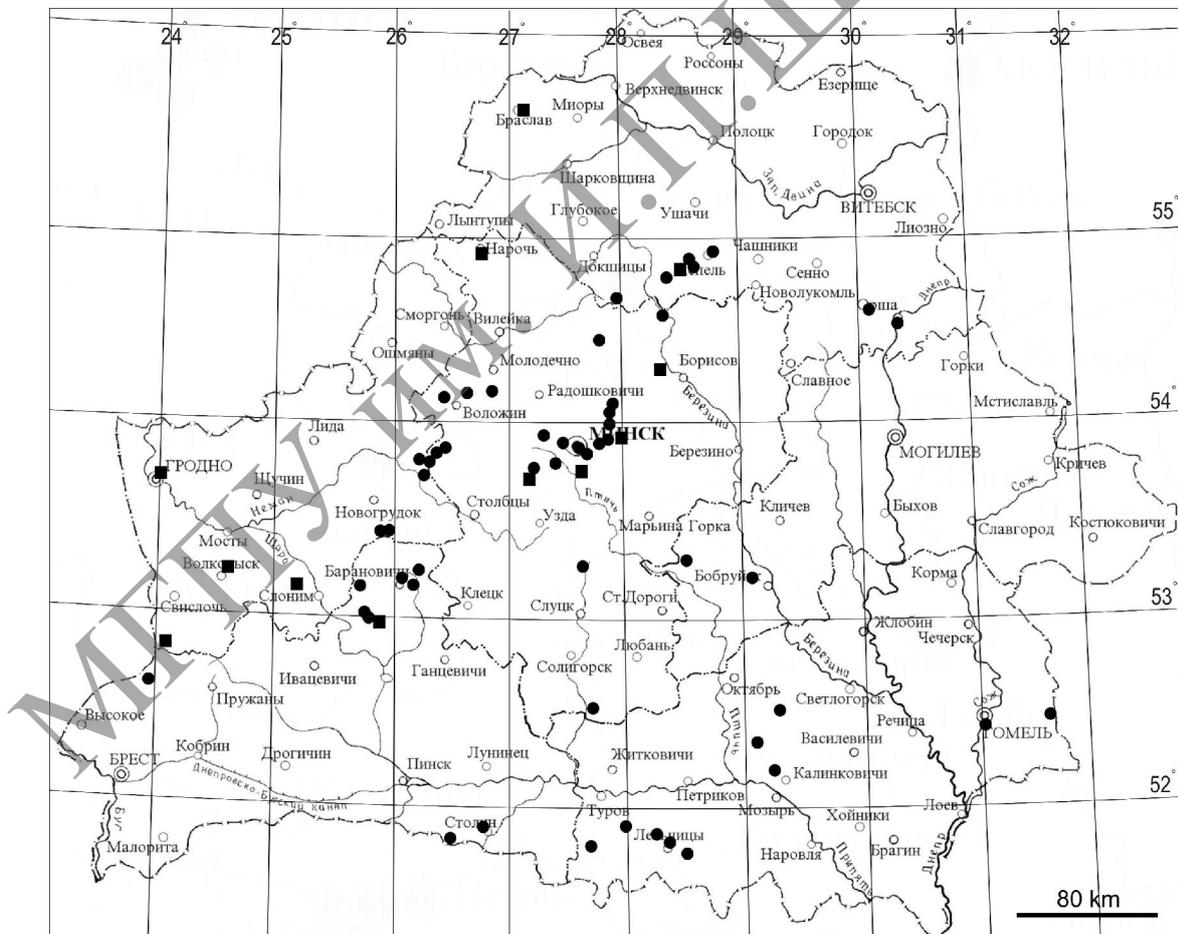
¹ Некоторые авторы рассматривают представителей семейства с накипным слоевищем в составе самостоятельного рода *Dimerella* Trevis.

Методы и объекты исследования. В настоящей работе использованы материалы, полученные в результате обработки оригинальной коллекции лишайников, собранных на территории некоторых административных районов Беларуси, а также на особо охраняемых природных территориях различного ранга (ГПУ «Березинский биосферный заповедник»; национальные парки «Беловежская пуща», «Припятский»; ландшафтные и биологические заказники: «Налибокская пуща», «Свितязянский», «Стронга», «Прилепский», «Барановичский», «Прилуцкий», «Подсады», «Глебкавка»; памятники природы республиканского значения – островные ельники на территории Добрушского и Калинковичского районов Гомельской области) в течение полевых сезонов 2008–2011 гг. Кроме того, были обобщены доступные литературные источники, данные гербария лишайников Института экспериментальной ботаники НАН Беларуси (MSK-L), а также личного гербария А. П. Яцыны.

Результаты исследования и их обсуждение

Coenogonium pineti (Schrad. ex Ach.) Lücking & Lumbsch (= *Belonium piceae* Henn., *Biatora pineti* (Schrad.) Fr., *Biatorina diluta* (Pers.) Th. Fr., *B. pineti* (Schrad.) A. Massal., *Biatorinopsis diluta* (Pers.) Müll. Arg., *Bilimbia pineti* (Schrad.) Branth & Rostr., *Cistella piceae* (Henn.) Dennis, *Dimerella diluta* (Pers.) Trevis., *D. pineti* (Schrad.) Vězda, *Gyalecta diluta* (Pers.) Blomb. & Forssell, *G. pineti* (Schrad.) Tuck., *Lecidea diluta* (Pers.) Leight., *L. pineti* Schrad., *Microphiale diluta* (Pers.) Zahlbr., *Niptera taxi* Rea, *Peziza diluta* Pers., *Secoliga diluta* (Pers.) Arnold, *Sporoblastia diluta* (Pers.) Trevis.) (рисунок 1).

Распространение в Беларуси: *Coenogonium pineti* отмечен на территории всех областей республики и 29 административных районов (рисунок 2).

■ – по литературным данным, ● – по результатам собственных исследований

Рисунок 2 – Распространение *Coenogonium pineti* (Schrad. ex Ach.) Lücking & Lumbsch на территории Беларуси

Брестская область: *Барановичский район*, окр. г. Барановичи (1 км к С), ур. «Гай», у комля ели в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 27.08.2009; Ландшафтный заказник «Стронга», окрестности д. Полонка (3,5 км к З), на коре стволов ели, сосны в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 26.08.2009; окр. д. Деколы (2 км к З), у основания ствола ели в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 26.08.2009; окр. д. Лесная (2 км к З), на коре ствола сосны в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 25.08.2009; окр. д. Тартаки, у основания ствола ольхи черной в черноольшанике крапивном, В. В. Голубков, 06.10.1991, (MSK-L); окр. д. Юшковичи (3 км к СЗ), на стволах ели, сосны в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 28.08.2009; *Каменецкий район*, ГПУ «НП Беловежская пуца», Королево-мостовское л-во, кв. 740, выд. 38, на коре ствола сосны, у основания ствола ели в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 17.10.2009; ГПУ «НП Беловежская пуца», Королево-мостовское л-во, кв. 780, выд. 14, на коре стволов ольхи черной, сосны в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 16.10.2009; *Ляховичский район*, окрестности д. Литва (2 км к З), на коре стволов сосны, ели в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 24.08.2009; окр. д. Литва (1,5 км к З), на коре стволов ели, сосны в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 24.08.2009; *Столинский район*, окр. г. Столин (5 км к СЗ), на коре стволов ели, сосны, ольхи черной в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 06.08.2010; окр. д. Деревная (2 км к З), на коре ствола ели (комель) в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 10.08.2010.

Витебская область: *Браславский район*, окр. д. Дубки, на упавшем замшелом стволе *Quercus robur* L. в дубраве папоротниковой, А. П. Яцына, 27.04.2010; *Докицкий район*, окр. д. Замосточье (1,5 км к СЗ), на коре стволов ели, сосны в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 15.10.2010; *Лепельский район*, Барсуковское л-во, окрестности д. Барсуки (0,5 км к СВ), на коре ствола ели, на растительных остатках в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 07.04.2010; окр. д. Барсуки (1,5 км к СВ), на коре ствола ели, ольхи черной в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 04.09.2010; Березинский биосферный заповедник, Домжерицкое л-во, окр. д. Домжерицы (1,5 км СВ), у основания стволов ели в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 07.10.2009; Березинский биосферный заповедник, Крайцевское л-во, кв. 375, на стволе *Salix fragilis* L. в ольсе злаково-осоковом, А. П. Яцына, 16.11.2010; окр. г. Лепель (1,5 км к СВ), на коре стволов ели, сосны в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 14.07.2010; окр. д. Барсуки (2,5 км к ЮВ), на коре ствола березы в ельнике черничном, П. Н. Белый, 15.07.2010; *Оршанский район*, окр. г. Орша (3 км к Ю), у основания ствола ели в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 04.04.2011; окр. д. Смольяны (6 км к З), на коре ствола сосны в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 05.04.2011.

Гомельская область: *Гомельский район*, окр. д. Ченки, ГЛХУ «Жореневская экспериментальная лесная база ИЛ», на коре стволов ели, сосны в ельнике черничном, П. Н. Белый, 22.07.2010; *Добрушский район*, окр. д. Уборок (4 км к С), Добрушское л-во, кв. 173, П. Н. Белый, на коре стволов ели, сосны, корневых лапах березы и мхах в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 26.07.2010; окр. д. Уборок (4 км к С), кв. 150, у комля ели в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 26.07.2010; *Калинковичский район*, Озаричское л-во, кв. 49, выд. 26, окр. д. Никоново (1,5 км к ССЗ), у комля ели в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 04.07.2009; окр. д. Никоново (2 км к ССЗ), у комля ели в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 05.07.2010; окр. д. Никоново (2 км к ССЗ), на коре ствола сосны в сосняке мшистом, П. Н. Белый, 05.07.2010; окр. д. Перетрутовский Воротынь (1 км к СЗ), у комля ели в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 25.09.2009; окр. д. Якимовичи (1 км к ЮВ), на коре стволов ели, сосны в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 25.09.2009; окр. д. Якимовичи (1 км к ЮВ), на коре ствола сосны в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 25.09.2009; *Лельчицкий район*, окрестности г. Лельчицы (1 км к С), у основания ствола ели, на стволе ольхи черной в ельнике черничном, П. Н. Белый, А. В. Таргоня, 19.09.2009; окр. д. Букча (3 км к ССВ), на стволах ели, сосны, березы, мхах, гниющей древесине в ельнике черничном, П. Н. Белый, 21.09.2009; окр. д. Дубровки (1 км к СЗ), на коре ствола ели, сосны в ельнике черничном, П. Н. Белый, 20.09.2009; окр. д. Липляны (0,5 км к ЮЗ), на коре ствола сосны в ельнике мшистом, П. Н. Белый, А. В. Таргоня, 19.09.2009; окр. д. Симоничский Млынок (0,5 км к СЗ), у основания ствола ели в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 20.09.2009; окр. д. Стодоличи (1 км к С), на коре ствола ели в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 19.09.2009.

Гродненская область: *Новогрудский район*, ландшафтный заказник «Свитязянский», окрестности д. Ярошичи (2,5 км к В), на коре ствола сосны, у комля ели в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 29.08.2009; Ландшафтный заказник «Свитязянский», окрестности д. Ятвезь (1 км к З), у основания ствола ели в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 29.08.2009; окр. д. Бор (4 км к СВ), на коре стволов ели (комель), сосны в ельнике мшистом, 10.09.2010; окр. д. Понемонь (3 км к ССВ), на коре ствола сосны в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 19.09.2010.

Минская область: *Борисовский район*, Березинский биосферный заповедник, Паликское л-во, кв. 701, окр. д. Селец (3 км к С), у основания стволов ели в ельнике сныгевом, П. Н. Белый, 27.05.2008; *Воложинский район*: окр. д. Малая Дайновка (2,5 км к В), у основания ствола ели в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 24.10.2010; окр. д. Чабаи (1,5 км к ЮВ), на коре стволов ели, сосны в ельнике кисличном, 23.10.2010; *Дзержинский район*, окр. г. Дзержинск (2 км к СВ), на коре стволов ели, сосны в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 01.11.2010; *Логойский район*, окр. г. п. Плещеницы (2 км к ЮЗ), у основания стволов ели в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 17.11.2010; окр. д. Дуброво (2 км к СВ), у основания ствола ели в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 26.07.2010; окр. д. Дуброво (2 км к СЗ), на стволе сосны, у основания стволов ели в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 28.06.2010; окр. д. Швабы (4 км к Ю), на мхах у берега ручья в ельнике чернично-мшистом, В. В. Голубков, 02.07.1987, (MSK-L); *Минский район*, биологический заказник «Глебковка», окр. н. п. Колодищи (1 км к ЮВ), у основания ствола ели в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 01.10.2010; биологический заказник «Подсады», окр. д. Падсады (1 км к СВ), на коре стволов ели, сосны в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 10.10.2010; биологический заказник «Прилуцкий», окр. д. Ходаково (1,5 км к СЗ), на коре стволов ели, сосны, березы в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 25.09.2010, г. Минск, парк им. 50-летия Октября, ельник кисличный, у комля старовозрастной ели, П. Н. Белый, 03.07.2010; д. Семково, парк, на стволе *Tilia cordata* Mill. в дубраве разнотравной, А. П. Яцына, 18.03.2011; в заказнике «Прилепский», окр. д. Сосновая (2,5 км к З), у основания ствола березы в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 12.10.2010; Минское л-во, окр. д. Дегтяревка (3 км к С), у основания стволов ели в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 22.09.2010; окр. г. Минск (ЮВ, остановка 14-й км), на коре стволов сосны в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 18.07.2010; окрестности д. Слабодщина, Прилепская лесная дача, в понижении на кочках с растительными остатками в ельнике кисличном, В. В. Голубков, 04.09.1977 (MSK-L); окр. д. Кайково, на сухих ветках бузины в ельнике кисличном, В. В. Голубков, 06.06.1981, (MSK-L); *Молодечненский район*, окр. д. Кичино (2 км к Ю), на коре ствола ели, сосны в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 26.10.2010; *Мядельский район*, окрестности оз. Нарочь, 34 кв. Гатовичского лесничества, на корневых лапах березы бородавчатой в березняке осоково-тростниковом, В. В. Голубков, 07.10.1984 (MSK-L); *Слуцкий район*, окр. д. Вежи (0,5 км к З), у комля ели в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 15.09.2010; *Солігорскі раён*, окр. д. Домановичи (2 км к ССЗ), у основания стволов ели в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 14.09.2010; *Столбцовский район*, окр. д. Клетиче (2,5 км к В), на коре ствола ольхи черной в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 08.09.2010; окр. д. Клетиче (2,5 км к СВ), на стволах сосны, у основания ствола ели в ельнике черничном, П. Н. Белый, 08.09.2010; окр. д. Клетиче (7 км к СВ), на коре ствола сосны в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 09.09.2010; окр. д. Клетиче (7,5 км к СВ), на коре ствола сосны в ельнике кисличном, П. Н. Белый, 10.09.2010; окр. оз. Кромань (1 км к СВ), на коре ствола ели в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 12.09.2010.

Могилевская область: *Бобруйский район*, окр. д. Сычково (1 км к СЗ), на коре стволов ольхи черной, ели в ельнике черничном, П. Н. Белый, 21.11.2010; *Осиновичский район*, окр. д. Верейцы (1,5 км к ЮЗ), на коре стволов ели, сосны в ельнике мшистом, П. Н. Белый, 27.10.2009.

Основываясь на полученных данных, можно предполагать, что *S. pineti* при наличии соответствующих условий среды является обычным, широко распространенным на территории республики видом. В эколого-субстратном отношении, согласно полученным данным, *S. pineti* является эпифитным видом (181 находка, или 94,3% общего числа находок), изредка переходя на мхи (7 находок, или 3,6%), растительные остатки (3 находки, или 1,6%), на разрушающуюся древесину (1 находка, или 0,5%). Более половины указаний на коре деревьев (109, или 60,2%) отмечено в прикомлевой части ствола, остальные 39,8% (72 находки) приходится на область ствола. Среди форофитов, наиболее часто заселяемых *S. pineti*, следует указать ель (*Picea abies* (L.) Н. Karst.), на которой отмечено 49,0% общего числа находок (94), сосну (*Pinus sylvestris* L.) – 63 находки (или 32,8%). Остальные древесные породы, на которых был отмечен данный вид, характеризуются меньшими показателями: береза (*Betula pendula* Roth) – 12 находок (6,3%), ольха черная (*Alnus glutinosa* (L.) Gaerth.) – 6 (3,1%), дуб (*Quercus robur* L.) – 3 (1,6%), липа (*Tilia cordata* Mill.) – 1 (0,5%), ива (*Salix fragilis* L.) – 1 (0,5%).

Выводы

Таким образом, в результате обобщения доступных литературных источников, данных гербарных коллекций, а также материалов собственных исследований установлены особенности распространения и экологии *Coenogonium pineti* (Schrad. ex Ach.) Lücking & Lumbsch на территории Республики Беларусь. Дальнейшие исследования, безусловно, еще более расширят и уточнят наши знания особенностей экологии и хорологии *Coenogonium pineti* в Беларуси.

Літаратура

1. Ainsworth and Bisby's Dictionary of the Fungi / P. M. Kirk [etc.]. – 10th ed. – UK : Wallingford, 2008. – 771 p.
2. A first assessment of the Ticolichen biodiversity inventory in Costa Rica: the genus *Coenogonium* (*Ostropales*: *Coenogoniaceae*), with a world-wide key and checklist and a phenotype-based cladistic analysis / E. P. Rivas [etc.] // *Fungal Diversity*. – 2006. – № 23. – P. 255–321.
3. Lackovičová, A. Genus *Dimerella* (*Coenogoniaceae*, lichenized *Ascomycota*) in Slovakia / A. Lackovičová, A. Guttoová // *Acta. Bot. Croat.* – 2005. – Vol. 64, № 2. – P. 289–301.
4. Семенова, Н. В. Эпифитные лишайники главнейших древесных пород Негорельского учебно-опытного лесхоза : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.00.05 / Н. В. Семенова ; БГУ им. В. И. Ленина. – Минск, 1953. – 13 с.
5. Горбач, Н. В. Да вывучэння лішайнікавых фармацый ствалоў і сунчаў асноўных лесаўтвараючых парод / Н. В. Горбач // *Весці акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя біялагічных навук.* – 1962. – № 1. – С. 100–106.
6. Горбач, Н. В. Да пытання аб удзеле лішайнікаў-эпіфітаў у лясных цэнозах / Н. В. Горбач // *Весці акадэміі навук Беларускай ССР.* – 1955. – № 3. – С. 112–118.
7. Горбач, Н. В. Лишайники Верхнеберезинских лесов / Н. В. Горбач, А. И. Машенкова // *Дендрология и лесоведение : сб. науч. ст. / Ин-т экспериментальной ботаники ; под ред. И. Д. Юркевича.* – Минск, 1967. – С. 163–168.
8. Голубков, В. В. Первый аннотированный список лишайникообразующих и лихенофильных грибов Березинского биосферного заповедника / В. В. Голубков, Н. Н. Кобзарь // *Особо охраняемые природные территории Беларуси. Исследования.* – Минск, 2007. – Вып. 2. – С. 11–34.
9. Кобзарь, Н. Н. Лихенизированные грибы // *Макромицеты, микромицеты и лихенизированные грибы Беларуси. Гербарий Института экспериментальной ботаники им. В. Ф. Купревича (MSK-F, MSK-L) / О. С. Гапиенко [и др.] ; науч. редакторы: акад. В. И. Парфенов, канд. биол. наук О. С. Гапиенко.* – Минск : ИВЦ Минфина, 2006. – С. 459–500.
10. Голубков, В. В. *Gyalecta derivata* и *Coenogonium pineti* в Беларуси / В. В. Голубков, Л. В. Гагарина // *Новости систематики низших растений.* – Т. 44. – С. 144–152.
11. Wirth, V. *Die Flechten Baden-Württembergs* / V. Wirth. – Stuttgart : Ulmer, 1995. – 527 s.

Summary

The investigation provides new information on the distribution of *Coenogonium pineti* (Schrad. ex Ach.) Lücking & Lumbsch in Belarus. Recently *C. pineti* has been found to be more or less common when the ecological requirements are met. It is most frequent on *Picea abies* (L.) H. Karst. (ca 49,0%) and *Pinus sylvestris* L. (32,8%). It was less commonly recorded on *Betula pendula* Roth (6,3%), *Alnus glutinosa* (L.) Gaerth. (3,1%), *Quercus robur* L. (1,6%), *Salix fragilis* L. (0,5%), *Tilia cordata* Mill. (0,5%), on mosses (3,6%), plant debris (1,6%) and rotten wood (0,5%).

Поступила в редакцию 20.04.11.

УДК 581 + 581.1 + 581.9 + 582.688.3

С. В. Зеркаль, Ю. В. Бондарь, Ю. В. Ходневич

**ПРОБЛЕМА ИНТРОДУКЦИИ РОДОДЕНДРОН КАРОЛИНСКИЙ
(RHODODENDRON CAROLINIANUM RHED.) И РОДОДЕНДРОН ПОНТИЙСКИЙ
(RHODODENDRON PONTICUM L.) В УСЛОВИЯХ ЮГО-ЗАПАДА БЕЛАРУСИ**

*Изучена возможность интродукции двух видов рода *Rhododendron* L. – *Rhododendron carolinianum* Rhed. и *Rhododendron ponticum* L. Проведен сравнительный анализ климатических условий естественных ареалов этих видов, а также районов их массовой интродукции, что в дальнейшем позволит более рационально подходить к выбору видового состава, наиболее оптимальному к региону юго-запада Беларуси.*

Введение

Первая попытка внедрения иноземных древесных растений на территории Беларуси была предпринята французским ботаником Жильбертом в 1775 г. в г. Гродно. Интродукция древесных растений явилась следствием потребности в новых оригинальных деревьях и кустарниках для садово-паркового строительства в Беларуси. Во второй половине XIX века возникли семеноводческие фирмы и коммерческие древесные питомники, которые способствовали распространению интродуцированных растений и их массовому разведению в садах и парках как вновь строящихся, так и в старых [1].

По данным учета, проведенного С. Д. Георгиевским в середине 20-х годов на территории восточной части Беларуси, в садах, парках, лесах и в старых питомниках произрастало около 230 видов иноземных древесных растений разного географического происхождения. Из них вскоре получили распространение 47 видов деревьев и около 50 видов кустарников и лиан. Интродукция древесных растений проводится преимущественно для удовлетворения запросов декоративного садоводства и зеленого строительства в республике. Привлекаются и подвергаются интродукционному испытанию в питомниках и дендрариях виды и формы с высокими декоративными качествами, перспективные для использования в озеленении. Предпочтение отдается хвойным растениям, быстрорастущим породам, красиво цветущим кустарникам, лианам, дымо- и газоустойчивым видам [2].

В последние годы озеленению городов и населенных пунктов в Беларуси уделяется особое внимание на государственном уровне в связи с решением задач по улучшению экологии и эстетики жизни людей. Сегодня найдется мало деревенских или городских приусадебных и дачных участков без декоративных растений. Большинство из них – интродуценты [3].

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках наших исследований среди многочисленного списка интродуцированных видов на территории юго-запада Беларуси особое внимание привлекли представители рода *Rhododendron* L. (сем. Ericaceae (Juss.) DC.). В озеленении больших и малых населенных пунктов виды данного рода практически отсутствуют, несмотря на то что климатические и почвенные условия в Юго-Западной части Бугско-Полесского региона более или менее благоприятны для их культивирования. По-видимому, основным препятствием внедрения их в культуру является недостаточное количество данных о биологии, росте и развитии, видовой принадлежности, а также о некоторых аспектах семенного и вегетативного размножения.

Введению новых видов и сортов растений в культуру предшествует комплексное сравнительное изучение их эколого-биологических особенностей в новых условиях произрастания. Только по результатам этой работы можно давать научно обоснованные рекомендации о перспективности того или иного растения для культивирования в регионе [4].

При отборе исходного материала для интродукции теоретической предпосылкой служили положения о том, что экологический потенциал растений не только обусловлен природными условиями его современного ареала, но и связан с историей формирования и расселения вида. Предварительная оценка перспективности вида для интродукции давалась на основании анализа флор тех или иных географических районов. Окончательную же оценку пригодности интродуцента для широкой культуры должен был дать прямой опыт [5].

Учитывая неравноценность особей одного и того же вида по биологическим свойствам, семенной материал привлекался, по возможности, из разных мест естественного ареала и нахождения вида в культуре [5]. Конечной целью интродукционного опыта является выделение устойчивых видов и сортов, перспективных для широкой культуры в регионе [6].

Традиции интродукции и паркостроения на территории юго-запада Беларуси, и в особенности г. Бреста, имеют вековые и глубокие корни. В современном городе многочисленные парки, бульвары и улицы с декоративными аллеями составлены многими растениями из интродуцированных видов, родиной которых являются Северная Америка, Кавказ, Западная Европа, Дальний Восток, Центральная и Восточная Азия.

Рододендроны (греч. Rhodon – роза, Dendron – дерево) – это вечнозеленые, полувечнозеленые или листопадные кустарники, кустарнички, реже деревья [6].

Культивировать рододендрон начали давно, и этому способствовали высокие декоративные качества растений. В настоящее время виды данного рода имеются преимущественно в ботанических садах и дендрариях СНГ. Наиболее многочисленные коллекции собраны в Риге, Москве, Киеве, Минске. Интродуцировано немногим более 100 видов (шестая часть) известных в мировой садоводческой практике рододендрона.

Цветение и плодоношение рододендрона – показатель успешной интродукции в данном пункте, что также важно для оценки пригодности растения к выращиванию [7].

Культура рододендронов зародилась в Англии. Из Англии рододендроны перекочевали во Францию, Голландию, Бельгию, в Россию, США и в другие страны. В России они введены в культуру во второй половине XIX – начале XX вв. в Петербургском ботаническом саду. Академик П. Паллас обратил внимание на исключительную декоративность рододендронов и рекомендовал их для озеленения [8].

Для успешного выращивания диких видов необходимо знать их географическое распространение и требования к экологическим условиям. Известно несколько ареалов распространения дикорастущих рододендронов: Гималаи, Западный и Центральный Китай, прибрежные районы Китая, Северо-Восточная Азия, Япония, Европа, Северная Америка. Наибольшее количество рододендронов сосредоточено в Китае [9].

В Беларуси большое количество рододендронов было собрано в ботаническом саду земледельческого училища в Горках, но, к сожалению, к настоящему времени они не сохранились. В 1966 году из Таллиннского ботанического сада АН Эстонии в Центральный ботанический сад НАН Беларуси было завезено около десяти видов. С 1972 года по обменному фонду из различных ботанических и растениеводческих учреждений зарубежных стран были получены разные виды рододендрона [9]. С этого времени в ЦБС НАН Беларуси опробовано выращивание 87 дикорастущих видов, 22 гибридов и сортов. Результатом интродукционной работы стало создание коллекционных посадок, в настоящее время насчитывающих 62 таксона, из которых 35 вечнозеленых, 3 полувечнозеленых и 24 листопадных кустарника, успешно произрастающих и ежегодно обильно цветущих в условиях Беларуси [10], [11].

Введение рододендрона в культуру Центрального ботанического сада, а затем и в другие районы Беларуси для озеленения началось с 1966 г. За 36 лет состав коллекции рододендрона изменялся в зависимости от условий перезимовки и пополнялся ежегодно за счет выращивания растений новых образцов из семян. Центральный ботанический сад продолжает увеличивать коллекцию рододендронов путем привлечения новых видов и сортов [8].

Юго-западная часть Беларуси отличается более продолжительным вегетационным периодом (207–208 дней), умеренно теплой и менее продолжительной зимой, незначительным промерзанием почвы по сравнению с её центральной и восточной областями, что создает благоприятные условия для их произрастания (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнительная характеристика климатических факторов северной, центральной и южной частей Беларуси (Витебск – Минск – Брест) *

Климатический фактор	Витебск (55° 20' с. ш.; 30° 10' в. д.)	Минск (53° 54' с. ш.; 27° 34' в. д.)	Брест (52° 10' с. ш.; 23° 70' в. д.)
Суммарная солнечная радиация, ккал/см ² в год	85–87	88,7	80–100
Температура воздуха самого теплого месяца (июль), °С	17,0–17,8	17,5	19,7
Температура воздуха самого холодного месяца (январь), °С	-6,4 (-8,1)	-7,3	-5,8
Годовая амплитуда температуры воздуха, °С	24,8	24,8	24,8
Суммы температур воздуха за период с температурой выше 10° С	2100	2210	2400
Длительность периода с температурой выше 10° С	140	145	160
Даты начала и конца безморозного периода	05,12–28,03	3,10–3,05	26,12–05,04
Длительность безморозного периода в воздухе, дни	140	152	170
Длительность безморозного периода на почве, дни	135	135	140
Количество осадков в год, мм	650–700	646	620
Количество дней с осадками, дни	183	193	171
Число дней со снежным покровом, дни	120	110	80
Продолжительность самого длинного дня, ч, мин	17 ч 30 мин	17 ч 30 мин	17 ч 30 мин

* Примечание – показатели приведены из [6].

В качестве объектов исследования были выбраны представители рода *Rhododendron* L. – рододендрон каролинский (*Rh. carolinianum* Rehder.) и рододендрон понтийский (*Rh. ponticum* L.), интродуцированные семенами из репродукции Центрального ботанического сада АН Беларуси.

Рододендрон каролинский – Rhododendron carolinianum Rehder

Родина – Северная Америка. Растет в горах на открытых склонах и в светлых лесах.

Вечнозеленый кустарник высотой 1–1,5 м, в культуре ниже и компактнее. Кора светло-коричневая. Листья эллиптические, 6–10 см длиной, 3–4 см шириной, сверху голые, снизу густо покрыты чешуями, темно-зеленые. Цветет в мае – июне. Цветки белые или розовые, около 3 см в диаметре, по 4–9 в соцветии, воронковидные, с желтоватым пятном, без запаха. Продолжительность цветения – 18 дней. Плод – коробочка, созревает в октябре. Растет медленно, годичный прирост около 5 см. Живет около 30 лет. Светолюбив. Почвы предпочитает слабокислые, легкие, влажные. Относительно зимостоек. В любительских садах высаживают группами и одиночно на каменистых участках.

Вид известен с 1915 г., в Минске – с 1966 г. [8].

Кустарник, высота – 0,6 м, диаметр кроны – 50 см. Растет сравнительно медленно, ежегодный прирост до 3 см. Цветет с 11 лет 30 дней, иногда чуть более месяца, ежегодно, не обильно. Плодоносит. Зимостойкость I (II). Всхожесть семян до 45%.

В таблице 2 дана климатическая характеристика районов произрастания *Rh. carolinianum* Rhed.

Таблица 2 – Эколого-географическая характеристика районов происхождения *Rh. carolinianum* Rhed. восточной части Северной Америки*

Климатический фактор	США (41° 58' с. ш.; 83° 56' в. д.)
Суммарная солнечная радиация, ккал/см ² в год	80–180
Температура воздуха самого теплого месяца (июль), °С	20
Температура воздуха самого холодного месяца (январь), °С	-8 (-10)
Годовая амплитуда температуры воздуха, °С	24
Суммы температур воздуха за период с температурой выше 10° С	300–3200
Длительность периода с температурой выше 10° С	180
Даты начала и конца безморозного периода	13,10–1,05
Длительность безморозного периода в воздухе, дни	180–200
Длительность безморозного периода на почве, дни	160–180
Количество осадков в год, мм	900–950
Количество дней с осадками, дни	120–140
Число дней со снежным покровом, дни	60–80

* Примечание – показатели приведены из [12]–[14].

Rhododendron ponticum – *Rhododendron ponticum* L.

Родина – Кавказ, Сирия, Ливан.

Вечнозеленый кустарник или многоствольное деревце. Высота – 2–6 м. Кора бурая или вишнево-бурая. Листья продолговато-ланцетовидные, 9–28 см длиной, 2–9 см шириной, сверху блестящие, темно-зеленые, снизу светлее, с обеих сторон голые. Цветение в мае – июне, осенью повторно в течение трех недель. Цветки сиреневые или бледно-розовые с желтоватыми крапинками до 6 см в диаметре, в соцветии по 10–15 цветков. Во время цветения эффектные крупные, плотные соцветия и яркие цветки [8].

Плоды – цилиндрические коробочки, голые, до 2 см длиной, созревают в октябре. В благоприятных условиях растет довольно быстро, годичный прирост – 10–15 см. Живет более 100 лет. Теневынослив. Почва должна быть слабокислой, рыхлой, влажной. В умеренной зоне России зимует только с укрытием. Зимостойкость I.

В любительском садоводстве используется группами и одиночно на фоне хвойных и лиственных пород.

В таблице 3 дана климатическая характеристика районов произрастания.

Таблица 3 – Эколого-географическая характеристика района произрастания *Rhododendron ponticum* L в Сирии, Ливане и на Кавказе*

Климатический фактор	Сирия (41° 37' с. ш.; 1° 58' з. д.)	Ливан (56° 21' с. ш.; 26° 10' в. д.)	Кавказ (Аджария) (41° 41' с. ш.; 43° 44' в. д.)
Суммарная солнечная радиация, ккал/см ² в год	60–120	100–120	110–120
Температура воздуха самого теплого месяца (июль), °С	+26 – +33	+28	+20 – +26
Температура воздуха самого холодного месяца (январь), °С	+4	+10 – +13	+3 – +9
Годовая амплитуда температуры воздуха, °С	27	28	27
Суммы температур воздуха за период с температурой выше 10° С	2000–2100	2400	2000–2100
Длительность периода с температурой выше 10° С	185–195	185	170–185
Даты начала и конца безморозного периода	28,12–06,03	26,12–05,04	28,12–30,03
Длительность безморозного периода в воздухе, дни	260–280	300	210–225
Длительность безморозного периода на почве, дни	240–260	280	195–200
Количество осадков в год, мм	500–1000	400–1300	1000–2800
Количество дней с осадками, дни	90–110	100–120	128–130
Число дней со снежным покровом, дни	40–60	30–40	55

*Примечание – показатели приведены из [12], [15]–[18].

Как следует из приведенных данных в таблицах 1–3, климат Беларуси по сравнению с таковым в Сирии, Ливане, на Кавказе и в США отличается более продолжительным неблагоприятным периодом с низкими температурами и прохладным летним сезоном, хотя продолжительность периода с температурой выше 10° С приблизительно равны (в Сирии – 185–195 дней, в Ливане – 185, в США – 180, на Кавказе – 185 и в Беларуси – 150).

Выводы

Таким образом, сравнительное исследование климатических факторов показали, что значения основных показателей климатических условий в естественных ареалах незначительно превышают таковые в условиях г. Бреста и его окрестностей, что, вероятно, позволит выращивать эти два вида (*Rh. ponticum* L., *Rh. carolinium* Rehd.) на территории юго-запада Беларуси.

Литература

1. Кожевников, Ю. П. Семейство вересковые (Ericaceae) / Ю. П. Кожевников // Жизнь растений : в 6 т. [Электронный ресурс] / под ред. А. Л. Тахтаджяна. – М. : Просвещение, 1981. – Т. 5, Ч. 2 : Цветковые растения. – С. 88–95. – Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа : 25.02.2011.
2. Шкутко, Н. В. Интродукция древесных растений в Белоруссию / Н. В. Шкутко, А. А. Чаховский, Е. З. Боборенко // Интродукция и селекция растений. – Минск : Наука и техника, 1972. – С. 51–65.

3. Кондратович, Р. Я. Рододендроны в Латвийской ССР: Биологические особенности культуры : монография / Р. Я. Кондратович ; ред. Х. А. Мауриня ; Латвийский гос. ун-т им. П. Стучки. – Рига : Зинатне, 1981. – 332 с.
4. Декоративные многолетники: результаты интродукции и перспективы использования в народном хозяйстве / И. К. Володько [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2008. – 214 с.
5. Володько, И. К. Центральный ботанический сад НАН Беларуси: Рододендроны – экскурсия по коллекции / И. К. Володько. – Минск : Эдит ВВ, 2005. – 6 с.
6. Зеркаль, С. В. К вопросу об интродукции некоторых видов рода *Rhododendron* L. в условиях Юго-Запада Беларуси / С. В. Зеркаль, Ю. В. Бондарь // Вучоныя запіскі Брэсцкага дзярж. ун-та. Сер. прыродазнаўчыя навукі. – Брэст, 2009. – Вып. 5, Ч. 2. – С. 46–56.
7. Базилевская, Н. А. Теории и методы интродукции растений / Н. А. Базилевская. – М. : изд-во МГУ, 1964. – 132 с.
8. Ботяновский, И. Е. Рододендроны / И. Е. Ботяновский. – Минск : Красико-Принт, 2007. – 64 с.
9. Гайшун, В. В. Рододендроны / В. В. Гайшун. – М. : Дом МСП, 2004. – 32 с.
10. Сидорович, Е. А. Размножение декоративного кустарника рода *Rhododendron* L. для использования в зеленом строительстве Беларуси / Е. А. Сидорович, А. К. Злотников, Т. М. Бурганская // Тр. Белорус. гос. технолог. ун-та. Сер. 1, Лесн. хоз-во. – 2000. – Вып. 8. – С. 130–134.
11. Итоги интродукции растений в Белорусской ССР (к 50-летию ЦБС АН БССР) / редкол.: Е. А. Сидорович (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1982. – 200 с. – С. 59–85.
12. География материков и океанов : атлас / под ред.: А. С. Николаева [и др.]. – М. : Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР, 1991. – 42 с.
13. Краткая географическая энциклопедия : в 3 т. [Электронный ресурс] / редкол.: А. А. Григорьев (гл. ред.) [и др.]. – М. : Советская энциклопедия, 1962. – 580 с. – Режим доступа : www.geoman.ru. – Дата доступа : 24.02.2011.
14. Visher, S. S. Climatic atlas of the United States [Electronic resource] / S. S. Visher. – Camb., 1954. – Mode of access : www.geoman.ru. – Date of access : 24.02.2011.
15. Географический атлас для учителей средней школы / Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР. – 4-е изд-е. – М., 1983. – 238 с.
16. Географический атлас СССР / под ред.: А. С. Николаева [и др.]. – М. : Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР, 1991. – 32 с.
17. География Беларуси : атлас : вуч. дапам. для 9-га кл. устаноў, якія забяспечваюць атрымманне агул. сярэд. адукацыі, з бел. і рус. мовамі навучання з 11-г. тэрмінам навучання / навук. кір. Р. А. Жмойдзяк. – Мінск : РУП «Белкартаграфія», 2004. – 64 с.
18. География материков и океанов : атлас / под ред.: А. С. Николаева [и др.]. – М. : Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР, 1991. – 42 с.

Summary

Possibility of two kinds introduction of sort *Rhododendron* L. is studied. – *Rhododendron carolinianum* Rhed. and *Rhododendron ponticum* L. The comparative analysis of climatic conditions of natural areas of these kinds with their areas mass introduction is carried out. That will allow to approach to the choice of species structure which is the most optimal to the region of southwest of Belarus rationally.

Поступила в редакцию 25.03.11.

УДК 663.2.032:546.36 + 42

Т. А. Тимофеева

**РАДИОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПОЙМЕННЫХ ЛАНДШАФТОВ
(на примере поймы р. Сож)**

В статье приводятся сведения по горизонтальной миграции ^{137}Cs в пойме р. Сожа в окрестностях д. Новоселки и д. Радуга Ветковского района Гомельской области. Сделаны выводы о влиянии ландшафтно-биогеохимических особенностей территории на миграцию и сорбцию радионуклида в почве.

Введение

В речных долинах распределение техногенных изотопов во многом определяется естественными миграционными процессами химических элементов по ландшафтам поймы и их вовлечением в пойменное почвообразование [1]. Современные биогеохимические процессы сопровождаются перераспределением радионуклидов в экосистемах, всё больше ставя их распределение в зависимость от природных особенностей территории [2], а также от типов почв [3]. В Гомельской области насчитывается 31 800 га аллювиальных земель, загрязнённых радионуклидами, основные массивы которых сосредоточены в поймах рек Припять, Сож, Ипуть и др. Один из наиболее загрязнённых районов – Ветковский (загрязнено 14 200 га пойменных угодий или 45% от общего по области) [4]. Поэтому пойма р. Сож в пределах данного района требует более детального исследования для определения путей оптимизации использования её в качестве кормовой базы для животноводства.

Материал и методы исследования. Исследования проводились в течение 2000–2004 гг. в окрестностях д. Новоселки и д. Радуга Ветковского района Гомельской области, имеющих высокую степень радиоактивного загрязнения радионуклидами ^{137}Cs , с учетом ландшафтно-биогеохимических особенностей территории. На исследуемом участке заложено 2 ландшафтных профиля (рисунки 1, 2). Структурно-функциональные части охарактеризованы 24 точками комплексного описания со съёмкой географических координат и высот над уровнем моря при помощи спутникового персонального навигатора Garmin GPS12 XL. В пределах поймы выделены: прирусловая пойма (отмель Т. 1, 10, 14, вал Т. 2, 11, 15, 16), старица (Т. 17 на границе прирусловой и центральной поймы), центральная пойма (повышенная Т. 5, 6, 18, 21 и пониженная части Т. 4, 19, 20, 22), притеррасная пойма Т. 7, 23, также исследования проводились на первой надпойменной террасе Т. 8, 9, 24.

Фактическим материалом для статьи послужили данные детальной радиационной съёмки объекта исследования (более 500 образцов почвенного покрова и растительности).

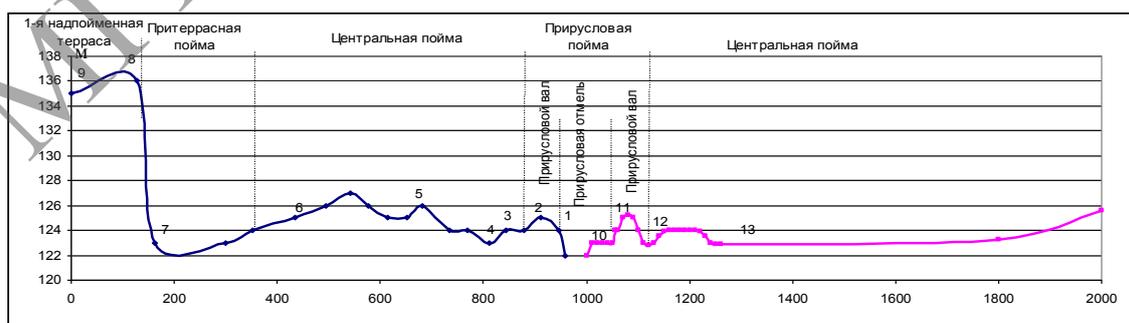

Рисунок 1 – Ландшафтный профиль № 1

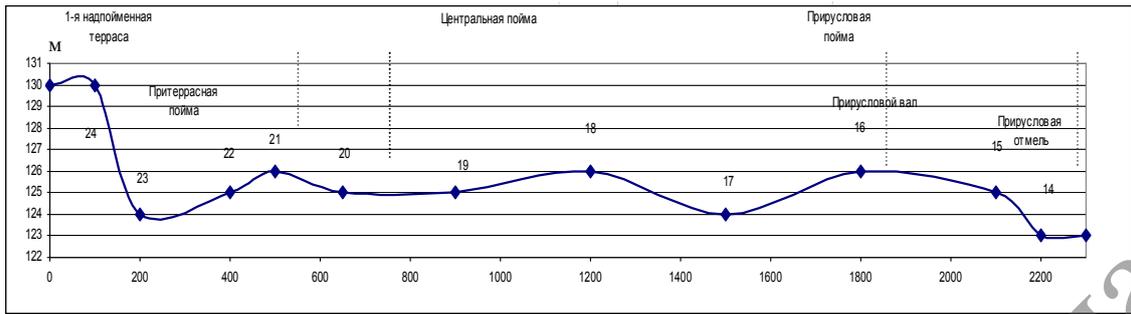

Рисунок 2 – Ландшафтны профіль № 2

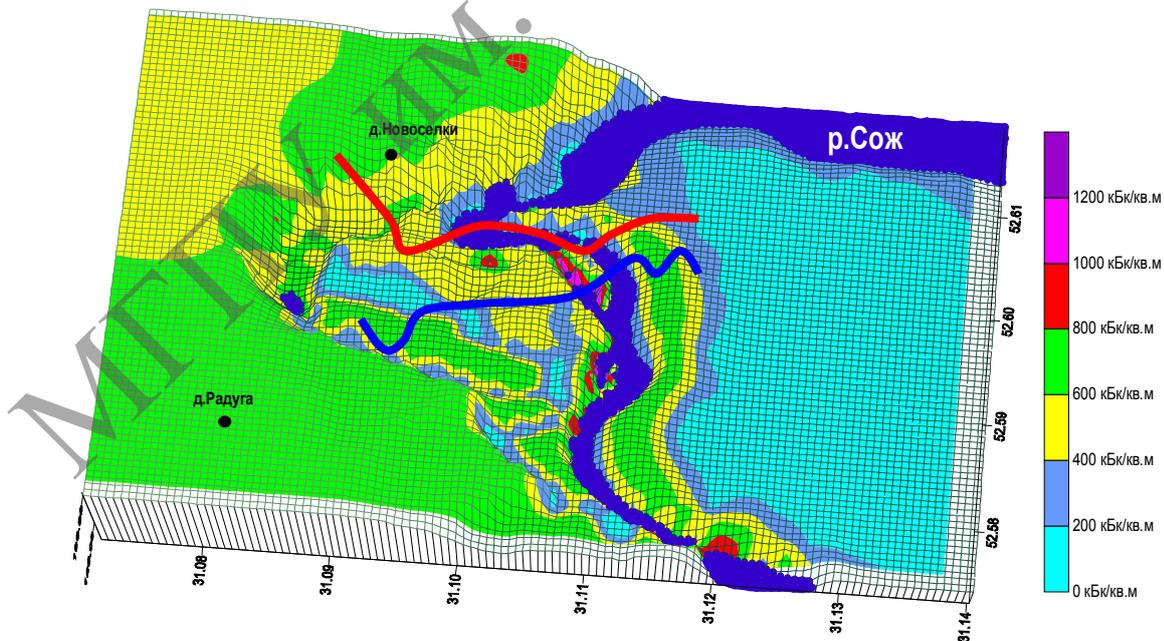
Результаты исследования и их обсуждение

Плотность загрязнения ^{137}Cs почвы исследуемого участка варьирует от 50 до 1200 кБк/м² (рисунок 3).

В результате исследований определены особенности структуры поля загрязнения на фациальном уровне, которые заключаются в сочетании фоновых и аномальных зон. При этом фоновыми считаются участки с уровнями загрязнения, близкими к средним официальным данным (185–555 кБк/м²).

Проявления аномальных зон с повышенной или пониженной плотностью загрязнения топографически приурочены к ограниченному ряду элементов ландшафта. Главным образом, это заболоченные старицы, ложбины или гряды центральной поймы, повышения прируслового вала и т. д. Более детально дифференциация плотности загрязнения данных объектов изучена с помощью метода профилирования.

Повышенные уровни радиоактивности обусловлены накоплением ^{137}Cs на локальных геохимических и биогеохимических барьерах. Пониженная плотность загрязнения (приусловая отмель) объясняется механическим удалением радионуклида во время паводков (т. е. промывным режимом) в связи со слабой задернованностью данного структурного элемента пойменной экосистемы.

Профиль № 1 ————— Профиль № 2 —————

Рисунок 3 – Рельефная карта плотности загрязнения ^{137}Cs почвенного покрова объекта исследования

Средняя плотность загрязнения почвы ^{137}Cs профиля № 1 за 2000–2004 гг. исследования составила 538 кБк/м². Содержание ^{137}Cs в почве профиля № 2 за 2001–2004 гг. исследования – 503 кБк/м². В целом наблюдается тенденция уменьшения количества ^{137}Cs на ландшафтных профилях поймы р. Сож. Она рассчитана как среднее арифметическое почвы и составляет 9–10% в год около 54 кБк/м².

При этом необходимо учитывать роль естественного распада радионуклидов. Определено, что в ходе естественного распада содержание радионуклида уменьшается на 2,3% в год, что составляет в среднем около 12–13 кБк/м² по обоим профилям. Оставшаяся часть радиоцезия (41–42 кБк/м²), видимо, фиксируется корневой системой, проникает в глубже лежащие слои, выносится грунтовыми и паводковыми водами и т. д. Подобная тенденция снижения средней удельной активности ^{137}Cs по профилю выявлена Л. И. Страх (1999) при исследовании краевой зоны болота [5].

Особенностью горизонтального распределения является также дифференциация содержания ^{137}Cs в почвенном покрове по профилю экосистемы. Это обусловлено многими факторами и, в первую очередь, пространственно-временной динамикой физико-химических форм ^{137}Cs . В данной работе исследование форм радиоцезия не проводилось, но на это косвенно может указывать динамика содержания радиоцезия по годам на различных частях пойменного ландшафта. В дерново-подзолистых почвах первой надпойменной террасы, которая не подвергается ежегодному затоплению, дифференциация ^{137}Cs ниже по сравнению с другими частями поймы. Радиоцезий прочно закреплён на сорбционном и нейтральном геохимических барьерах, связанных с высоким содержанием физической глины, и в условиях, близких к нейтральным. В сорбции радиоцезия важна роль органического вещества, в частности гуминовых кислот.

На дерново-глеевых и глееватых гидроморфных почвах прирусловой, центральной и притеррасной частей экосистемы поймы р. Сож отмечена дифференциация ^{137}Cs по годам исследования. Это указывает здесь на повышенную долю подвижных форм радионуклида. Вероятно, важна роль органического вещества в миграции ^{137}Cs в гидроморфных почвах профиля, т. к. органическое вещество, прочно сорбирующее радиоцезий и переходящее в раствор при высоких уровнях обводнённости, способствует увеличению подвижности радионуклида. Ежегодное затопление поймы способствует увеличению миграционной способности ^{137}Cs , частичному выносу за пределы поймы с паводковыми водами.

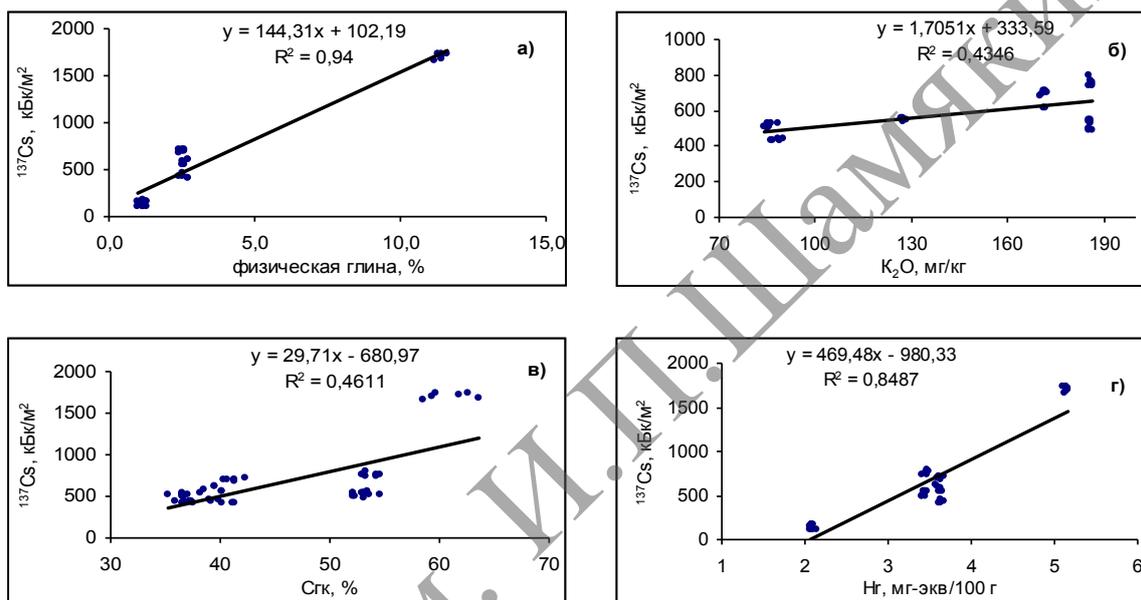
Распределение ^{137}Cs в почвах профиля № 2 имеет несколько другой характер. Прежде всего, различия обусловлены наличием старицы, характеризующейся максимальным содержанием радионуклида (в среднем около 1130 кБк/м²).

Нами установлено высокое содержание ^{137}Cs в почвах на повышении прируслового вала (Т. 15), в среднем около 1100 кБк/м², и на дерново-глеевых почвах повышенных и пониженных участков центральной поймы (ТТ. 18, 19, 21).

Сорбционный барьер старицы аккумулирует около 26% радиоцезия по профилю, причем ^{137}Cs аккумулируется вместе с Fe_2O_3 и K_2O . На сорбционном и биогенном барьерах пониженных участков центральной поймы аккумулируется около 10% радиоцезия вместе с Fe_2O_3 , Ca , K_2O , Mg .

Для дерново-глеевых и глееватых почв старицы и пониженных участков центральной поймы основной фракцией, ответственной за сорбцию ^{137}Cs в почве, является в нашем случае физическая глина. В наших исследованиях получена положительная корреляция (рисунок 4а: $r = 0,97$; $n = 36$) данного показателя с плотностью загрязнения почвенного покрова старицы и пониженных участков центральной поймы. Это хорошо согласуется с литературными данными [6]–[8], в которых показано, что в илистой фракции почв (в нашем случае физической глины) сорбируется наибольшее количество ^{137}Cs . Совокупность почвенно-химических реакций, ведущих к снижению содержания ^{137}Cs в почве и уменьшению его накопления растениями, получила название «старение» [9]. Процессы, ведущие к старению ^{137}Cs в пойменных почвах р. Сож, различны. В частности, ^{137}Cs участвует в кристаллохимических реакциях с вхождением радионуклида в межпакетные пространства вторичных глинистых минералов.

Прочно фиксированные ионы радиоизотопов Cs в существенно меньшей степени переходят в почвенный раствор, и, следовательно, в меньшей степени доступны растениям [9]. На сорбцию ^{137}Cs дерново-глеевыми почвами понижений центральной поймы оказывает существенное влияние K_2O : замещение всех обменных катионов на калий заметно увеличивает сорбцию ^{137}Cs . Здесь обнаружена положительная корреляция (рисунок 4б: $r = 0,66$; $n = 40$) между плотностью загрязнения почвенного покрова и содержанием K_2O в верхнем почвенном горизонте. Выявлена положительная корреляция $\text{C}_{\text{гк}}$ с содержанием ^{137}Cs в верхнем почвенном горизонте (рисунок 4в: $r = 0,68$; $n = 54$). Несомненное влияние на сорбцию ^{137}Cs оказала величина гидролитической кислотности. Выявлено, что чем выше величина $\text{H}_{\text{г}}$, тем больше ^{137}Cs сорбируют дерново-глеевые почвы. Установлена положительная корреляция (рисунок 4г: $r = 0,92$; $n = 54$).

Рисунок 4 – Влияние агрохимических свойств почвенного горизонта A_1 понижений центральной поймы и старицы на сорбцию ^{137}Cs в почве

Относительно высокое содержание ^{137}Cs в дерново-глеевых почвах старицы (в среднем около 1200 кБк/м^2) связано с высокой емкостью катионного обмена – около 40 мг-экв/100г . Показатель T является важнейшей комплексной характеристикой обменно-поглощительной способности почвы, обусловленной взаимодействием в ней катионов, в том числе и радиоактивных. Обменное поглощение, характеризующее способность почвенных коллоидов поглощать из раствора катионы в обмен на эквивалентное количество других катионов, влияет на характер взаимодействия ^{137}Cs с почвой [10]. Чем больше емкость катионного обмена, тем прочнее почва сорбирует радиоцезий. На дерново-глеевых почвах старицы и понижений центральной поймы р. Сож обнаружена положительная корреляция ($r = 0,82$; $R^2 = 0,68$; $n = 54$; $y = 45,59x - 278,69$) между емкостью катионного обмена и содержанием ^{137}Cs в почве. Радиоцезий, сорбируемый почвой по обменному типу, является наиболее доступным для растений. ^{137}Cs на старице (Т.17) аккумулируется вместе с K_2O и P_2O_5 : это видно при сравнительной оценке пространственного распределения химических элементов по профилю.

На биогеохимическом и нейтральном барьерах повышенных участков центральной поймы аккумулируется относительно высокое содержание ^{137}Cs – около 17% от суммарной плотности загрязнения почвенного покрова профилей. Основное влияние на сорбцию ^{137}Cs на повышениях центральной поймы оказывает содержание физической глины в почве (рисунок 5а: $r = 0,76$; $n = 36$) и $\text{H}_{\text{г}}$ (рисунок 5б: $r = 0,72$; $n = 36$).

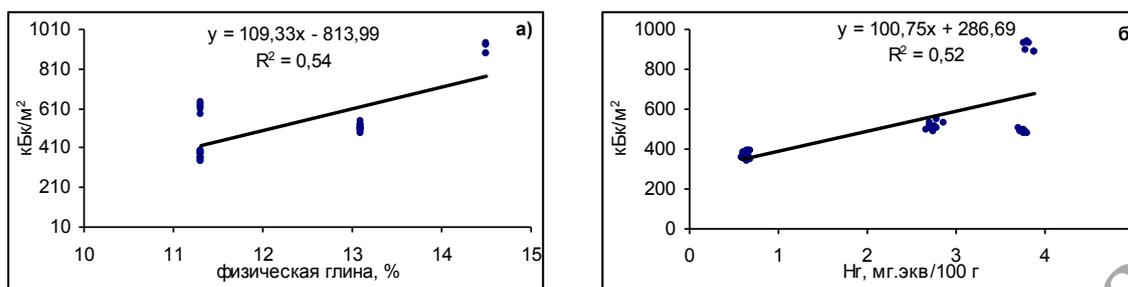

Рисунок 5 – Влияние агрохимических свойств почвенного горизонта A_1 повышенной центральной поймы на сорбцию ^{137}Cs в почве

Характерной чертой почвенного покрова долины р. Сож является связь типов почв и почвообразовательных процессов с фаціальными обстановками аллювиального седиментогенеза. В прирусловой и притеррасной частях поймы имеют место различия в процессах почвообразования, а следовательно, и в поведении химических элементов. Прирусловая отмель (ТТ. 1, 14) вследствие промывного режима и распространения слабо развитых песчаных почв, не закреплённых растительностью, характеризуется минимальным по профилю содержанием ^{137}Cs в почве – не более 180 kBq/m^2 (около 2% от суммарной плотности загрязнения профилей). Данные почвы из-за неблагоприятных физико-химических показателей не способны сорбировать радионуклиды в почве и снижать их переход в наземный покров, что обуславливает повышенные коэффициенты пропорциональности.

В наших исследованиях установлено, что концентрация радионуклида в почве прируслового вала (ТТ. 2, 15, 16) значительно выше, чем других элементов структуры поймы – до $500\text{--}1200 \text{ kBq/m}^2$. На механическом геохимическом барьере прируслового вала в почвенном покрове аккумулируется около 15% от общей плотности загрязнения по профилям. ^{137}Cs аккумулируется вместе с Fe. Видимо, из-за повышенного рельефа во время половодий и паводков на валу задерживаются и откладываются в большом количестве наносы песчаного и супесчаного состава, привнося с собой радионуклиды. Сорбция радиоцезия почвой происходит, в основном, за счёт осаждения на механическом барьере, обусловленном резким переходом от песчаных почв прирусловой поймы к супесчаным почвам центральной.

Большое влияние на гидрохимическую среду оказывает увлажнение и заболоченность территории. К наиболее увлажненным структурным элементам пойменной экосистемы относится притеррасная пойма. На биогеохимическом и сорбционном барьерах притеррасной поймы осажается около 14% радиоцезия. ^{137}Cs сорбируется вместе с Fe_2O_3 , Ca, Mg и P_2O_5 . Дерново-глеевые песчаные с погребённым торфом почвы профиля № 1 (Т. 7) характеризуются относительно высоким содержанием ^{137}Cs в верхнем гумусовом горизонте, около 500 kBq/m^2 , плотность загрязнения торфяно-болотных почв притеррасной поймы профиля № 2 (ТТ. 22, 23) сравнительно ниже – около $150\text{--}200 \text{ kBq/m}^2$.

Исследование вертикальной миграции не проводилось из-за высокой заболоченности участка. Но, по мнению других авторов [11], торфяные почвы притеррасной поймы отличаются более высокой степенью вертикальной миграции ^{137}Cs в отличие от минеральных почв. Зольность в Т. 22 и Т. 23 максимальная по профилю. Закрепление ^{137}Cs , видимо, осуществляется, в основном, органическими компонентами почв в результате ионообменной сорбции радионуклида. Это говорит о потенциальной доступности радионуклида растениям и представляет угрозу для выноса за пределы экосистемы. Многие авторы указывают на необходимость выделения торфяно-болотных почв в качестве «критических», на протяжении длительного времени представляющих потенциальную опасность для поступления ^{137}Cs в пищевую цепь через звено «почва–растение» [12], [13]. Способствует закреплению радионуклида на данном участке высокое содержание гуминовых кислот. Обнаружена положительная корреляция с содержанием ^{137}Cs в верхнем почвенном горизонте притеррасной поймы (рисунок 6: $r = 0,96$; $n = 17$). С соединениями гуминовых кислот связывается низкая миграционная способность ^{137}Cs также в исследованиях В. А. Кузнецова и др. [9].

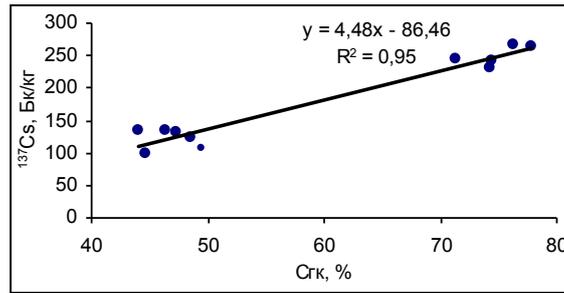

Рисунок 6 – Влияние содержания гуминовой кислоты в верхних почвенных горизонтах притеррасной поймы на сорбцию ^{137}Cs в почве

На сорбционном и нейтральном барьерах первой надпойменной террасы аккумулируется относительно высокое содержание ^{137}Cs – около 17% от суммарной плотности загрязнения профилей. Терраса характеризуется дерново-подзолистыми временно-избыточно-увлажняемыми почвами. Данные почвы загрязнены ^{137}Cs от 500 (Т. 9) до 600–900 (ТТ. 24, 8) кБк/м². Причем минимальная плотность загрязнения приурочена к высоко окультуренной части террасы, занятой пашней (Т. 9), а максимальная – к естественным угольям (ТТ. 24, 8).

Высокая сорбция ^{137}Cs в дерново-подзолистых почвах первой надпойменной террасы определяется, прежде всего, действием нейтрального барьера, где сорбцию радиоцезия, видимо, обуславливает близкая к нейтральной величина pH (рисунок 7а: $r = 0,79$; $n = 36$), что, в свою очередь влияет на закрепление радиоцезия и снижение поступления в наземный покров. Также установлено, что чем выше величина гидролитической кислотности Нг, тем больше ^{137}Cs сорбируют дерново-подзолистые почвы первой надпойменной террасы, то есть существует положительная корреляция (рисунок 7б: $r = 0,92$; $n = 48$).

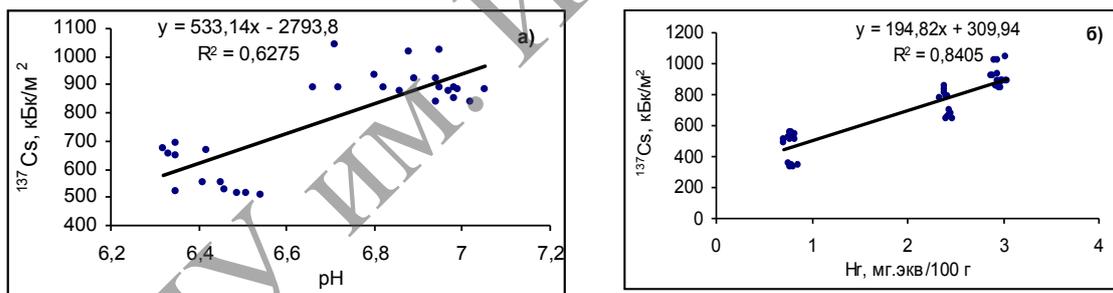

Рисунок 7 – Влияние агрохимических свойств верхних почвенных горизонтов первой надпойменной террасы на сорбцию ^{137}Cs в почве

Выводы

Обобщив вышеприведённые результаты исследования распределения ^{137}Cs в почвенном покрове, мы установили, что к местам повышенных концентраций радионуклидов в речной долине р. Сож относятся: старицы, понижения и повышения центральной поймы, первая надпойменная терраса, прирусловой вал, притеррасная пойма; в почвенном покрове: аллювиально-дерново-глеевые и глееватые и иногда дерново-подзолистые, временно избыточно увлажняемые (первая надпойменная терраса), торфяные; в гидрологическом отношении – места преимущественного накопления наилок в период половодий, участки поймы с замедленным инфильтрационным перемывом почв. Деятельность геохимических барьеров обуславливает выход ^{137}Cs из процессов активной долинной миграции, связанный с погребением и сорбцией радионуклида вместе с песками в прирусловой зоне, с илами в центральной пойме и старицах, с сорбцией на гумусовых других горизонтах почв.

Перечень принятых в статье обозначений и сокращений

T – емкость катионного обмена. Выражается в миллиграмм-эквивалентах на 100 г почвы (мг-экв/100 г почвы). Зависит от содержания в почве коллоидной и пред-коллоидной фракций, строения их поверхности, природы почвенного поглощения, реакции среды.

Hg – величина гидролитической кислотности, характеризует общее количество поглощенного водорода (мг-экв/100 г почвы).

pH – обменная кислотность, характеризует активность ионов водорода в растворах и жидкостях.

Литература

1. Войтов, И. В. Научные основы рационального управления и охраны водных ресурсов трансграничных рек для достижения устойчивого развития и эколого-безопасного водоснабжения Беларуси / И. В. Войтов. – Минск : Современное слово, 2000. – 475 с.
2. Лукашэў, В. И. Геохимическое поведение элементов в гипергенном цикле миграции / В. И. Лукашэў. – Минск : Наука и техника, 1964. – 462 с.
3. Агеец, В. Ю. Агрохимические свойства и гранулометрический состав почв как факторы, влияющие на поступление радионуклидов ^{137}Cs и ^{90}Sr в растения на минеральных почвах / В. Ю. Агеец, З. В. Лозовая // Земляробства і ахова раслін. – 2009. – № 6 (67). – С. 45–47.
4. Кудельский, А. В. Радиоактивное загрязнение и прогноз состояние природных вод Беларуси / А. В. Кудельский, В. И. Пашкевич // Природные ресурсы. – 1997. – № 4. – С. 41–51.
5. Страх, Л. И. Геохимические барьеры краевой зоны болота Белорусского Полесья и концентрация на них ^{137}Cs : автореф. дис. ... канд. геогр. наук : 11.00.01 / Л. И. Страх ; Моск. гос. ун-т. – М., 1999. – 23 с.
6. Лазаревич, С. С. Влияние систем обработки почвы на ее физические свойства и переход ^{137}Cs в растения / С. С. Лазаревич, А. В. Ермоленко, Н. Н. Цыбулько // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. – 2009. – № 2. – С. 87–91.
7. Агеец, В. Ю. Влияние гранулометрического и минералогического состава дерново-подзолистых почв на поступление техногенных радионуклидов в растения / В. Ю. Агеец, З. В. Лозовая // Земляробства і ахова раслін. – Июль-август 2008 г. – № 4 (59). – С. 46–49.
8. Ведение сельскохозяйственного производства на радиоактивно загрязненных территориях России и Беларуси / Р. М. Алексахин [и др.], под общ. ред. В. Е. Шевчука // Научное обеспечение Программы совместной деятельности по преодолению последствий чернобыльской катастрофы в рамках Союзного государства на 2002–2005 год. – Минск, 2004. – С. 44–46.
9. Геохимия ландшафтов Припятского Полесья / В. А. Кузнецов [и др.]; под общ. ред. В. А. Кузнецова. – Минск : Институт геологических наук НАН Беларуси, 1997. – 240 с.
10. Нейтрализация загрязненных почв : монография / под общ. ред. Ю. А. Мажайского. – Рязань : Мещерский ф-л ГНУ ВНИИГиМ Россельхозакадемии, 2008. – 528 с.
11. Роль минерализации органического вещества дерново-подзолистых и торфяно-болотных почв в накоплении ^{137}Cs растениями / А. С. Тулина [и др.] // Почвоведение. – 2010. – № 10. – С. 1197–1208.
12. Лекунович, С. Н. Приоритеты в мероприятиях радиэкологической реабилитации и развития загрязненных радионуклидами территорий Белорусского Полесья в отдаленный после чернобыльской катастрофы период / С. Н. Лекунович, Н. А. Мишустин // Экологическая антропология. – Минск : Белорусский комитет «Дзеці Чарнобыля», 2007. – С. 254–258.
13. Кузнецов, В. А. О геохимической роли гумусовых кислот в миграции радиостронция и радиоцезия в речных долинах / В. А. Кузнецов, В. А. Генералова // Литосфера. – 2001. – № 1 (14). – С. 136.

Summary

The article presents information on the horizontal migration of ^{137}Cs in the flood plain of the river Sozh near the village of Novoselki and Raduga of Gomel region, vetka District. The conclusion about the impact of landscape and biogeochemical features of the area on migration and sorption of radionuclides in the soil are made.

Поступила в редакцию 08.04.11.

ПЕДАГАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 378.147.03:159.9.016-057.875

*Н. Д. Джига, О. В. Джига***ПСИХОЛОГО-АКМЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЗИДАТЕЛЬНОЙ И САМОСОЗИДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И СТУДЕНТА КАК БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА ПУТЁМ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ**

В своем исследовании мы делаем прогноз, что для созидательной и самосозидательной деятельности преподавателя и студента как будущего специалиста важно создать условия для определения дальнейшего самопродвижения и саморазвития студента с использованием собственных потенциальных возможностей и интеллектуальных ресурсов, повышающих не только эффективность деятельности, но и стремление преподавателя и студента к самореализации.

Введение

Психолого-акмеологическая концепция созидательной и самосозидательной деятельности будущего специалиста – образовательное искусство в согласовании усилий преподавателя, студента, исследователя, воплощая в себе самих акме-ядра духовных продуктов средствами своих дисциплин и акме-ядра духовно-материализованных и материальных продуктов: образования, культуры, науки в свойствах своих студентов, обеспечивающих успешное решение предстоящих задач созидательной деятельности.

Предмет исследований – развитие структуры интеллектуальных функций, внимания, памяти, интеллекта, мышления, коммуникативных и организаторских способностей при профессионализме преподавателя и его роли в воплощении своего акме-ядра духовного продукта средствами своего предмета и акме-ядра духовно-материализованных и материальных продуктов образования, науки, культуры преподавателем в себе самом и созидание их в свойствах своих студентов для продуктивного решения предстоящих задач созидательной деятельности.

Для определения направлений самосовершенствования личности будущего специалиста и его созидательной деятельности нами были проведены исследования личностных характеристик 30 респондентов экспериментальной группы (исследования проводились при благоприятном психологическом климате и доброжелательных, доверительных отношениях преподавателя и студента), а также 80 студентов контрольных групп в обычных условиях обучения. Выборка составила 110 студентов математического факультета БГПУ в период изучения общей, возрастной, социальной, педагогической психологии и педагогической практики со 2 курса по 5 курс. Сравнительные исследования проводились со второго по пятый курс лангитюдным методом.

В основу была положена разработанная нами совместно и под руководством Н. В. Кузьминой (Головко-Гаршина), д-ра пед. наук и д-ра психол. наук, действительного члена-корреспондента РАО, технология акме-оценки студентами влияния дидактического акме-ядра в Авторской Системе Деятельности (далее – АСД) преподавателя и студентов, направленная на созидание акме-ядра духовных продуктов в их свойствах, обеспечивших студентам успешное профессиональное развитие и готовность к будущей созидательной деятельности» [1, 4–8].

Результаты исследования и их обсуждение

Первый этап проводился с респондентами на втором курсе. Ответы подлежат контент-анализу.

Основные понятия – постулаты технологии акме-оценки.

Перед выполнением методики необходимо усвоить с респондентами следующее:

1. **Акме-оценка** – исследовательская процедура, осуществляемая преподавателем как элемент стратегической обратной связи для согласования дидактического акме-ядра, создаваемого им в своей авторской системе деятельности, с акме-ядром духовных продуктов в свойствах студентов.

2. **Акме-ядро духовных продуктов** – физические, психические, акмеологические новообразования в свойствах участника образовательного процесса (преподавателя, студента, исследователей) как индивида, личности, субъекта деятельности, индивидуальности, формируемые средствами учебных дисциплин (УД), обеспечивающих выпускникам продуктивное решение предстоящих задач в новой среде созидательной деятельности.

3. **Дидактическое акме-ядро духовно-материализованных и материальных продуктов** создаёт преподаватель. Он отбирает и композиционно строит научную и учебную информацию, связанную с перспективными тенденциями развития науки, культуры, образования, представленных в его учебной дисциплине; учитывающую требования производства к его выпускникам; в) их потребности в овладении основами мастерства будущей созидательной профессии.

4. **Акмеологические законы** – устойчивые, повторяющиеся, проверяемые связи и зависимости между уровнями продуктивности, совместной и отдельной созидательной и самосозидательной деятельности преподавателя и студента и факторами, субъективными, объективными, субъективно-объективными, содействующими и препятствующими достижению вершин как специалистами образования (преподаватели, студенты, руководители, исследователи), так и теми, с кем они работают [2].

Эксперимент

Первый этап – шкала 1. Продуктивные образы-результаты

1. Мы оценили категории цели и результаты созидательной деятельности студента и преподавателя как компетентных лиц и изучили влияние продуктивных образов-результатов на качество созидательной деятельности по шкале 1 (способности, мотивация, направленность, ответственность, компетенции (умелости, основ мастерства), созидательные умения, интеллект, нестандартное мышление и продуктивная компетентность, развитие психических процессов). Исследование показало готовность и стремление студентов к самодвижению, саморазвитию и развитию при организованной созидательной деятельности: способностей (на 65%), мотивов (на 50%), направленности (на 62%), ответственности (на 84%), компетенции (на 88%), созидательных умений (на 91%), интеллекта (на 98%), нестандартного мышления (на 99%), психических процессов (на 50%) и продуктивной компетентности (осведомлённость, интегрирующая усвоенные знания с мастерством по решению нестандартных проблем и применению в период производственной педагогической практики и на практических и семинарских занятиях – на 96%) при выборке 110 студентов.

Исходя из выводов по первой шкале, оказывает влияние продуктивных образов результатов на качество созидательной деятельности преподавателя, студента и дидактического акме-ядра, – в АСД преподавателя, – на созидание акме-ядра духовных продуктов в их свойствах: компетенция (умелость, мастерство) (на 88%), созидательные умения (на 91%), интеллект (на 98%), нестандартное мышление (99%) и продуктивная компетентность. Для этой цели мы провели диагностику уровней качества психических процессов с помощью: «Методики изучения памяти», «Методики для изучения внимания», «Методики для оценки логики мышления», методики «Интеллектуальная лабильность», методики «Кос 1, 2», и «Таблицы Шульте» [3].

2. В результате исследования были получены следующие результаты (таблица 1).

Таблица 1 – Уровень внимания

Уровень	Количество респондентов	Процентное соотношение
высокий	7	23,4%
средний	11	36,7%
низкий	12	40%

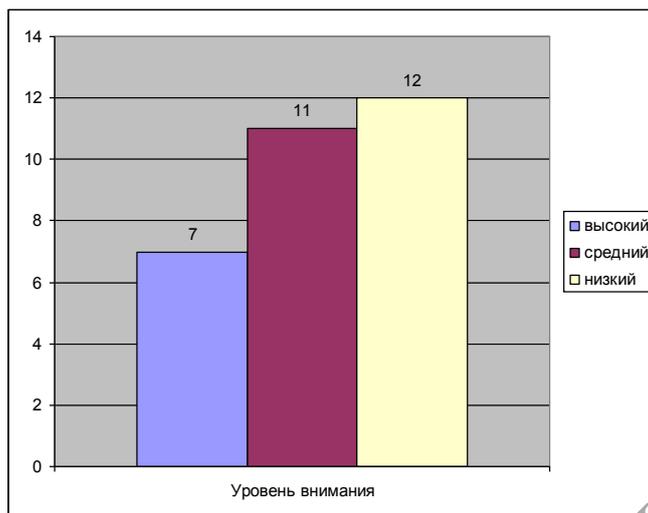

Рисунок 1 – Уровень внимания

Таким образом, высокий уровень внимания выявлен у 7, средний уровень – у 11, низкий – у 12 респондентов.

Диагностика уровня памяти проводилась с помощью методики «Заучивание 10 слов».

Таблица 2 – Уровень памяти

Уровень	Количество респондентов	Процентное соотношение
высокий	9	30%
средний	14	46,6%
низкий	7	23,4%

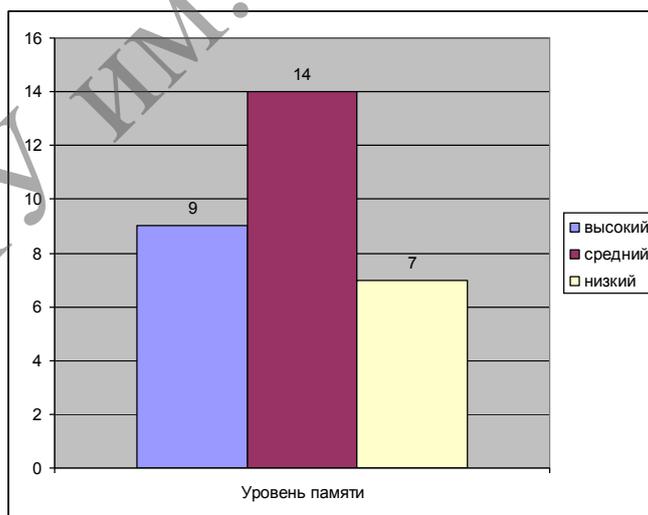

Рисунок 2 – Уровень памяти

Таким образом, высокий уровень памяти выявлен у 9 респондентов, средний уровень – у 14 респондентов, а низкий – у 7 респондентов.

Диагностика уровня мышления и интеллекта проводилась с помощью методики «Закономерности числового ряда» и задач на развитие интеллекта и мышления.

Таблиця 3 – Уровень мышления

Уровень	Количество испытуемых	Процентное соотношение
высокий	6	20%
средний	12	40%
низкий	12	40%

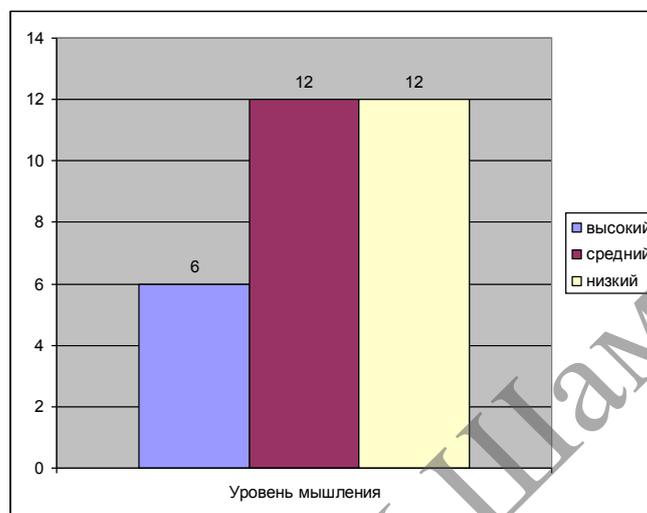

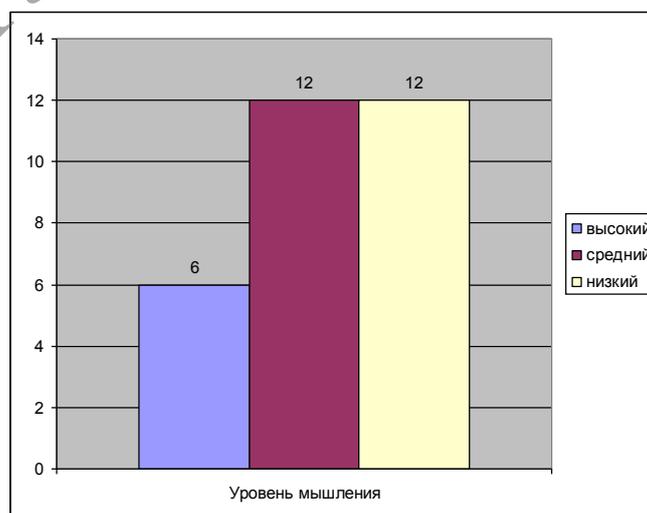
Рисунок 3 – Уровень мышления

Таким образом, высокий уровень мышления выявлен у 6, средний уровень – у 12, низкий – у 12 респондентов.

Таблиця 4 – Уровень интеллекта

Уровень	Количество испытуемых	Процентное соотношение
высокий	3	10%
средний	6	20%
низкий	21	70%

Таким образом, высокий уровень только у 3 студентов, средний – у 6 и низкий – у 21, что показывает очень низкий уровень созидательной деятельности в целом.

Диагностика уровня коммуникативных и организаторских способностей проводилась с помощью методики «Кос 1, 2» [3].

Таблица 5 – Уровень коммуникативных и организаторских способностей

Уровень	Коммуникативные способности респондентов	Организаторские способности
высший	2	1
высокий	5	4
средний	9	7
низкий	8	10
очень низкий	6	8

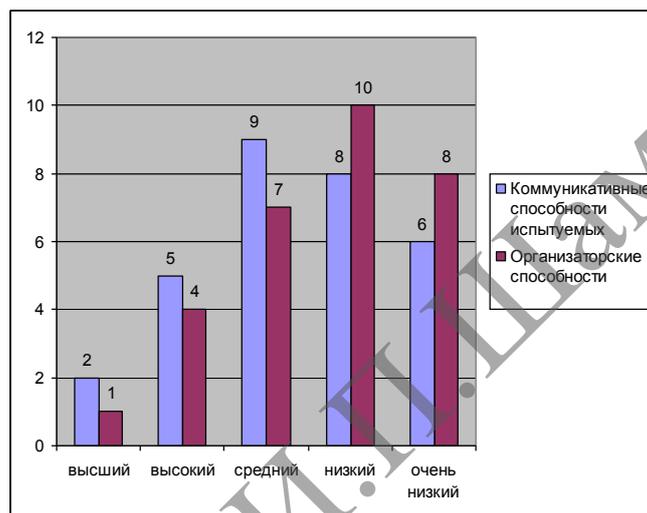

Рисунок 5 – Уровень коммуникативных и организаторских способностей

Таким образом, высший уровень коммуникативных способностей обнаружен у 2, высокий уровень выявлен у 5, средний уровень – у 9, низкий – у 8, очень низкий – у 6 респондентов.

Высший уровень организаторских способностей обнаружен у 1 респондента, высокий уровень выявлен у 4 респондентов, средний уровень – у 7, низкий – у 10, очень низкий – у 8 респондентов.

Проанализировав результаты, полученные по всем методикам, можно сделать следующие выводы: у большинства респондентов выявлен низкий уровень внимания – у 12; средний уровень памяти – у 14; низкий уровень интеллекта у 21, средний – у 6 респондентов; средний и низкий уровень мышления – по 12 респондентов; низкий уровень коммуникативных способностей – у 8; низкий уровень организаторских способностей – у 10; пограничное состояние тревожности выявлено у 10 респондентов.

Второй этап по изучению самопознания индивидуальных и групповых психических состояний (внутренних и внешних), психологического климата (благоприятного и неблагоприятного) и его воздействия на психические процессы и свойства личности студента был проведён на 3 курсе.

Проводилась коррекция и обучение способам и приёмам развития и самосовершенствования психических процессов и свойств с учётом их закономерностей; самоорганизации, самообразования, самоуправления, самоуправления и коррекции.

Третий этап исследования осуществлялся в ходе проведения психолого-педагогической практики в учреждениях образования г. Минска на 4–5 курсе и был посвящён нестандартным ситуациям по развитию интеллекта и оперативному мышлению [4]. Составлялась программа созидательной и самосозидательной деятельности будущего преподавателя, ставились цели и задачи, формировалась гипотеза будущей продуктивной созидательной деятельности, изучался теоретический и практический опыт преподавателей, разрабатывались предстоящие задачи созидательной деятельности и принимались по ним решения.

Особое внимание уделялось акмеологическим, психолого-педагогическим и нестандартным ситуациям предстоящей созидательной деятельности, составленным автором, проведению совместно со студентами исследований с последующим использованием их результатов в курсовых и дипломных работах [4].

В связи с тем что на 2 курсе был обнаружен очень низкий уровень интеллекта и средний и низкий уровень мышления, которые в значительной степени влияют на созидательную деятельность, мы проводили коррекционную работу и занимались анализом нестандартных (проблемных) ситуаций, психолого-акмеологических и жизненных ситуаций, решением задач и выполнением упражнений по развитию интеллекта и оперативного мышления.

Четвертый этап исследования особенностей самосовершенствования созидательной и самосозидательной деятельности личности будущего специалиста проводился с теми же респондентами на пятом курсе в период психолого-педагогической производственной практики и был направлен на анализ нестандартных (проблемных) ситуаций по развитию интеллекта и оперативного мышления, развитие внимания и памяти на семинарских занятиях, коммуникативных и организаторских способностей с помощью активных методов обучения. В результате исследования были получены следующие результаты (таблицы 6–11).

Таблица 6 – Уровень внимания студентов 5 курса

Уровень	Количество респондентов	Процентное соотношение
высокий	14	46,7%
средний	9	30%
низкий	7	23,3%

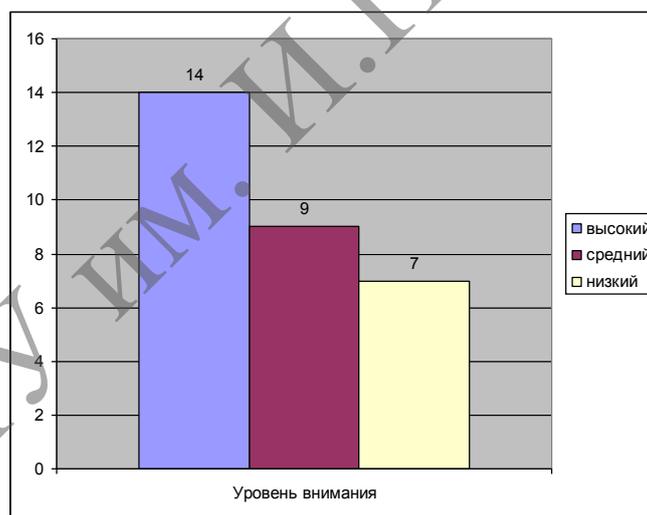
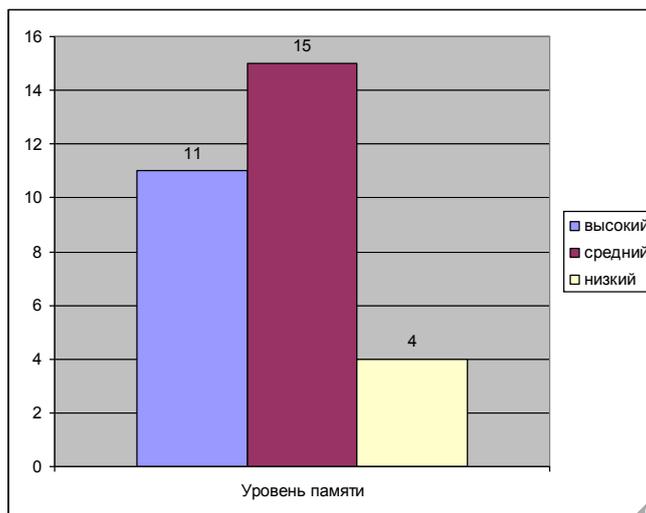

Рисунок 6 – Уровень внимания студентов 5 курса

Таким образом, высокий уровень внимания выявлен у 14, средний уровень – у 9, низкий – у 7 респондентов.

Таблица 7 – Уровень памяти студентов 5 курса

Уровень	Количество респондентов	Процентное соотношение
высокий	11	36,7%
средний	15	50%
низкий	4	13,3%

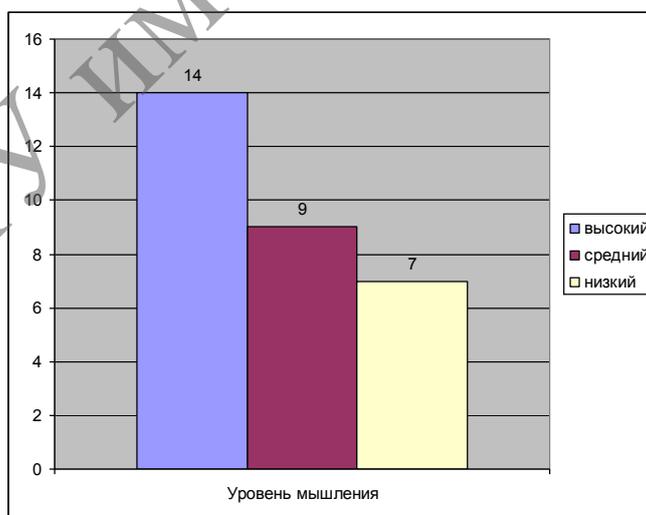

Рисунок 7 – Уровень памяти студентов 5 курса

Таким образом, высокий уровень памяти выявлен у 11, средний уровень – у 15, а низкий – у 4 респондентов.

Таблица 8 – Уровень мышления студентов 5 курса

Уровень	Количество респондентов	Процентное соотношение
высокий	14	46,7%
средний	9	30%
низкий	7	23,3%

Рисунок 8 – Уровень мышления студентов 5 курса

Таким образом, высокий уровень мышления выявлен у 14, средний уровень – у 9, низкий – у 7 респондентов.

Таблиця 9 – Уровень интеллекта студентов 5 курса

Уровень	Количество респондентов	Процентное соотношение
высокий	15	50%
средний	9	30%
низкий	6	20%

Высокий уровень выявлен у 15 и средний уровень интеллекта – у 9 респондентов. А низкий уровень только у 6 респондентов, что в целом показывает продуктивное развитие студентов.

Диагностика уровня коммуникативных и организаторских способностей проводилась с помощью методики «Кос 2».

Таблиця 10 – Уровень коммуникативных и организаторских способностей студентов 5 курса

Уровень	Коммуникативные способности	Организаторские способности
высший	5	4
высокий	9	8
средний	8	10
низкий	5	5
очень низкий	3	3

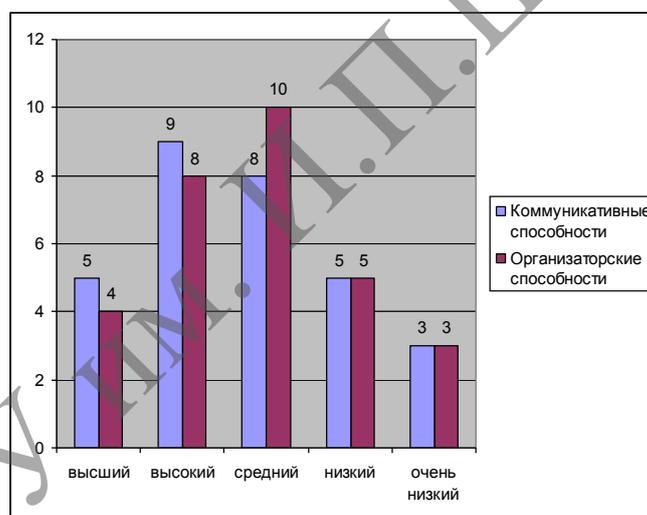

Рисунок 9 – Уровень коммуникативных и организаторских способностей студентов 5 курса

Таким образом, высший уровень коммуникативных способностей обнаружен у 5, высокий уровень выявлен у 9, средний уровень – у 8, низкий – у 5, очень низкий – у 3 респондентов.

Высший уровень организаторских способностей обнаружен у 4 респондентов, высокий уровень у 8 респондентов, средний уровень – у 10 респондентов, низкий – у 5 респондентов, очень низкий – у 3.

Проанализировав результаты, полученные по всем методикам за четыре этапа исследований, можно сделать следующие выводы: в экспериментальной группе у большинства респондентов на пятом курсе выявлен высокий и низкий уровни внимания, тогда как на второй курсе преобладал низкий; средний уровень памяти был выявлен у большинства опрошенных как на втором курсе, так и на пятом; на пятом курсе преобладает высокий уровень мышления и высокий и средний уровни интеллекта, а на втором преобладают средний и низкий уровни мышления и низкий уровень интеллекта; преобладающий низкий уровень коммуникативных способностей на втором

курсе соответствует преобладающему высокому уровню коммуникативных способностей на пятом курсе; преобладающий низкий уровень организаторских способностей на втором курсе соответствует преобладающему среднему уровню организаторских способностей на пятом курсе; количество испытуемых с пограничным состоянием тревожности преобладало и на втором курсе и осталось прежним на пятом. В контрольных группах при обычных условиях изменения незначительны.

Обнаружена связь развития интеллекта и нестандартного мышления с созидательной деятельностью, студенты становились более успешными не только на занятиях, но и в критических жизненных ситуациях, научились применять в период психолого-педагогической практики умения и навыки анализа психолого-педагогических и нестандартных ситуаций, находить новые, интересные и продуктивные подходы на открытых уроках в школах и гимназиях в период педагогической практики, повысилось их качество, потому что главный результат созидательной деятельности – творить, создавать (созидать) новое, и этого же результата достигает студент благодаря регулярным упражнениям и коррекции преподавателем, развитию нестандартного мышления и интеллекта, самосовершенствованию, соуправлению и самоуправлению студента не только на педагогической практике, на семинарских и практических занятиях, но и в ходе анализа уроков, проводимых исследований в рамках курсовых и дипломных работ, участвуя в межфакультетской олимпиаде по психологии.

В связи с выводом, что важнейшим условием продуктивной созидательной деятельности является развитие интеллекта и нестандартного мышления, нами были разработаны нестандартные (проблемные) ситуации, направленные на развитие интеллекта и нестандартного оперативного мышления, психолого-акмеологические ситуации жизненных потребностей и психолого-педагогические ситуации, которые рассматривались на семинарских и практических занятиях по психологии, в период психолого-педагогической практики, решались на экзамене как практическая часть экзаменационного задания [4].

На 5 этапе для определения продуктивности созидательной деятельности мы проранжировали нестандартные ситуации из трудов П. Слоуна и Мак Хейла «Занимательные задачки по нестандартному мышлению» [5, 6–90], П. Слоуна и Мак Хейла «Трудные задачки по нестандартному мышлению» [6, 5–89], К. Рассела «400 заданий по развитию интеллекта» [7, 8–150], Э. Харшман «Развитие нестандартного мышления» [8, 6–92] по степени трудности на 3 уровня и провели эксперимент по развитию интеллекта и оперативного мышления и их влиянию на совершенствование созидательной деятельности по самодвижению студентов к вершинам продуктивности и динамику развития на протяжении 2–5 курсов.

Таким образом, наши исследования показали, что в повышении эффективности созидательной деятельности главную роль играет развитие нестандартного мышления, способствующих развитию умений самостоятельно формулировать предстоящие задачи созидательной деятельности, самостоятельно их решать, применять на практике, принимать управленческие решения, оценивать качество собственных решений и находить новые, оригинальные подходы к решению проблем созидания нового.

Исходя из исследований и анализа изучения отечественной и зарубежной литературы мы пришли к выводу, что студент созидает тогда, когда развивает интеллект и нестандартное мышление, задает нестандартному мышлению задачу включения в учебную созидательную деятельность и осознаёт готовность к будущей самосозидательной деятельности.

Для достоверности своих выводов мы изучили методом контент-анализа по технологии акме-оценки [1] созидательные умения студента, одним из пунктов которого является изучение созидательной деятельности преподавателя и студента и созидательные умения студента по шкале № 4: (оценить акме-целевые стратегии управления преподавателем созидательной деятельностью и формированием созидательных умений по созиданию акме-ядра духовных продуктов в свойствах студентов на пути к продуктивной компетентности созидательной деятельности) и определили, что трудный уровень решения нестандартных (проблемных) задач, упражнений и ситуаций и есть созидание нового, оригинального, которое зависит от нестандартного мышления и развитого интеллекта. В наших исследованиях мы диагностировали уровни созидания на 2 и 5 курсе (таблица 11, 12):

Таблиця 11 – Уровни созидания на 2 курсе

Уровни	Количество респондентов	Процентное соотношение
трудный	3	10%
более высокий (более сложный)	6	20%
низкий	21	70%

Таблиця 12 – Уровни созидания на 5 курсе

Уровни	Количество респондентов	Процентное соотношение
трудный	6	20%
более высокий (более сложный)	15	50%
низкий	9	30%

Низкий уровень созидания выявлен на 2 курсе у 21 (70%), на 5 курсе – у 9 (30%) респондентов; более высокий уровень созидания выявлен на 2 курсе у 6 (20%), а на 5 курсе – у 15 (50%) респондентов, трудный уровень созидания выявлен на 2 курсе у 3 (10%), а на 5 курсе – у 6 (20%) респондентов, что показывает их продуктивное развитие. Исходя из данных исследований, мы составили графики созидания, программу созидательной и коррекционной деятельности.

Выводы

1. Таким образом, велика роль преподавателя в развитии психических и акмеологических новообразований студента, составляющих духовный продукт, а воплощение акме-ядра духовного продукта средствами своих дисциплин и акме-ядра духовно-материализованных и материальных продуктов преподавателя в себе самом и созидание его в свойствах своих студентов, и развитие созидательной деятельности происходит только при развитии интеллектуальных функций, и в первую очередь интеллекта и нестандартного (проблемного) мышления, при благоприятной психологической атмосфере и доверительных, доброжелательных и заботливых взаимоотношениях преподавателя и студента, целенаправленной совместной созидательной деятельности, самопознания, саморазвития, самосовершенствования, коррекции и работе студентов над своей программой созидательной и самосозидательной деятельности будущих специалистов.

2. Обнаружена связь развития интеллекта и нестандартного мышления с созидательной деятельностью. Организованное обучение созидательной деятельности оказывает существенное влияние на развитие структуры интеллектуальных функций внимания, памяти, мышления, интеллекта, коммуникативных и организаторских способностей.

3. Каждый вид интеллектуальных функций показывает движение созидания в сторону продуктивности, в связи с тем что нестандартное мышление и интеллект можно развивать за счет регулярных упражнений, как и физические упражнения могут управлять мускулами.

4. Овладение способностью к оперативному отражению нестандартных (проблемных) ситуаций путем решения задач на развитие интеллекта и нестандартного мышления способствует развитию умений наиболее адекватно формировать оперативные образы и соответствующие им цели, фокусирующие в себе образ-эталон и образ-результат с текущими образами, сформированными на основе информации нестандартных ситуаций и создаваемой в стране конкурентоспособной продукции.

По мнению автора, сущностными характеристиками субъекта созидательной деятельности, которые отличают его от простого исполнителя, являются способность к самостоятельному целеполаганию, целеосуществлению и предвосхищению последствий своих действий, свобода выбора и ответственность за принятое решение.

Літэратура

1. Кузьмина (Головко-Гаршина), Н. В. Технология акме-оценки студентами влияния дидактического акме-ядра, – в Авторской Системе Деятельности (АСД) преподавателя и их активности, – на созидание акме-ядра духовных продуктов в их свойствах, обеспечивших им успешное профессиональное развитие будущей созидательной деятельности / Н. В. Кузьмина, Н. Д. Джига, Е. Н. Жаринова. – СПб. : Акмеология, 2011.
2. Кузьмина, Н. В. Акмеология качества профессиональной деятельности специалиста : монография / Н. В. Кузьмина, С. Д. Пажарский, Л. Е. Паугова. – СПб. : Копи-Принт, 2008. – С. 351–365.
3. Карелин, А. Большая энциклопедия психологических тестов / А. Карелин. – М. : Эксмо, 2006. – С. 212–213, 214–216, 218–221, 222–224, 228–232.
4. Джига, Н. Д. Преподаватель как субъект педагогической деятельности : учеб.-метод. пособие / Н. Д. Джига, О. В. Джига. – Минск : БГАТУ, 2007. – С. 260–300.
5. Слоун, П. Занимательные задачки по нестандартному мышлению / П. Слоун, Мак Хейл. – М. : Астрель, 2005.
6. Слоун, П. Трудные задачки по нестандартному мышлению / П. Слоун, Мак Хейл. – М. : Астрель, 2005.
7. Рассел, К. 400 заданий по развитию интеллекта / К. Рассел. – М. : Астрель, 2003.
8. Харшман, Э. Развитие нестандартного мышления / Э. Харшман. – М. : Астрель, 2004.

Summary

In this research, we forecast (make predictions) that for creative and selfcreative activity of a teacher and a student as a future specialist it is important to create conditions for the determination of further selfadvancement and self-development of the student with the use of his own potential opportunities and intellectual resources, improving not only efficiency in the activity, but also the desire of the teacher and of the student to selfrealization.

Поступила в редакцию 06.04.11.

УДК 378.147.31:[51-7:53]

*И. В. Кирюшин***ФОРМИРОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ
У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИДЕЙ
СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ОБОБЩЕНИЯ**

Предлагается алгоритм введения понятий, опирающийся на моделирование физико-технических задач в теоретическом курсе высшей математики для студентов физических и инженерно-технических специальностей вузов. С помощью алгоритма выполняется содержательное обобщение, основанное на выяснении условий происхождения математических понятий из физической действительности, названное нами «конвергентным синтезом». Рассматривается введение понятия неопределенного интеграла. Подход обеспечивает интеграцию содержания математики и физики в теории обучения, создает условия для усиления мотивации к учебе и приобретения навыков математического моделирования.

Введение

В последние годы в образовании делается акцент на развитие компетентностного подхода. Особый вес приобретают не столько академические знания, умения и навыки выпускника вуза, сколько его способности квалифицированно осуществлять профессиональную деятельность, что и определяет качество подготовки. Актуальной становится проблема профессионально ориентированного обучения математике студентов физических и инженерно-технических специальностей вузов, поскольку математика выполняет в естествознании методологическую функцию и считается языком физики. Средством решения этой проблемы может быть интеграция содержания математики и физики (технических дисциплин) в рамках предметной области «математика». К этому выводу приходит все большее число исследователей [1]–[4].

Вопросами установления интеграционных (межпредметных) связей математических и физических дисциплин в обучении математике студентов физических и инженерно-технических специальностей вузов также занимались М. С. Аммосова, Н. А. Байгазова, В. Р. Беломестнова, Е. А. Василевская, Л. В. Васяк, М. Л. Груздева, В. А. Далингер, Т. В. Игнатьева, Е. И. Исмагилова, О. Е. Кириченко, И. Г. Михайлова, С. X. Мухаметдинова, С. В. Плотникова, С. А. Розанова, Т. И. Федотова и др. Изданы интеграционные учебные пособия: сборники прикладных и физических задач по математике для студентов технических вузов [5], [6].

Анализ научно-методических публикаций, учебников и задачников по высшей математике показывает, что средствами осуществления интеграции математических и специальных дисциплин могут выступать: а) математические задачи прикладного характера, б) метод математического моделирования физических и физико-технических задач (интеграция на уровне практики математики). Однако в решении задач используются готовые результаты математической теории, которая при этом остается за рамками интеграции. А ведь именно теория как сложный «чужеродный» объект вызывает наибольшее неприятие, «отторжение», «сопротивление организма» при изучении математики будущими инженерами и физиками. Именно «чистая» теория математики обычно ведет к снижению их интереса к предмету и мотивации к учебе, ухудшению успеваемости, порождает серьезные психологические проблемы (например, затрудняет адаптацию первокурсников), формализм в знаниях и тем самым ограничивает развитие теоретического мышления. Последствия этого нельзя недооценить.

Таким образом, интеграцией охвачен лишь «внешний фасад» математики, что нельзя признать удовлетворяющим требованиям времени. Усилить междисциплинарные связи математики и физики (технических дисциплин), на наш взгляд, можно, если при введении математических понятий на лекциях опираться на моделирование физических (физико-технических) объектов и структур. В работе [7] был предложен перечень физических явлений для использования их моделей при введении соответствующих понятий математического анализа. Однако психолого-дидактические основания введения понятий подробно не обсуждались. В данной статье сделана попытка ликвидировать этот пробел, для чего потребовалось рассмотреть механизм введения математических понятий и пример реализации метода.

Результаты исследования и их обсуждение

Понятие – важнейшая форма научного мышления – есть результат аналитико-синтетического обобщения [8]–[10]. Обобщение наряду с абстракцией, сравнением, анализом и синтезом является основной операцией мыслительной деятельности. С. Л. Рубинштейн [8] рассматривал три вида обобщения: а) эмпирическое обобщение, б) теоретическое (научное) обобщение, в) дедукцию.

Эмпирическое обобщение как путь от частного к общему обеспечивает выделение общих (сходных) признаков у сопоставляемых объектов посредством сравнения и используется на начальных этапах познания. Однако, во-первых, оно «не гарантирует того, что общее, выделяемое таким образом, является вместе с тем и существенным для данных явлений. ... Из того, что существенное закономерно является общим, не следует, что общее необходимо существенно; в этом прежде всего заключается ненадежность, а значит, и несовершенство такого обобщения» [8, 150]. Во-вторых, эмпирическое обобщение – «лишь отбор из числа эмпирически, непосредственно, чувственно данных свойств; оно не способно поэтому привести к открытию чего-либо сверх того» и «остаётся в пределах эмпирических констатаций» [8, 150]. Здесь сравнение как «конкретная форма взаимосвязи анализа и синтеза осуществляет эмпирическое обобщение и классификацию явлений», а «сходное является лишь внешним вероятным индикатором существенного» [9, 236].

Теоретическое (научное) обобщение есть выделение не любых общих свойств явлений, а свойств существенных. «Научное обобщение производит эффект анализа, связанного с абстракцией. При этом абстрагирование, ведущее к обобщению, заключается в научном понятии, не отрывает общее от частного. В научном понятии, в законе частное не исчезает, а сохраняется в виде переменных, которые могут получить разное частное значение. В этом смысле общее богаче частного, содержит его – хотя и в неспециализированном виде – в себе» [8, 143]. С. Л. Рубинштейн раскрывает смысл существенного: «Сущность вещи – это не что иное, как заключенное в ней самой основание всех изменений, с ней происходящих при взаимодействии с другими вещами» [8, 112]. Это внутреннее основание изменений проявляется как их закон: «... Закон, которому данное явление подчиняется, включается в его определение» [8, 111]. Наконец, *дедукция* – это обобщение путем доказательства, «доказательное выведение одного положения на основе других, из которых оно с необходимостью следует...» [8, 151].

Эмпирическое обобщение приводит к эмпирическим понятиям и является основой эмпирического мышления, а обобщение второго типа, называемое также содержательным обобщением, – основа мышления теоретического. В. В. Давыдов подчеркивал: «...Различие эмпирического и теоретического мышления определяется различием путей и средств реализации обобщения» [9, 257]. Абстракция и обобщение содержательного типа лежат в основе формирования научного, теоретического, понятия. Такое понятие «выступает как вполне определенный и конкретный способ связи всеобщего и единичного, как способ выведения особенных и единичных явлений из их всеобщей основы. Благодаря этому содержанием теоретического понятия выступает *развитие* предмета» [9, 362]. Сведение чувственно-конкретного понятия к теоретическому выступает как средство достижения главной цели научного познания – восхождения от абстрактного к мысленному конкретному.

В существующих теоретических (лекционных) курсах математики для студентов физических и инженерно-технических специальностей вузов обычно все понятия вводятся третьим – дедуктивным – способом. Он, по сути, является чисто математическим, требует развитого математического мышления и, как показал исторический опыт, является не очень эффективным в обучении будущих инженеров и физиков. Кроме того, дедуктивный способ содействует развитию *математического* мышления (мышления профессиональных математиков), что представляется нецелесообразным для физиков и инженеров по следующим соображениям.

Следуя взглядам А. Пуанкаре, Ж. Адамара, А. Я. Хинчина и др., математическое мышление определим как теоретическое мышление, оперирующее высоко абстрактными (математическими) объектами, или понятиями, лишенными всякого оттенка вещественности, и использующее специальные, математические, методы. В свою очередь, физическое мышление отличается от математического: а) «*вещественным*» оттенком даже абстрактных теоретических понятий (материальная точка и др.), б) важнейшим значением, которое имеют в физике

конкретные теоретические понятия (идеальный газ, электромагнитное поле, плазма, электрон и т. п.). Особенности физического (физико-технического) мышления отражены в положении физических и технических наук в системе классификации наук.

Физика как менее абстрактная и более конкретная наука, чем математика, находится в современной «лестнице наук», представляющей классификацию наук по объекту исследования (в движении от абстрактного к конкретному), правее математики в ряду математика – астрономия – физика – химия – биология и т. д. Г. Спенсер относит математику (и логику) к абстрактным наукам, а физику (наряду с механикой и химией) – к абстрактно-конкретным наукам. Дж. Франклин считает математику, логику, кибернетику и информатику формальными науками, использующими только абстрактный метод. Формальным наукам М. Бунге противопоставляет эмпирические науки, так или иначе основанные на опыте (физика, химия и др.). Поскольку техника олицетворяет собой практические достижения физики, опирается на физические законы, то вектор технического мышления достаточно близок к вектору физического мышления.

Проблему эффективности обучения высшей математике, на наш взгляд, можно решить, если при введении важных математических понятий: 1) опираться на *содержательное* обобщение; 2) обобщение проводить на физическом (физико-техническом) материале. Таким образом, в обучении математике будущих инженеров и физиков должны фигурировать не готовые определения понятий и их, пусть даже и прикладные, иллюстрации, и не выделение понятий из математической же основы (в частности, из геометрической), а выявление всеобщих абстрактных форм среди многообразия физических явлений.

Отталкиваясь от метода содержательного обобщения В. В. Давыдова [9, 427], рекомендованного им для развивающего обучения младших школьников различным дисциплинам (математике, русскому языку и т. д.), мы разработали алгоритм введения математических понятий при обучении студентов, состоящий из четырех основных стадий: 1) описание физического явления (структуры) на языке физики и постановка физической задачи, решение которой требует нового математического понятия (при этом, вообще, должно использоваться несколько физических задач); 2) выполнение такого преобразования содержания, которое позволяет перейти к отношению, играющему роль всеобщей основы для решения любой задачи данного вида; 3) фиксация этого отношения в знаковой модели, позволяющей рассматривать его особенности в «чистом виде»; 4) установление таких свойств данного отношения, которые дают возможность выявить условия и способ решения исходной задачи. Заметим, что понятие является «особым видом моделей, создаваемых в процессе познавательной деятельности людей» [9, 256], а «содержание и способ развертывания учебного материала должны быть подобными и зложены к результатам исследования, т. е. показывать учащимся действительное движение, начинающееся с некоторой его простой [уже найденной, генетически исходной] всеобщей формы» [9, 420].

Рассмотрим способ введения понятия неопределенного интеграла с разбивкой на указанные выше этапы. Сначала студентам предлагается следующая задача. 1. Дана зависимость угловой скорости $\omega(t)$ вращения тела от времени t : $\omega(t) = \cos \alpha t$ (рад./с), α – постоянная. Восстановить закон вращения тела, т. е. найти зависимость угла поворота φ от времени, если в начальный момент $t = t_0$ этот угол равен $\varphi = \varphi_0$ (рад.). 2. Известно, что угловая скорость есть производная от угла поворота: $\varphi'(t) = \omega(t)$. Говорят, что функция $\varphi(t)$ является первообразной функции $\omega(t)$ для всякого $t > t_0$. Запишем по-другому: $d\varphi(t) = \omega(t)dt$. Применим к обеим частям равенства операцию, обратную дифференцированию, считая, что она существует. 3. Обозначив эту операцию знаком интеграла, получим:

$$\int d\varphi(t) = \varphi(t) = \int \omega(t)dt.$$

Здесь операция интегрирования «аннулирует» операцию дифференцирования и, как видим, представляет собой установление первообразной. 4. Функция $\varphi(t) + C$, где C – произвольная постоянная, также является первообразной для $\omega(t)$, поскольку $(\varphi(t) + C)' = \varphi'(t) = \omega(t)$. Иначе говоря, выражение $\varphi(t) + C$ задает бесконечное множество первообразных.

Интересующий нас закон вращения с угловой скоростью $\omega(t)$ задается функцией $\varphi = \varphi(t) + C_0$, где C_0 – некоторая постоянная. Вычислим C_0 , учитывая начальное условие: $\varphi_0 = \varphi(t_0) + C_0$, откуда $C_0 = \varphi_0 - \varphi(t_0)$.

Итак, закон вращения будет иметь вид $\varphi = \varphi(t) + \varphi_0 - \varphi(t_0)$. Одной из первообразных для $\omega(t) = \cos \alpha t$ является функция $\varphi(t) = (\sin \alpha t) / \alpha$, поскольку $((\sin \alpha t) / \alpha)' = \cos \alpha t$, т. е.

$$\varphi(t) = \int \cos \alpha t dt = (\sin \alpha t) / \alpha.$$

Тогда закон вращения тела окончательно примет вид:

$$\varphi = (\sin \alpha t) / \alpha + \varphi_0 - (\sin \alpha t_0) / \alpha.$$

Выполним проверку, подставив сюда вместо t величину t_0 и получив тождество.

Затем рассматривается другая задача. 1. Тело массы m (кг) совершает прямолинейное движение под действием переменной силы $F(t) = e^{-\gamma t}$ (Н), где γ – постоянная ($\gamma > 0$), t – время (с). Определить зависимость скорости v движения тела от времени, если в начальный момент $t = t_0$ скорость равна $v = v_0$ (м/с). 2. Известно, что производная от скорости по времени – это ускорение: $v'(t) = a(t)$, т. е. $v(t)$ – первообразная функции $a(t)$ при $t > t_0$. Из второго закона Ньютона можно найти ускорение тела: $a(t) = F(t) / m$. Следовательно, $v'(t) = F(t) / m$, или $dv(t) = F(t) dt / m$. Применим к последнему уравнению операцию, обратную дифференцированию. 3. В результате получим:

$$\int dv(t) = v(t) = \int F(t) dt / m.$$

Операция интегрирования «аннулирует» операцию дифференцирования, и первообразная, функция для ускорения $a(t) = F(t) / m$ есть скорость $v(t) = \int F(t) dt / m$. 4. Функция вида $v(t) + C$ (C – произвольная постоянная) также будет первообразной для $a(t)$. Искомая зависимость определяется функцией $v = v(t) + C_0$, причем из начального условия найдем, что $C_0 = v_0 - v(t_0)$. Следовательно, $v = v(t) + v_0 - v(t_0)$. Одна из первообразных функции $a(t) = F(t) / m = e^{-\gamma t} / m$ есть $v(t) = -e^{-\gamma t} / (\gamma m)$, что легко проверить дифференцированием. Таким образом, получим:

$$v(t) = \int e^{-\gamma t} dt / m = -e^{-\gamma t} / (\gamma m).$$

Зависимость скорости v от времени t примет вид:

$$v = v_0 + \frac{e^{-\gamma t_0}}{\gamma m} - \frac{e^{-\gamma t}}{\gamma m}.$$

Проверка для $t = t_0$ должна подтвердить правильность решения.

Наконец, в третьей задаче требуется: 1. Установить вид зависимости потенциальной энергии W (Дж) упругой деформации пружины от величины ее деформации x (м). Коэффициент упругости пружины равен k (Н/м). 2. Работа A внешней силы $F(x)$ по деформированию пружины переходит в потенциальную энергию $W(x)$ последней.

Элементарная работа dA равна $dA = F(x)dx$. Значит, дифференциал $dW(x)$ равен $dW(x) = dA = F(x)dx$. Применим к последнему соотношению операцию, обратную дифференцированию. 3. Найдем, что

$$\int dW(x) = W(x) = \int F(x)dx,$$

т. е. функция $W(x)$ – первообразная для $F(x)$, $W'(x) = F(x)$. 4. Функция типа $W(x) + C$ также является первообразной для $F(x)$, поскольку $(W(x) + C)' = W'(x) = F(x)$. Интересующая нас зависимость имеет вид: $W = W(x) + C_0$. Постоянную C_0 найдем из естественного начального условия: $W = 0$ при $x = 0$, откуда $C_0 = -W(0)$, $W = W(x) - W(0)$. Из закона Гука следует, что $F(x) = kx$, следовательно, $W(x) = \int kx dx$. Ввиду того что $(kx^2/2)' = kx$, то $kx^2/2$ – одна из первообразных функции kx :

$$W(x) = \int kx dx = kx^2/2.$$

Окончательно получим, что $W = kx^2/2 - W(0) = kx^2/2$.

Далее обобщаем полученные результаты в виде понятия неопределенного интеграла. При этом подчеркиваем, что

$$\int f(x)dx = \Phi(x) + C,$$

где $\Phi(x)$ – одна из первообразных для функции $f(x)$. После проведения всех теоретических выкладок (доказательства утверждений, теорем и т. д.) следует проиллюстрировать наиболее важные положения физико-техническими задачами. Аналогичным образом вводятся и другие понятия математики: пределы последовательности и функции, производная, интегралы, ряды и т. д.

Использованное нами для введения обозначения интеграла соотношение $\int dF(x) = F(x) = \int f(x)dx$, где $F'(x) = f(x)$ (интегрирование есть операция, обратная дифференцированию, которая «аннулирует» дифференцирование) представляется нам методически более обоснованным, чем никак не объясняемое применение (постулирование) обозначения $\int f(x)dx$, фигурирующее во всех учебниках по математическому анализу (когда не указывается, как под знаком интеграла появился дифференциал dx).

В исследовании В. В. Давыдова [9] разработана лишь общая схема введения понятий, относящихся к различным школьным дисциплинам, но нет анализа рекомендаций для приложения их к высшей математике и методике её преподавания. Специфика применения метода содержательного обобщения в нашем случае определяется: а) различием целей обучения в школе и вузе; б) математической областью его приложения и высокой степенью абстрактности определяемых понятий; в) профессиональной направленностью обучения или необходимостью использования профессионального физико-технического контекста, опоры на него; г) потребностью в гармоничном соединении этого контекста с основным математическим материалом (интеграционная физико-математическая специфика); д) возрастными особенностями мышления студентов и отсутствием необходимости в так называемом опережающем обучении, в котором В. В. Давыдов и применял метод содержательного обобщения; е) потребностью в серьезной мотивации к изучению математики студентами ввиду явного наличия у них профессиональных, далеко не математических склонностей и предпочтений.

Формирование понятий высшей математики с помощью теоретического обобщения (т. е. путём выяснения условий происхождения понятий), отталкиваясь от постановки физико-технических задач, создает основу как для усиления мотивации студентов к изучению математики благодаря непосредственной реализации профессионального интереса, так и для профнаправленности обучения. В том, что касается изложения процесса рождения понятий, В. В. Давыдов подчеркивал: «Принцип содержательного обобщения и образования теоретического понятия состоит в выделении *всеобщей* формы какого-либо многообразия явлений, в выяснении происхождения содержания понятия» [8, 426].

Можно считать наш подход модификацией метода содержательного обобщения или его развитием, но так или иначе специфика предлагаемого подхода проявляется столь ярко, что есть все основания говорить об особой разновидности синтеза содержания математических и физических (технических) дисциплин в теоретическом курсе высшей математики. Мы назвали ее **конвергентным синтезом** (от англ. «convergent» – сходящийся в одной точке). Конвергентный синтез вводит определение математического понятия не через дедукцию и не в готовом виде, а через задачи для выяснения условий его происхождения из физической действительности.

Спонтанное и бессистемное введение некоторых математических понятий через движение от физической задачи встречается, например, в учебниках по математическому анализу и высшей математике следующих авторов: Г. М. Фихтенгольц (1948, 2005) – производная (скорость неравномерного движения), тройной интеграл (масса неоднородного тела); Я. С. Бугров, С. М. Никольский (1980, 2004) – определенный интеграл (масса неоднородного стержня), обыкновенное дифференциальное уравнение (температура остывающего твердого тела); А. М. Тер-Крикоров, М. И. Шабунин (1988, 2009) – производная (та же задача), определенный интеграл (работа переменной силы); Д. Т. Письменный (2009) – производная (та же задача).

С. М. Никольский (1970, 1990), В. А. Ильин, Э. Г. Позняк (1965, 2005), В. А. Садовничий, Бл. Х. Сендов (2007) фактически вынесли «физическое» введение понятий (производная, неопределенный или определенный интегралы) в первый концентр обучения (во вводную главу). Это, на наш взгляд, аннулирует продуктивность «физического метода», поскольку, во-первых, нарушает дидактическое единство материала, логику его изложения, а во-вторых, не отменяет того, что в следующем концентре понятия надо вводить заново.

Подчеркнем, что в имеющихся пособиях: 1) если математическое понятие и вводится на базе физического материала, то обычно для этого используется одна физическая задача; 2) за последние 3–4 десятилетия весьма ограниченный перечень таких физических задач практически не изменился; 3) редкая опора на физический контекст при введении понятий никак не сказалась на профнаправленности содержания учебников. Кроме того, научно-методические публикации, касающиеся освещения системного «физического» подхода к введению математических понятий, фактически отсутствуют. Всё это говорит о том, что сегодня полноценная методика формирования математических понятий с опорой на физическую (физико-техническую) основу не создана. Вместо стихийности и неосознанности в этом вопросе мы предлагаем: а) алгоритм введения математических понятий на базе физического (физико-технического) содержания; б) использование данного подхода для усиления мотивации к изучению математики студентами вузов и приобретения ими навыков математического моделирования. Способ опробован на физическом факультете БГПУ им. Максима Танка в курсе математического анализа и уже обеспечил значительный рост мотивации студентов к изучению дисциплины.

Выводы

1. Впервые предлагается алгоритм введения понятий, опирающийся на моделирование физических (физико-технических) задач в теоретическом курсе высшей математики для студентов физических и инженерно-технических специальностей вузов. С помощью алгоритма выполняется содержательное обобщение, основанное на выяснении условий происхождения математических понятий из физической действительности.

2. Предлагаемый способ, названный нами конвергентным синтезом, обеспечивает интеграцию содержания математики и физики в теории обучения, а также интеграцию на уровне видов учебной деятельности (моделирование), содействует формированию интегрированной образовательной среды. В свою очередь, теоретическая интеграция математики и физики создает условия для усиления мотивации к изучению математики, для профнаправленности обучения и преодоления формализма в знаниях студентов, для приобретения ими навыков математического моделирования физических явлений.

Литература

1. Зайниев, Р. М. Профессиональная направленность математической подготовки инженерных кадров / Р. М. Зайниев // Высшее образование сегодня. – 2008. – № 5. – С. 88–90.
2. Князева, О. Г. Проблема профессиональной направленности обучения математике в технических вузах / О. Г. Князева // Вестник Томского гос. пед. ун-та. – 2009. – Вып. 9. – С. 14–18.
3. Носков, М. В. Какой математике учить будущих бакалавров? / М. В. Носков, В. А. Шершнева // Высшее образование в России. – 2010. – № 3. – С. 44–48.
4. Рассоха, Е. Н. К проблеме развития математических способностей студентов технических специальностей / Е. Н. Рассоха, Л. М. Анциферова // Вестник Оренбургского гос. ун-та. – 2010. – № 9. – С. 189–194.
5. Ветрова, В. Т. Сборник физических задач по общему курсу высшей математики : учеб. пособие для вузов / В. Т. Ветрова. – Минск : Выш. шк., 1997. – 202 с.
6. Шершнева, В. А. Сборник прикладных задач по математике для студентов инженерных вузов / В. А. Шершнева, О. А. Карнаухова. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2008. – 204 с.
7. Кирюшин, И. В. Теоретическая интеграция математики и физики в курсе математического анализа / И. В. Кирюшин // Вестн БДПУ. Серия 3. – 2010. – № 2. – С. 34–39.
8. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – М. : изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 328 с.
9. Давыдов, В. В. Виды обобщения в обучении: Логико-психологические проблемы построения учебных предметов / В. В. Давыдов. – М. : Педагогическое общество России, 2000. – 480 с.
10. Усова А. В. Формирование у школьников научных понятий в процессе обучения / А. В. Усова. – М. : Педагогика, 1986. – 176 с.

Summary

An algorithm of the introduction of notions, based on modeling of physics and technical tasks in theoretical course of teaching mathematics to students of engineering-technical professions of higher educational establishments is offered. As an example of entering notion an indefinite integral is considered. This method has been named as «convergent syntheses». The method is assumed to increase motivation in basic training in mathematics. The approach guarantees intergration of mathematics' and physics' content in the theory of teaching.

Поступила в редакцию 05.04.2011.

УДК 378. 04

*Д. М. Кошман, М. Г. Кошман***СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ
БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА**

В статье рассматривается сущность акмеологической компетентности будущего педагога. Определен состав и содержание ее структурных компонентов: потребностно-мотивационного, когнитивного, ценностно-смыслового, мыследеятельностного, профессионально-деятельностного, социально-кооперативного и рефлексивно-управленческого. Выделены основные ее функции: побудительно-мотивационная, познавательная, нормативно-регулятивная, креативно-творческая и развивающая. Выявлено три уровня ее развития: низкий, средний и высокий. Дана характеристика двух ее типов: традиционно-эволюционного и деятельностно-рефлексивного.

Введение

В современном, приобретающем информационный характер обществе проблема развития профессионализма педагога-предметника является одной из актуальных и значимых. Сегодня познавательные усилия многих философов, методологов, теоретиков педагогики [1]–[10] связаны с поиском теоретико-методологических основ изменения традиционного педагогического профессионализма. В этом направлении особенно значимым и актуальным является разработка теоретико-технологических средств становления и развития нового типа педагогического профессионализма – мыследеятельностного – на основе акмеологического и системномыследеятельностного подходов [2], [9].

Результаты исследования и их обсуждение

Известно, что акмеологическая проблематика возникла в психолого-педагогической теории в начале прошлого века. В последние десятилетия интенсивно развивается наука о вершинах профессионализма зрелой личности. Она получила название «акмеология» [1]–[8]. Об этом свидетельствует открытие специализированных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций, а также создание Международной академии акмеологических наук. Сегодня акмеология пронизывает различные профессиональные сферы жизнедеятельности социума, особенно она важна для сферы педагогического производства. Происходит бурная социализация акмеологии. Начинают включаться в учебные планы разных специальностей учебные дисциплины по акмеологии, и в качестве учебно-методического обеспечения разрабатываются первые учебные пособия по данному предмету, которые предназначены для овладения будущими специалистами теоретико-методологическими основами и методическими путями достижения профессионализма и творческой самореализации, методами самосовершенствования, способами достижения педагогического мастерства в квазипрофессиональной деятельности в вузах. Результаты проведенных исследований показывают, что впервые появилась реальная возможность использования и реализации акмеологического подхода при подготовке педагогических кадров [1]–[8]. Данное обстоятельство со всей очевидностью фиксирует проблему формирования у будущих педагогов-предметников основ акмеологической компетентности как важнейшей составляющей профессионально-педагогической подготовки в вузе. Место и значение данного вида профессиональной компетентности видится нам в разработке стратегии и тактики оптимального достижения каждым педагогом персонального «акме». В процессе вузовского обучения осуществляется постижение студентами основ педагогической акмеологии, формируется потребностно-мотивационная сфера личности будущего педагога в профессионально-личностном развитии, происходит освоение базовых компонентов педагогической профессии и актуализация креативно-творческой деятельности, связанной с построением позиции Я-профессионал. Дальнейшее развитие персональной акмеограммы учителя происходит в процессе профессионально-педагогической деятельности.

В образовательном стандарте Республики Беларусь по специальности 1-02 03 06 Иностранные языки выделяются академические, социально-личностные и профессиональные компетенции. Акмеологическая компетентность специально и отдельно не выделяется. В системе вузовского образования акмеологическая компетентность входит в состав

професійно-педагогічної компетентності і тісно пов'язана з академічною і соціально-особистісною компетентностями. В області вимог до трьох вищеперелічених компетенцій можна віднести такі, які тісно взаємопов'язані і відображають сутність акмеологічної компетентності: 1) *академічні компетенції* – це уміти працювати самостійно і підвищувати свій професійний рівень, застосовувати міждисциплінарний підхід при розв'язанні проблем, застосовувати отримані базові науково-теоретичні знання для розв'язання теоретичних і практичних завдань в області створення і вдосконалення інноваційних технологій, організації навчально-виховного процесу; 2) *соціально-особистісні компетенції* – це бути спроможним до критики і самокритики, мати здатність саморозвитку і самовдосконалення; 3) *професійні компетенції*, які в навчально-виховній діяльності пов'язані з аналізом, впровадженням, проектуванням, плануванням і використанням ефективних педагогічних засобів; в навчально-методичній діяльності пов'язані з організацією, освоєнням, розробкою, плануванням і використанням раціональних методів, форм і засобів навчання і виховання; в науково-дослідницькій діяльності пов'язані з освоєнням нових психолого-педагогічних і предметних знань, а також з проведенням і використанням в педагогічній практиці особистих досліджень; в організаційно-управлінській діяльності пов'язані з організацією і управлінням якістю в сфері освітньої діяльності, а також з побудовою ефективного соціально-педагогічного взаємодіяння; в інноваційній діяльності пов'язані з розробкою і використанням педагогічних інновацій в процесі навчання і виховання учнів [10].

Аналіз науково-методичної літератури показує, що поняття «акмеологічна компетентність», «акмеологічна компетентність майбутнього педагога», «формування акмеологічної компетентності майбутнього педагога» є малодосліджуваними і їх теоретико-методичні основи розроблені недостатньо. В психолого-педагогічних дослідженнях зустрічаються такі поняття, як «акмеологічна позиція», «акмеограма», «акмеологічна культура», «акмеологічні знання» і др.

Методологічною основою розв'язання даної проблеми виступає компетентнісний підхід [11], який сьогодні є основоположним для системи підготовки педагогічних кадрів в умовах вищого освіти. Цілесобразність введення поняття «компетентність» була викликана необхідністю об'єднання, спрощення і лаконізації опису професійної сфери діяльності. Разом з тим в психолого-педагогічній літературі нерідко трапляються отождествлення цього поняття з поняттям «компетенція». Єдиного висновку в педагогічній науці по цьому питанню поки не вироблено. Згідно одних даних, вважається, що компетентність – це деяка особистісна, інтегративна характеристика, симптомокомплекс, а компетенція – сукупність конкретних професійно-функціональних характеристик. По інших даних, компетентність розглядається, в основному, як сукупність знань, умінь, навичок, особистісних якостей, а під компетенцією розуміється досвід, готовність, грамотність, здатність виконувати професійні дії. Множинність трактування цих понять в психолого-педагогічній роботі обумовлена наявністю різних дослідницьких позицій в прикладі до розв'язуваних науково-дослідницьких завдань і частіше відсутністю використання онтологічного і системного підходів в дослідженнях. Основоположниками напрямку по проблемах дослідження компетентності і різних її аспектів в різний час в теорії і практиці як професійного, так і педагогічного освіти в вітчизняній і зарубіжній науці були В. А. Адольф, С. Я. Батішев, А. А. Вербицкий, С. Б. Елканов, А. І. Жук, О. Л. Жук, Э. Ф. Зеєр, І. А. Зимня, В. В. Краєвський, Н. В. Кузьміна, Н. В. Кухарев, А. К. Маркова, Л. М. Митина, Л. А. Петровська, Дж. Равен, В. І. Слободчиков, Р. Уайт, Н. Хомський, А. В. Хугорської і інші автори. Суть даного підходу полягає в тому, що це методологічна основа неперервного загального і професійного освіти, сутність якої полягає в реалізації рефлексивно-діяльнісного вищого освіти, орієнтованого на підготовку спеціаліста, володаря нормативними і креативно-творчими здатностями розв'язання професійних завдань і проблем.

Під акмеологічною компетентністю майбутнього педагога ми розуміємо частину загальної професійно-педагогічної компетентності, яка відображає динамічне єдинство професійно-педагогічної спрямованості особистості, знання, цінності, способи педагогічної мислительності, які дозволяють виконувати ефективне професійно-особистісне розвиток в соціокультурній середі і освітній практиці.

Научно-педагогические исследования в области компетентного профессионально-ориентированного образования, а также онтология профессионально-личностного развития человека являются основанием для построения теоретической модели акмеологической компетентности и определения её структуры. На основе этих исследований и исходя из сущности профессионально-личностного развития педагога в образовательной ситуации акмеологическая компетентность состоит из следующих структурных компонентов: потребностно-мотивационного, когнитивного, ценностно-смыслового, мыследеятельностного, профессионально-деятельностного, социально-кооперативного и рефлексивно-управленческого. Логика выделения и фиксация самих компонентов в структуре акмеологической компетентности подтверждаются исследованиями различных авторов (О. С. Анисимов, А. А. Деркач, В. И. Загвязинский, А. А. Исаев, Н. В. Кузьмина, Н. В. Кухарев, Г. И. Хозяинов, И. И. Цыркун и др.). В данной структуре первые четыре компонента отражают аспекты становления и развития личности будущего педагога (личностное пространство), последующие два компонента характеризуют его профессионально-деятельностное развитие на рефлексивной основе, специфика последнего компонента заключается в том, что его профессионально-личностное развитие осуществляется в педагогической общности и имеет социальную значимость. Это связано с тем, что только в обществе, в общественных отношениях, в социальном окружении, в деятельности человек может, по мнению Г. П. Щедровицкого, овладеть определенными видами деятельности, научиться осуществлять их в кооперации с другими людьми. И только в меру овладения частями человеческой социальной деятельности индивид становится человеком и личностью [9].

Нормативная структура содержания данных компонентов позволит осуществить ретроспективную рефлексию, разработать, реализовать и осуществить проспективную рефлексию персональной акмеограммы будущего педагога. Содержательная характеристика данных компонентов представлена в таблице.

Таблица – Характеристика структурных компонентов акмеологической компетентности будущего педагога-предметника

Компоненты акмеологической компетентности будущего педагога	Содержательная характеристика каждого компонента
Потребностно-мотивационный	Потребности и мотивы, связанные с профессионально-личностным развитием, самосовершенствованием будущего педагога
Когнитивный	Личностные и профессионально важные знания, качества, свойства и способности, связанные с оптимальным достижением персонального «акме»
Ценностно-смысловой	Ценности и смыслы профессионально-личностного развития будущего педагога
Мыследеятельностный	Акмеологическое сознание и мышление будущего педагога
Профессионально-деятельностный	Способы проектирования и реализации акмеологической деятельности будущего педагога
Социально-кооперативный	Востребованность и развитие профессионализма личности и деятельности. Со-бытийная общность педагогов
Рефлексивно-управленческий	Способы рефлексивной деятельности, связанные с управлением профессионально-личностным развитием будущего педагога

Раскроем основные сущностные характеристики каждого компонента акмеологической компетентности будущего педагога. Потребностно-мотивационный, когнитивный и ценностно-смысловой компоненты представлены личностными характеристиками педагога-акмеолога, которые отражают сущность акмеологической направленности личности педагога. К таким характеристикам относятся: знания и ценности; творческие способности; педагогическая позиция; профессиональное самоопределение; духовно-нравственная и мотивационно-потребностная сферы; профессионально-педагогическая направленность и профессионально важные качества учителя-профессионала. Овладение нормативной структурой в этих элементах позволит педагогу овладеть акмеологической компетентностью личности.

Мыследеятельностный компонент связан с акмеологическим сознанием и мышлением будущего педагога как с особым акмеологическим типом мыследеятельности. Акмеологическая мыследеятельность состоит из трех основных слоев и двух процессов. К первым относятся: акмеологическое мыследействие, акмеологическая мыслекоммуникация и акмеологическое мышление, где ведущим выступает слой акмеологической мыслекоммуникации, который связывает два остальных слоя и образует целостность и системность данного типа мышления. Понимание и рефлексия – это процессы, которые пронизывают все три слоя и без которых акмеологическое мышление невозможно [2], [9].

Профессионально-деятельностный компонент отражает сущность и структуру акмеологической деятельности будущего педагога, реализующейся посредством следующих способов: проблемный анализ исходного состояния педагогического профессионализма, разработка персонального акмеологического проекта (акмеограммы) и его развитие (концептуализация, технологизация и ресурсное обеспечение), постоянное перманентное перепроектирование своего профессионально-личностного развития на основе обратной связи от сложившейся и/или складывающейся ситуации в профессиональном поле, рефлексия достоинств и недостатков профессионально-педагогической деятельности.

Социально-кооперативный компонент заключается в совместных, согласованных действиях по реализации педагогом с коллективным педагогическим субъектом своего акмеологического проекта в образовательном пространстве. В качестве коллективного субъекта выступает коммунальная группа, общественно-образовательное профессиональное сообщество и общественно-образовательная профессиональная общность педагогов. Отметим, что в первых двух типах организованностей педагогов реализовать персональную акмеограмму педагогу будет очень трудно, поскольку он будет постоянно сталкиваться с противодействием со стороны социокультурной ситуации, коллег и педагогической администрации. Ему придется создавать среду обитания в социокультурной действительности, но при этом он должен постоянно рефлексировать взаимодействие «личность–система». Данный компонент акмеологической компетентности будущего педагога и заключается в нахождении конструкции согласия в совместной педагогической деятельности без ущерба для профессионально-личностного развития и в выращивании акмеологической компетентности у данной социально-профессиональной организованности. Рефлексивно-управленческий компонент отражает механизм профессионально-личностного развития будущего педагога в образовательной практике [2], [9].

Данные компоненты находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Их реализация осуществляется в зависимости от этапа акмеологического проекта и определяется закономерностями его разработки и реализации в персональной и совместной деятельности на основе мыслекоммуникации. Этим же обуславливается и их этапность в становлении и развитии педагога, где системообразующим компонентом выступает мыследеятельностный в аспекте рефлексивного составного элемента. К основным функциям акмеологической компетентности будущего педагога можно отнести следующие: побудительно-мотивационную, познавательную, нормативно-регулятивную, креативно-творческую и развивающую. Как любое педагогическое явление, акмеологическая компетентность будущего педагога имеет различные уровни сформированности. В наших исследованиях выделяется три уровня: низкий, средний и высокий. Данные уровни отражают ее динамику в процессе становления в вузовском обучении и развития в профессиональной деятельности. Важнейшим и основополагающим для процесса подготовки будущего педагога в вузе выступает средний уровень, который отражает культурные нормы всех компонентов акмеологической компетентности и свидетельствует о том, что педагог может самостоятельно проектировать, осуществлять и рефлексировать реализацию персональной акмеограммы в процессе практической работы в школе.

Типологизация акмеологической компетентности будущего педагога позволила выделить два ее типа: традиционно-эволюционный и деятельностно-рефлексивный. Традиционно-эволюционный тип характеризуется стихийно-эмпирическим, естественно-эволюционным отношением к педагогическому профессионализму и, как правило, выражается понятием «рост педагогического профессионализма». Деятельностно-рефлексивный тип отражает сознательное рефлексивное управление развитием профессионального бытия педагога и выражается понятием «развитие (управление развитием) педагогического профессионализма».

Выводы

Сущность акмеологической компетентности будущего педагога заключается в том, что это динамическое единство профессионально-педагогической направленности личности, знаний, ценностей, способов педагогического мышления и деятельности, позволяющих осуществить профессионально-личностное развитие в образовательной практике.

Акмеологическая компетентность состоит из следующих компонентов: потребностно-мотивационного, когнитивного, ценностно-смыслового, мыследеятельностного, профессионально-деятельностного, социально-кооперативного и рефлексивно-управленческого.

Выделены следующие функции акмеологической компетентности будущего педагога: побудительно-мотивационная, познавательная, нормативно-регулятивная, креативно-творческая и развивающая. Выявлено три уровня ее развития: низкий, средний и высокий. Установлено, что средний уровень является базовым и основным для подготовки педагогических кадров в вузе. Определено два типа акмеологической компетентности будущего педагога: традиционно-эволюционный и деятельностно-рефлексивный.

Таким образом, изложенные выше сущностные характеристики понятия «акмеологическая компетентность будущего педагога» позволяют, на наш взгляд, осуществить дальнейшую критериальную рефлексию данного понятия и определить его место в системе акмеологического знания, а также в процессе подготовки высококвалифицированных и востребованных на рынке труда педагогических кадров. Кроме этого, уже сегодня имеется возможность разворачивать исследования для становления и развития данного вида профессиональной специализации у будущих педагогов и учителей-предметников.

Литература

1. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человековедения / Б. Г. Ананьев. – М.: ЛГУ, 1980. – 328 с.
2. Анисимов, О. С. Педагогическая акмеология: общая и управленческая / О. С. Анисимов. – Минск: Технопринт, 2002. – 788 с.
3. Деркач, А. А. Акмеология: пути достижения вершин профессионализма / А. А. Деркач, Н. В. Кузьмина. – М.: Энциклопедия управленческих знаний, 1993. – 532 с.
4. Хозяинов, Г. И. Акмеология физической культуры и спорта: учеб. пособие для студентов высшей школы / Г. И. Хозяинов, Н. В. Кузьмина, Л. Е. Варфоломеева. – М.: изд. центр «Академия», 2005. – 208 с.
5. Кузьмина, Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения / Н. В. Кузьмина. – М.: Просвещение, 1990. – 284 с.
6. Кузьмина, Н. В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения / Н. В. Кузьмина. – М.: Просвещение, 1989. – 353 с.
7. Кухарев, Н. В. На пути к профессиональному совершенству: кн. для учителя / Н. В. Кухарев. – М.: Просвещение, 1990. – 159 с.
8. Кухарев, Н. В. Педагог-мастер-педагог-исследователь / Н. В. Кухарев. – Гомель: ГГОИПК, 1992. – 211 с.
9. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – М.: Школа культурной политики, 1996. – 760 с.
10. ОС РБ 1-02 03 06-2008 Образовательный стандарт Республики Беларусь. Высшее образование. Первая ступень. Специальность 1-02 03 06 Иностранные языки (с указанием языков). – Минск: Мин-во образования Республики Беларусь, 2008. – 41 с.
11. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование. – 2003. – № 5. – С. 34–42.

Summary

The article deals with the essence, structure, functions, levels and types of acmeologic competences of future teachers. The content and essence of structural components (motivation, cognitive, sense, activity, professional, social and cooperative, reflexive and managing) are reflected. The main functions (motivation, cognitive, normative and regulative, creative, developing) are summarized. Three levels of acmeologic competence are given (low, medium, high). The characteristic of its types is given (traditional, evolutionary, action and reflection).

Поступила в редакцию 10.03.11.

УДК 378.015.3

*О. С. Муравьёва, Е. А. Шевандо***ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОЦЕССА АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ
К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ**

В статье раскрываются некоторые аспекты процесса адаптации первокурсников к условиям обучения в вузе. Анализируются трудности, возникающие у студентов на начальном периоде обучения в высшей школе, приводятся данные исследования в области изучаемого явления.

Введение

Социально-экономические и культурные преобразования, происходящие в современном обществе, затрагивают все стороны процесса обучения и воспитания личности в высшей школе. В условиях современной действительности речь идёт не просто о компетентном работнике, хорошо владеющем своими профессиональными функциями, но и о высококвалифицированном мастере, специалисте, который гармонически сочетает в своей деятельности умственные и физические способности, творческое применение которых качественно повышает производственный процесс. В связи с этим целесообразно переосмыслить роль, место и назначение высшей школы в подготовке специалистов с университетским образованием.

Образовательное пространство вуза – это органическая часть образовательного мирового пространства, оно неразрывно связано с экономикой, состоянием общественных отношений и всех форм общественного сознания. Период обучения в вузе является очень ответственным этапом в жизни студента как в психолого-педагогическом, так и в социальном отношении. От качества полученных в высшей школе профессионально значимых знаний, умений, навыков, сформированности профессионально ценных установок зависит дальнейшая жизнь и судьба молодых людей.

Современным выпускникам школ предстоит начинать самостоятельную жизнь и профессиональную деятельность в условиях, которые требуют от них не только решения проблемы правильного выбора профессии, но и приспособления к различным факторам на пути её овладения. Новые условия обучения, высокая учебная нагрузка, большой объём, новизна и сложность материала, которым должен овладеть студент, представляют наибольший риск в обучении первокурсников, так как происходит период первичного усвоения требований, предъявляемых новыми социальными ситуациями. Успешная учёба первокурсников в условиях высшего учебного заведения зависит также от их потребности в саморазвитии. Перед высшей школой стоит ряд проблем, качественное решение которых во многом обусловлено грамотно организованной работой с первокурсниками. Поэтому проблема адаптации студентов первого курса к условиям обучения в вузе является наиболее актуальной. Значимость проблемы определяется задачами оптимизации **процесса адаптации** студентов к учебно-профессиональной деятельности в условиях высшего учебного заведения.

Результаты исследования и их обсуждение

Проблема адаптации своей сложностью и многосторонностью привлекает к себе внимание ученых из различных областей знания. В философском аспекте эта проблема рассматривалась еще в древние времена. Такие философы прошлого, как Анаксагор, Аристотель, Гераклит, Демокрит, Ламарк, Парменидон, Фалес, Эмпедокл, по-разному обозначали это явление и объясняли его происхождение. В наше время проблема адаптации нашла свое отражение в исследованиях П. К. Анохина, З. И. Барбашовой, Э. С. Бауэра, В. И. Вернадского, А. А. Виру, Н. И. Гусева, И. В. Давыдовского, Ч. Дарвина, К. М. Завадского, В. П. Казначеева, В. И. Корюкина, В. П. Кузьмина, Р. О. Курбанова, Л. К. Лайзан, А. А. Любищева, А. С. Мамзина, Ф. С. Меерсона и др.

В психолого-педагогической науке данная проблема также нашла свое отражение. Исследованию психологической и профессиональной адаптации молодого специалиста посвящены работы Л. Ф. Мирзаяновой, П. А. Просецкого, В. В. Синявского, Л. Д. Ершовой, М. И. Дьяченко,

Л. А. Кандыбович, М. В. Каминская, М. П. Будяжиной, Э. Ф. Зеера, Г. И. Мельниковой, Л. М. Растовой, А. Д. Розенберга, А. А. Русалиновой, в которых представлено последовательное изложение теории и практики данного вопроса. Такие учёные, как И. А. Милославова, С. В. Овдей, А. В. Сахно, М. А. Славина, М. И. Скублій, исследуют разновидности социальной адаптации личности на разных жизненных этапах.

Высшая школа выступает как **средство социальной адаптации**, где профессиональная адаптация является её основой. Сегодня основной целью высшего образования является не только качественная подготовка людей к профессиональной деятельности, но и их многосторонняя подготовка к жизни во всех её проявлениях, создание оптимальных условий для раскрытия и реализации потенциальных возможностей и потребностей каждого. Одним из основных путей достижения этой цели является решение проблемы адаптации студентов-первокурсников к условиям обучения в вузе.

На первом курсе формируются умения и навыки, необходимые для дальнейшего успешного обучения в вузе и для будущей профессиональной деятельности. От того, насколько эффективно пройдёт процесс учебно-профессиональной адаптации на первом курсе, насколько прочно и глубоко усвоят студенты необходимые профессиональные знания, умения и навыки, насколько творчески они научатся их использовать, зависят их дальнейшая учёба в вузе, профессиональная деятельность и личностный рост.

Следовательно, оптимизация процессов адаптации первокурсников к новому для них образу жизни и деятельности, а также выявление психолого-педагогических условий оптимизации данного процесса – чрезвычайно важные задачи. Процесс профессионального становления студентов-первокурсников, успешность их деятельности зависят от того, как долго по времени и по другим затратам происходит процесс адаптации.

Исследование психологических особенностей, психических состояний студентов-первокурсников, возникающих в учебной деятельности на начальном этапе обучения, а также выявление педагогических и психологических условий активизации данного процесса являются чрезвычайно важными задачами. Сведений, касающихся методически разработанного содержания процесса, облегчающего и поддерживающего эффективную адаптацию первокурсников к условиям вуза, недостаточно, несмотря на то что многие исследователи отмечают значительные трудности адаптационного процесса студентов-первокурсников (Л. Д. Демина, В. В. Лагерева, М. С. Яницкий). Недостаточно раскрыты и причины психолого-педагогического характера, вызывающие трудности овладения студентами специфической учебной деятельностью, а также обеспечивающие социально-психологическую адаптацию студентов педагогического вуза к учебной деятельности.

Таким образом, становится очевидной необходимость изучения психолого-педагогических особенностей адаптации студентов первого курса к обучению в вузе и условий, способных обеспечить процесс успешной адаптации. В ходе решения данной задачи нами было проведено комплексное исследование проблемы **адаптированности студентов** первого курса факультета технологии УО МПГУ им. И. П. Шамякина к условиям обучения в вузе, которое охватывало следующие направления:

- исследование особенностей социальной и социально-психологической адаптации студентов-первокурсников (анкета «Социальная адаптация» (по Е.Г. Трошиной); опросник социально-психологической адаптации К. Рожжерса, Р. Даймонда);
- изучение самооценки психического состояния студентов на начальном этапе обучения в вузе (методика «САН»);
- диагностика социальной изолированности личности первокурсников (экспресс-диагностика Д. Рассела и М. Фергюстона).

В исследовании приняло участие 79 первокурсников.

Виды и уровни адаптации были выявлены при помощи анкеты социальной адаптации (по Е.Г. Трошиной) [2, 123]. Анализ полученных результатов показал, что 91% первокурсников имеет средний уровень адаптированности, 9% опрошенных – низкий уровень.

По данным проведенной диагностики можно сделать вывод о том, что самые высокие ранговые места занимают трудности социально-психологической, эмоционально-волевой

и социально-бытовой адаптации, большинство из которых не преодолеваются первокурсниками на протяжении первого года обучения. Далее следуют трудности социальной и дидактической адаптации, на преодоление которых уходит от полугода до года.

С целью оптимизации процесса адаптации к условиям жизнедеятельности в вузе были изучены особенности и трудности студентов-первокурсников на начальном этапе обучения. В качестве причин, затрудняющих обучение, выделены: низкий познавательный интерес – 15%, пробелы в знаниях – 18%, недостаточная сформированность умений общения – 33%, тревожность – 28%, недостаточно развитая рефлексия – 6%.

В процессе беседы с первокурсниками выявлены следующие причины их эмоциональных переживаний в адаптационный период: большая учебная нагрузка – 53%, тоска по дому – 27%, трудность привыкания к коллективу – 20%.

Среди основных причин, затрудняющих процесс адаптации, следует выделить слабую школьную подготовку, отсутствие контроля со стороны родителей и кураторов, бытовые и материальные трудности, некоторые личностные качества, например стеснительность, мнительность.

Анализ проведенных индивидуальных бесед с первокурсниками позволил выявить следующие положительные моменты. Так, в ходе успешного адаптационного периода у студентов наблюдаются:

- осознание важности адаптации и понимание сущности такого качества личности, как адаптированность;
- появление профессионального интереса и положительного отношения к избранной специальности;
- стремление к самостоятельной работе, организованность, активность, контроль процесса собственной учебной деятельности;
- желание заниматься самовоспитанием и самообразованием;
- осознание полезности рациональной организации свободного времени в рамках проживания в студенческом общежитии;
- понимание множественности перспектив использования собственного внутреннего потенциала для дальнейшего профессионального роста.

С помощью методики САН (Самооценка психического состояния: самочувствие, общая активность, настроение) [1, 141–145] была проведена экспресс-оценка самочувствия, активности и настроения студентов-первокурсников. Опросник состоит из 30 пар противоположных характеристик, по которым испытуемых просят оценить свое состояние. Каждая пара представляет собой шкалу, на которой испытуемые отмечают степень выраженности той или иной характеристики своего состояния. Студентам было предложено описать свое состояние в данный момент с помощью таблицы, в которой представлены полярные признаки.

В каждой паре первокурсники выбирали ту характеристику, которая наиболее точно описывает их состояние, и отмечали цифру, которая наиболее точно соответствует степени выраженности данной характеристики. При подсчете крайняя степень выраженности негативного полюса оценивается 1 баллом, а крайняя степень выраженности позитивного полюса пары – 7 баллами. Полученные баллы группируются в соответствии с ключом в три категории, и подсчитывается количество баллов по каждой из них. Результаты по каждой категории делятся на 10. Средний балл шкалы равен 4.

Проанализировав ответы студентов, мы выявили, что 78% студентов-первокурсников считают свое самочувствие хорошим. Они чувствуют себя сильными, работоспособными, полными сил, здоровыми, бодрыми. 22% респондентов оценивают свое самочувствие как плохое. Из них 10% ощущают себя разбитыми, обессиленными, изнуренными.

По категории «активность» в ходе исследования были получены следующие результаты. У 70% студентов оценка состояния находится в диапазоне 50–55 баллов, что соответствует норме (они считают себя активными, подвижными, быстрыми, увлеченными, присутствует желание работать); 30% опрошенных отмечают в период адаптации состояние пассивности, бездеятельности, сонливости, рассеянности, преобладает желание отдохнуть.

Анализ категории «настроение» показал, что 76% респондентов считают себя жизнерадостными, радостными, спокойными, оптимистичными, у 24% опрошенных отмечается пониженное настроение, что проявляется в унылости, озабоченности, пессимистичности.

Для диагностики социально-психологической адаптации первокурсников был использован опросник К. Роджерса и Р. Даймонда [3, 24–25]. Методика позволяет измерить характеристики, соответствующие образу адаптивного человека, определить субъективное состояние благополучия или неблагополучия.

Эмоциональный комфорт, проявляющийся в спокойном, уравновешенном состоянии, когда человек всем доволен, оптимистичен, открыто выражает свои чувства, свободен от страха и тревоги, испытывают 70% испытуемых. Этот показатель подтверждает данные методики САН. По показателю «самопринятие» были получены более низкие результаты. Только 62% опрошенных признались, что понимают и ценят себя, остальные 38% видят в себе больше недостатков, чем достоинств. Достаточно высокие проценты получены по показателю «интернальность». Так, 85% первокурсников считают себя людьми ответственными, способными принимать решения и настойчиво достигать цели. Интересные результаты обнаружены по показателям «доминирование» – «ведомость»: 67% респондентов оценили себя как стремящихся к доминированию, а 33% студентов-первокурсников комфортнее ощущают себя в ситуации ведомости.

Для диагностики уровня социальной изолированности личности была использована экспресс-диагностика Д. Рассела и М. Фергюссона [3, 193–197]. В ходе ее проведения были получены результаты, которые позволяют сделать вывод о том, что у 69,3% респондентов присутствует низкая степень социальной изолированности личности (норма); у 21,8% – средняя степень; у 8,9% – высокая степень социальной изолированности личности.

Выводы

Таким образом, теоретический анализ проблемы адаптации студентов-первокурсников к условиям обучения в вузе даёт основание утверждать, что в социальном понимании адаптация есть приобщение личности к определенным видам деятельности, которое происходит в данной социальной среде.

Исследование психолого-педагогических аспектов адаптации студентов-первокурсников к условиям обучения в вузе позволило выявить несколько уровней адаптации:

– уровень академической адаптации, характеризующийся степенью соответствия поведения студента нормам жизни в учебном учреждении. Критерием устойчивой адаптации данного уровня является принятие требований педагогов, ритма и содержания учебной деятельности, позитивное отношение к учебному заведению, достаточный уровень познавательной активности;

– уровень личностной адаптации, определяющийся степенью принятия человеком самого себя как представителя социальной общности, выражающийся адекватной самооценкой, уровнем притязаний в микросреде, стремлением к самореализации в учебно-профессиональной деятельности;

– уровень социальной адаптации, отражающий успешность интеграции личности в социальную группу в виде принятия её сокурсниками, характеризующийся количеством коммуникативных связей, умением решать межличностные проблемы.

Литература

1. Тест дифференцированной самооценки функционального состояния / В. А. Доскин [и др.] // Вопросы психологии. – 1973. – № 6. – С. 141–145.
2. Психологические тесты : в 2 т. / под ред. А. А. Карелина. – М. : ВЛАДОС, 2000 – Т. 1. – 312 с.
3. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М. : Ин-та психотерапии, 2002. – 490 с.

Summary

Adaptation of first-year students to training conditions in a University – one of the major problems of the higher educational establishments. The further study in a University, professional work and personal growth of the student depends on efficiency of the given process at the first year, from mastering of necessary professional knowledge, skills, and also their creative use. Therefore optimisation of processes of adaptation of first-year students to a way of life new to them and activity, and also revealing of psychological and pedagogical conditions of optimisation of the given process are extremely important problems.

Поступила в редакцию 28.04.11.

УДК 37.015.31:159.923

*Л. И. Селиванова***САМОРАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ:
СУЩНОСТЬ И ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ**

В настоящее время идея саморазвития личности является чрезвычайно значимой для многих концепций о человеке, востребована как предмет научной дискуссии и основа педагогических инноваций. В статье изложены результаты теоретического исследования саморазвития личности, определены подходы к сущности данного явления и пути его реализации в образовательной практике.

Введение

Долгое время процессы саморазвития, самосовершенствования, самопознания в становлении личности считались областью исследования философии и психологии. Так, родоначальник классической философии И. Кант утверждал, что человек может быть охарактеризован как субъект автономного поведения и самосовершенствования. В отечественной науке И. П. Павловым была сформулирована закономерность о человеке как саморегулирующейся системе. В современных научных изданиях представлено различное толкование понятия «саморазвитие»: спонтанный процесс самореализации индивида, социокультурный процесс сознательного самообразования личности, активность субъекта по изменению способностей, восхождение к индивидуальности, поиск своего места в обществе, развитие общечеловеческого в каждом, условие и результат самообразования, процесс приобщения к культуре, активной самореализации в творчестве. *Варианты понимания сущности саморазвития личности можно условно объединить в группы, определяющиеся в зависимости от подхода к рассматриваемому понятию.*

Результаты исследования и их обсуждение

Первый подход отождествляет категорию «саморазвитие» с *самодвижением и развитием*. Выдающийся педагог второй половины XIX – начала XX в. П. Ф. Каптерев предвосхитил такое понимание сущности саморазвития. Он доказывал имманентность и универсальность идеи саморазвития в отношении природных и общественных явлений. В современных энциклопедиях самодвижение характеризуется как внутренне необходимое самопроизвольное изменение системы, которое определяется ее противоречиями, опосредующими воздействие внешних факторов и условий. Диалектико-материалистическая концепция развития исходит из того, что поскольку источником развития являются *внутренние противоречия*, свойственные объектам с системным строением, то данный процесс по существу является саморазвитием (самодвижением).

С этой точки зрения психологи в своей области исследования указывали на существование *простейших психических явлений*, регулирующих деятельность. В материалах круглого стола журнала «Вопросы психологии» (1993, № 5) А. В. Брушлинский говорил о формировании психики на основе саморазвития ребенка, взаимодействующего с окружающим миром. Учёный опирался на утверждение С. Л. Рубинштейна о том, что психические процессы «превращаются в сознательно регулируемые действия или операции», которыми личность овладевает и направляет их на решение жизненных задач [1, 512]. То есть признание спонтанного (обусловленного внутренними причинами) характера развития ребенка не снимает *задач педагогического руководства* этим процессом.

На возможности педагогики в развитии личности *при направлении его деятельности* указывал С.Л. Рубинштейн. Он определял значение *творческой самодеятельности* в обнаружении, проявлении и созидании субъекта. Искусство руководства развитием личности, по мнению Г. С. Костюка, заключается в том, чтобы направлять «самодвижение» ребёнка, содействовать его творческой активности. А. Н. Леонтьев добавлял, что педагогически управлять мы можем только деятельностью ребенка при условии опоры на законы развития. В своих трудах психологи разрабатывали *принцип детерминизма* (внешние причины действуют на внутренние условия) и *принцип деятельности* (единства сознания и деятельности), что имело большое значение для исследования в педагогической науке влияния на саморазвитие личности внешних условий – среды и обучения.

В педагогике второй половины XX в. отмечалось стремление опереться на *активность* как деятельностное состояние субъекта (Л. П. Аристова, И. Ф. Харламов, Т. И. Шамова, Г. И. Щукина). А. И. Кочетов писал о том, что человеку изначально присуща система активности отражения явлений, что делает его совершенной самообучающейся системой. И сегодня при характеристике новой парадигмы образования В. С. Кукушин определяет развитие как переход учащихся на более высокую ступень активности и самостоятельности в решении поставленных задач, а саморазвитие называет высшим уровнем развития. Н. В. Бордовская считает саморазвитие показателем личностной зрелости и одновременно источником активного физического и социального долголетия человека.

Представление саморазвития в форме самодвижения определяет его позицию как *внутреннего фактора развития личности*. Так, один из ведущих педагогов Беларуси Н. К. Степаненков считает, что «развитие, наряду с целенаправленным процессом формирования личности, включает саморазвитие» [2, 59]. Т. А. Стефановская делает акцент на саморазвитии личности, а наследственность, среду, воспитание считает внешними факторами в отношении к личности. Социальная педагогика характеризует факторы, влияющие на личность, подчёркивая зависимость успеха обучения и воспитания от умения педагога пользоваться всеми окружающими ребёнком условиями.

Рассматривая воспитание как определяющий фактор становления личности, И. Ф. Харламов все же подчёркивал, что именно в саморазвитии оно получает «подлинную реализацию и эффективность» [3, 29]. Сущность «спонтанности», «самодвижения» заключается в том, что внешние педагогические воздействия, преломляясь через внутреннее восприятие развивающейся личности, возбуждают у последней осознание и переживание разрыва между достигнутым и необходимым уровнем в работе над собой. В настоящее время общепринята педагогическая позиция, призывающая опираться в обучении и воспитании именно на внутренние факторы, побуждающие учащихся к саморазвитию: познавательные интересы, индивидуальные мотивы, разнообразные чувства, потребности в профессиональном и личностном самоопределении [4, 86–87]. Белорусские учёные А. И. Жук, О. Л. Жук, И. И. Казимирская, Е. А. Коновальчик подчёркивают, что «именно активность и собственное стремление к своему личному совершенствованию в конечном итоге и определяет развитие» [5, 124]. Б. Т. Лихачёв рассматривает саморазвитие как объективную «волю к жизни», предопределённую «инстинктами самосохранения и продолжения рода, собственности, свободы, власти, славы, импульсами нервной, мышечной, сексуальной, творческой потенции» [6, 44]. Для укрепления воли к жизни значимо взаимодействие с высоко нравственными явлениями культуры, целеустремлённо организуемое в образовательном процессе.

Как видим, с точки зрения самодвижения и развития, саморазвитие личности в современной педагогике понимается как широкая категория, включающая в себя любую активность человека, осуществляемую спонтанно или под направленным влиянием. Данный подход формирует взгляд на ребёнка как на социально и биологически сложное явление, обладающее собственной логикой развития (саморазвития), которую нельзя игнорировать. Задачей образования объявляется обеспечение условий, оптимальных для саморазвития личности. Среди таких условий саморазвития можно выделить следующие: квалифицированное определение склонностей учащихся, выбор индивидуального образовательного маршрута (целей, задач, объёма, форм, темпа деятельности), создание поля реального применения способностей.

Значимым в педагогике является *подход к саморазвитию личности как к «самообразованию»*, когда подчёркивается, что человек образует себя сам. Создание своего «я», личности переносится на почву *сознательной самодетельности*. При этом в понятие «самообразование» вкладывается широкий смысл: *самостроительство*, самосозидание и *самообучение*, самовоспитание. В первом случае внимание заостряется на индивидуальном, «самости». Так, В. И. Слободчиков пишет о «самодостраивании» человека и роли в этом процессе саморазвития, «фундаментальной способности человека становиться и быть подлинным субъектом своей жизни» [7, 147].

Во втором случае акцент ставится на социально-гуманитарном саморазвитии. Согласно мнению К. А. Абульхановой-Славской, саморазвитие включает в себя «процесс приобщения к культуре (своего общества, своей эпохи), постоянное повышение уровня своих знаний (в процессе непрерывного образования, пополнения имеющихся знаний новыми) и, наконец, процесс активной реализации себя в жизни (в труде, творчестве) [8, 261–262].

Личность путем сознательной деятельности стремится достроить себя до общего, осуществляет самостоятельное познание, повышение своего образования и личное совершенствование.

В связи с названными примерами понимания рассматриваемого феномена обобщающим является приведённое в «Концепции воспитания детей и учащейся молодёжи Республики Беларусь» (1999) определение саморазвития личности как слияния и сопряжения личностных и общественных целей, интересов, мотивов, действий, отношений, реализующихся в конкретных видах деятельности. Здесь подчеркивается роль самодетельности индивида, ориентир на культуру человечества при обогащении способностей, реализации потребностей, выработке личностных качеств.

Как видим, применительно к самообразованию, саморазвитие личности выступает как способ сознательного встраивания в социокультурный процесс и в то же время как средство сохранения самобытности, индивидуальной свободы, человеческого достоинства, развития творческой индивидуальности. Чтобы нивелировать причины отстранения «самодетельного организма» от образования, ещё столетие назад П. Ф. Каптерев призывал перестать искать его основы вне воспитываемой личности, вне самостоятельной и творческой работы её сознания. Педагог выстраивал следующее соотношение между образованием и самообразованием: «главенствующим и господствующим явлением должно быть самообразование, а вспомогательным – образование» [9, 76]. И в современных условиях при постановке в один ряд саморазвития, самообразования и самовоспитания важно взять их за основу при организации учебно-воспитательных заведений.

В настоящее время идея саморазвития личности получает оригинальное воплощение с точки зрения **дискретного подхода**, который использует **отдельные «само-» умения и способности личности как движущие силы или структурные элементы саморазвития**. В психолого-педагогической литературе появилось немало терминов (самореализация, самоактуализация, самодетерминация, самоутверждение, самовыражение, самораскрытие и др.), отражающих отдельные аспекты личностного потенциала, реализуемого в деятельности.

Педагогические и психологические концепции акцентируют внимание на различных **движущих силах саморазвития личности**. Так, посредством **самоосознания**, по мнению представителей гуманистической психологии (А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс), самость изменяется и обеспечивает бесконечное саморазвитие личности. А. Маслоу выделял потребность в самосовершенствовании, **самоактуализацию**, когда «Я» «прислушивается к голосу импульса», осуществляет выбор (продвижение или отступление) из имеющихся возможностей и реализует потенции внутреннего роста. На потребность личности в самосовершенствовании опирается В. А. Ситаров при понимании саморазвития как «прогрессивного и необратимого изменения психологического статуса личности» [10, 8]. Система саморазвивающего обучения, разработанная руководителем «Школы доминанты самосовершенствования личности» Г. К. Селевко, ориентируется на удовлетворение не только познавательной потребности, востребованной в технологиях развивающего обучения, но и ряда других потребностей в «самоутверждении, самовыражении, защищенности, самоактуализации» [11, 212]. Современный ученый утверждает, что на внутренние механизмы саморазвития можно влиять путем организации внешней части педагогического процесса, включая в него специальные цели, содержание, методы, средства.

На **самотворчестве** личности делали акцент экзистенциалисты (М. Бубер, М. М. Бахтин, В. Франкл и др.). Австрийский психолог В. Франкл движущей силой жизни человека считал **борьбу за её смысл** посредством страдания, переживания ценности и совершения дела. Рассуждения В. Франкла о страдании как средстве нравственного совершенствования, о борьбе за достойную человека цель, о любви как способе понять суть и увидеть потенциальное в личности приводили к выводу – человек самодетерминирован. Педагогика экзистенциализма ставит цель – научить человека **творить себя как личность**, вооружив опытом существования.

Саморазвитие как «самотворчество», способность человека «к постановке целей самоизменения» и «к поиску средств для достижения этих целей» рассматривают Г. А. Цукерман и Б. М. Мастеров [12, 62]. Современные исследователи сделали вывод, что истинным субъектом саморазвития ребёнок становится в начале подросткового возраста. В задачи педагогики саморазвития, по их мнению, должна быть включена **фасилитация процессов постановки целей самоизменения**, т. е. помощь подростку в их постановке, поиске информации, новых средств для её решения.

Один из авторов образовательной системы «Школа 2100» А. А. Леонтьев отмечает необходимость понимания воспитания как выращивания у учащегося *способности и потребности к творчеству*, в первую очередь, к социальному и личностному творчеству – творчеству самого себя. Исследователь отмечает необходимость осознания ребёнком себя как преобразующего предметную и социальную действительность, ответственного начала, формирования смысловой установки на творчество и одновременно выращивания потребности риска, психологической установки на надситуативную активность, способности занять собственную позицию и принять решение.

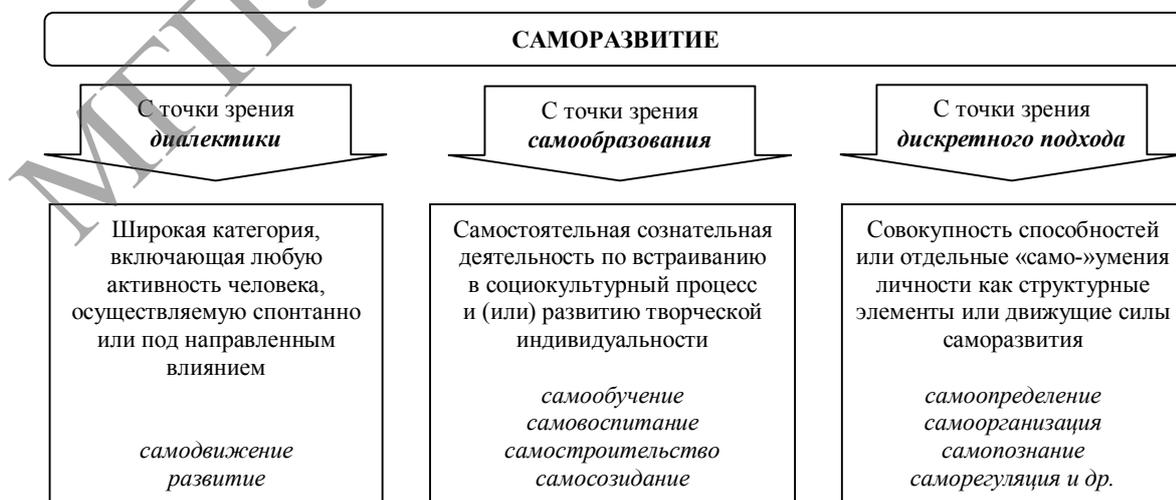
Исследования надситуативной активности человека, «самодетерминации его бытия в мире» обосновывали позицию учащегося как субъекта педагогического процесса, в котором саморазвитие личности обеспечивается предоставлением возможностей для *самореализации* на основе выявления индивидуальности. И. С. Якиманская доказывает, что активность тогда является источником развития, когда становится *самоактивностью* и выступает «в виде самоконтроля, самооценки, саморегуляции». Переход к самоактивности учащихся обеспечивается овладением рациональными приёмами учебной работы, созданием опять же оптимальных условий для саморазвития личности. Запускающим механизм саморазвития фактором Н. Н. Подьяков считает «циклическую самостимуляцию», когда *«потребность в самообновлении»* ведёт к усилению поисковой активности, разрушению прежних представлений, к возрастанию упорядоченности и устойчивости психических образований на новом уровне» [13, 13]. Анализ, синтез, дифференциацию, интеграцию автор называет фундаментальными единицами, аккумулирующими потенциал развития.

Как дискретный подход к саморазвитию личности можно рассматривать разделение этого процесса на *структурные компоненты*, например, самопознание, волевая саморегуляция, самовоспитание, духовно-нравственное самоукрепление, самоопределение, самоактуализация, самореализация. Достижению высот творческого саморазвития, по мнению белорусского исследователя А. С. Зубра, способствует самосовершенствование личности, «творение себя» [14, 24]. В этот процесс автор включает такие структурные элементы, как самопознание, самонаблюдение, самоконтроль, самооценка, самообладание, самообновление. По его мнению, необходимо привести личность к самосовершенствованию, чтобы жизнь ее стала процессом саморазвития.

С точки зрения дискретного подхода, *процесс саморазвития личности представляет собой совокупность взаимосвязанных процессов, в состоянии которых пребывает личность*. При этом овладение отдельными «само-»умениями может выступать движущей силой личностного саморазвития.

Выводы

В идее саморазвития актуализируются многие из имеющихся на данный момент педагогических альтернатив (рисунок 1).

Первый подход – отождествление саморазвития личности с *самодвижением и развитием*. При опоре на диалектику, на разработки в психологической науке психических процессов и сознательно регулируемых операций, на явления детерминизма, принцип деятельности педагогические исследования включают в саморазвитие личности любую активность человека, осуществляемую спонтанно или под направленным влиянием.

При подходе к саморазвитию личности как *самообразованию* оно интерпретируется и как самостроительство, самосозидание, и как самообучение, самовоспитание. При этом внимание заостряется на индивидуальном и делается акцент на социально-гуманитарном изменении. Постановка саморазвития и самообразования в один ряд объединяет социокультурный процесс рационального самообразования и природообусловленный процесс разносторонней самореализации индивида. Здесь саморазвитие выступает как способ сознательного встраивания в социокультурный процесс и как средство сохранения самобытности, индивидуальной свободы, человеческого достоинства, развития творческой индивидуальности.

С точки зрения *дискретного подхода*, используются отдельные умения и способности личности как движущие силы или структурные элементы саморазвития. Опираясь на психологические концепции, педагогические исследования саморазвития ориентируются на потребности личности в позитивном самовосприятии, самоутверждении, самовыражении, самоактуализации, самообновлении, на предоставление возможностей самореализации, на обучение целеполаганию, поиску смысла и способов деятельности, на формирование способности к творчеству, на структурирование процесса саморазвития. На механизмы саморазвития можно влиять путем организации педагогического процесса, а также повышения роли «само-» процессов в становлении личности.

Осуществлённая классификация научных позиций способствует разрешению противоречия между акцентированием задачи саморазвития личности в современном образовании и теоретическим разнообразием в понимании сущности саморазвития, определяет механизмы его осуществления в практике обучения и воспитания учащейся и студенческой молодежи.

Література

1. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2003. – 720 с.
2. Степаненков, Н. К. Педагогика школы : учеб. пособие / Н. К. Степаненков. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2007. – 496 с.
3. Харламов, И. Ф. Саморазвитие личности и воспитание / И. Ф. Харламов // Сов. педагогика. – 1990. – № 12. – С. 28–35, 134.
4. Кадол, Ф. В. Воспитание чести и достоинства старшеклассников : пособие для педагогов / Ф. В. Кадол. – Минск : Універсітэцкае, 1998. – 208 с.
5. Основы педагогики : учеб. пособие / А. И. Жук [и др.] ; под общ. ред. А. И. Жука. – Минск : Аверсэв, 2003. – 349 с.
6. Лихачев, Б. Т. Воля к жизни в становлении личности / Б. Т. Лихачев // Педагогика. – 1996. – № 4. – С. 44–49.
7. Слободчиков, В. И. Психология развития человека : Развитие субъективной реальности в онтогенезе / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев ; под общ. ред. В. Г. Щур. – М. : Школьная пресса, 2000. – 416 с.
8. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.
9. Каптерев, П. Ф. О саморазвитии и самовоспитании / П. Ф. Каптерев // Педагогика. – 1999. – № 7. – С. 73–84.
10. Ситаров, В. А. Дидактика : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Ситаров ; под ред. В. А. Сластенина. – М. : изд. центр «Академия», 2002. – 368 с.
11. Селевко, Г. К. Современные образовательные технологии : учеб. пособие / Г. К. Селевко. – М. : Народное образование, 1998. – 256 с.
12. Цукерман, Г. А. Психология саморазвития / Г. А. Цукерман, Б. М. Мастеров. – М. : Интерпракс, 1995. – 288 с.
13. Подьяков, Н. Н. Основное противоречие развивающейся психики ребенка / Н. Н. Подьяков // Педагогика. – 2000. – № 1. – С. 12–20.
14. Зубра, А. С. Формирование культуры личности : пособие / А. С. Зубра. – Минск : Выш. шк., 2004. – 206 с.

Summary

At present the idea of personality self-development is utterly important for many concepts concerning man and it is in great demand as a subject and basis for scientific discussions and the basis of pedagogical innovations. The article deals with the results of theoretical research dealt with personality self-development. The approaches to the essence of this phenomenon and the ways of its realization in the educational practice are given.

Поступила в редакцию 01.04.11.

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 821.161.3.0

В. М. Губская**ТРАКТОЎКІ РАМАНА М. ГАРЭЦКАГА «ВІЛЕНСКІЯ КАМУНАРЫ» (1931–1932)
У БЕЛАРУСКІМ ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВЕ**

Гэты артыкул у сістэматызаваным выглядзе адлюстроўвае намаганні даследчыкаў-літаратуразнаўцаў аднавіць імя М. Гарэцкага для беларускай літаратуры пасля афіцыйнай рэабілітацыі пісьменніка. Для прыкладу разглядаюцца розныя трактоўкі рамана М. Гарэцкага «Віленскія камунары» ў беларускім літаратуразнаўстве. У артыкуле ў храналагічнай паслядоўнасці выкладзены пазіцыі даследчыкаў у дачыненні да жанравай структуры і вобразаў вышэй названага твора. Акцэнтуюцца ўвага на шырыні дыяпазону поглядаў на рамана: ад рамана-хронікі, гістарычнага рамана пра рэвалюцыю да першага ў беларускай літаратуры поліфанічнага рамана з элементамі хранікальнага, апісальнага, плутаўскога, авантурна-прыгодніцкага і разам з тым рэалістычнага пісьма.

Уводзіны

«Не шкадуючы сіл рабіць усё магчымае і нават немагчымае ў высакароднай справе адраджэння нацыянальнай культуры, у распаўсюджванні ведаў пра беларускі край, пра яго выдатных сыноў, што прысвяцілі сваё жыццё слугаванню Бацькаўшчыне. Рабіць шчыра, сумленна, з поўнай душэўнай аддачай, не наракаючы на цяжкасці і не чакаючы ўзнагарод» [1, 3], – такімі былі словы завету М. Гарэцкага, чалавека, што з прычыны палітычнай сітуацыі, якая ўзнікла ў 30-я гады, пражыў у больш-менш нармальных умовах са сваіх амаль 45 гадоў толькі 13 год.

Агульнавядома, што арышт пісьменніка ў 1930 годзе стаў сур'ёзнай перашкодай для яго літаратурнай дзейнасці: імя М. Гарэцкага было выкраслена з літаратуры, творы забаронены, а вывучэнне спадчыны на пэўны час было спынена.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Неабходнасць нанава перачытаць творчую спадчыну М. Гарэцкага адзначаў Д. Бугаёў у артыкуле «Аплачана жыццём» (2003). «Цяпер гэта становіцца і пільна неабходным, і, што не менш важна, магчымым, бо сам час не толькі па-новаму высвечвае вялікасную ў ягоным падзвіжніцтве, трагедыйна-пакутніцкую ў самаадданым служэнні Бацькаўшчыне постаць пісьменніка, але і дазваляе гаварыць пра ўсё зробленае ім, без аглядак на яшчэ нядаўна непарушныя ідэалагічныя догмы і тыя жорсткія цэнзурныя забароны, якія раней вельмі моцна абмяжоўвалі даследчыкаў, а ў нечым і проста скоўвалі іх, вымушаючы на яўныя недагаворкі, свядомыя ўмаўчання і іншую эквілібрыстыку, ад якой напакутаваліся ўсе, хто хоць трохі думаў пра сваю адказнасць перад чытачом і яе вялікасцю Праўдай» [2, 176–177].

Трэба выказаць словы павагі тым даследчыкам, якія першымі ўзяліся за аднаўленне, а у нейкай ступені і новае адкрыццё гэтага імя беларускім чытачам, што было не толькі нялёгка, але і рызыкаўна.

Звернемся да кнігі М. Мушынскага «Падзвіжнік з Малой Багацькаўкі», у якой ён апавядае пра спробу літаратуразнаўцаў яшчэ ў гады Вялікай Айчыннай вайны выкарыстаць прадуктыўныя ідэі Гарэцкага-даследчыка без спасылак на яго імя. «Напрыклад, – узгадвае М. Мушынскі, – М. Ларчанка ў артыкулах і ў праграме курса па гісторыі беларускай літаратуры ўслед за М. Гарэцкім высока ацэньвае творчасць Ф. Багушэвіча. Аднак смелыя спробы «вяртання» ў беларускае літаратуразнаўства аб'ектыўных ацэнак Гарэцкага-даследчыка былі адразу перапынены вульгарызатарскай крытыкай» [3, 7]. Даследчыкам 1960-х гадоў трэба было пераадолець немалыя перашкоды, каб не толькі вярнуць імя вялікага беларускага пісьменніка ў літаратуру, але і надаць новае жыццё яго творам. (Першым творам, надрукаваным пасля рэабілітацыі пісьменніка (19 снежня 1959 года, газета «Літаратура і мастацтва»), было апавяданне «Стары прафесар» з кнігі «Досвіткі» (1926)).

Задача артыкула – у сістэматызаваным выглядзе (згодна з храналагічнай паслядоўнасцю) паказаць варыянты трактовак жанравай структуры і сістэмы вобразаў герояў у рамане М. Гарэцкага «Віленскія камунары». Агляд пазіцый літаратуразнаўцаў па дадзеным пытанні пачынаецца з аналізу прац 1959 года – часу рэабілітацыі М. Гарэцкага. Падкрэсліваецца, што галоўнай задачай даследчыкаў той пары была спроба аднавіць імя беларускага пісьменніка М. Гарэцкага, які з прычыны палітычных абставін 1930-х гадоў быў выкраслены з літаратуры.

Гісторыю выхаду ў свет рамана «Віленскія камунары» можна пачаць з ліста Гаўрылы Іванавіча, брата пісьменніка, да Леанілы Усцінаўны і Галіны Максімаўны, жонкі і дачкі М. Гарэцкага, які быў напісаны ў студзені 1958 года. Згядкі пра гэты ліст можна зноў жа знайсці ў вышэйназванай кнізе М. Мушынскага. Як сведчыць даследчык, у гэтым лісце Г. Гарэцкі прапануе Леаніле Усцінаўне і Галіне Максімаўне «звязацца з П. Глебкам, каб пагаварыць з ім наконт магчымай публікацыі рамана «Віленскія камунары» і іншых твораў М. Гарэцкага» [3, 9].

Аднак, як вядома, у першы збор твораў М. Гарэцкага, якім было «Выбранае» (1960), раман «Віленскія камунары» не быў уключаны, і гэта не выпадкова, бо «табу» на імя пісьменніка, якое дзейнічала амаль чвэрць стагоддзя, не магло не адбіцца на поглядах рэдактараў і даследчыкаў. Першы збор твораў «Выбранае» суправаджала асцярожная прадмова даследчыка А. Семяновіча, у якой мы чытаем: «Літаратурная спадчына Максіма Гарэцкага невялікая. Яна складаецца з якіх двух дзесяткаў апавяданняў, некалькіх аповесцей, запісак і шэрагу невялікіх сцэнічных твораў. Яго пяру належыць таксама літаратуразнаўчая праца «Гісторыя беларускае літаратуры» (Вільня, 1920; Мінск, 1924, 1926 г.)... Шмат якія творы М. Гарэцкага для нашага часу гучаць ужо архаічна, яны не могуць задаволіць сучаснага чытача ні сваім зместам, ні эстэтычнымі якасцямі» [4, 3]. Як бачым, даследчыкам істотна заніжаны вартасці твораў М. Гарэцкага; зусім не згадваюцца раманы «Віленскія камунары», «Камароўская хроніка», драматызаваная аповесць «Антон», публіцыстычныя творы, перакладчыцкая, педагагічная дзейнасць пісьменніка.

Даследчыкі разумелі сапраўдную каштоўнасць творчасці М. Гарэцкага, працавалі настойліва і русліва, і насуперак усім перашкодам у 1963 годзе ў часопісе «Польмя» ўбачыў свет раман М. Гарэцкага «Віленскія камунары» (1931–1932). Аўтарам прадмовы быў М. Лужанін, які прысвяціў М. Гарэцкаму наступныя словы: «Мы, у першую чаргу літаратары, літаратуразнаўцы і мовазнаўцы, як след яшчэ не прачыталі Гарэцкага. А пара б перадаць яго творы чытачу са справядлівай ацэнкай іх, фактаў літаратуры, цвяроза суаднесены да часу стварэння і часу новага прачытання. Пара, каб гэты мастак буйнога, сапраўды-такі «самароднага», не падобнага на нічый іншы, таленту стаў на сваё заслужанае, але так і не здабытае пры жыцці месца» [5, 15], – такія словы суправаджалі першы выхад у свет рамана «Віленскія камунары». 6 траўня 1964 года секцыя перакладчыкаў ССП праводзіла пасяджэнне, прысвечанае чытанню перакладу «Віленскіх камунараў». На гэта мерапрыемства быў запрошаны брат М. Гарэцкага – Г. Гарэцкі. У яго лісце да Леанілы Чарняўскай-Гарэцкай і Галіны Гарэцкай чытаем: «А. Р. Гатаў [А. Р. Гатаў – рускі пісьменнік, перакладчык “Віленскіх камунараў” на рускую мову. – Камент. В. Г.] сказаў караценькую ўступную прамову і прачытаў 6–7 кавалкаў, пераважна з першае часткі... Потым папрасілі мяне сказаць пра брата. Гаварыў я караценька аб месцы “Віленскіх камунараў” у літаратурнай творчасці Максіма. Адзначыў, што гэты раман як бы мадэль вялікай эпопеі “Камароўскай хронікі”.

Потым гаварыў перакладчык Дораў [Дораў–рускі перакладчык. – Камент. В. Г.]. Ён адзначыў станоўчыя бакі рамана, але выказаў думку аб невыразнасці далейшага лёсу Мацея Мышкі. Ён застаўся ў Вільні як абываталь, без азначанай палітычнай мэты. Дораў раіў нават перарабіць канец... (!?)

Затым цёплую прамову сказаў Гарбачоў [Гарбачоў М. В. – рускі пісьменнік, перакладчык. – Камент. В. Г.], беларускі пісьменнік і перакладчык з Віцебшчыны, неафіцыйны прадстаўнік беларускай літаратуры ў Маскве...

Гарбачоў адзначыў, што “Віленскія камунары” належаць да рэдкіх твораў пра рэвалюцыю, яе першыя крокі на ўсходзе Расійскай імперыі, мастацкую праўдзівасць твора, амаль дакументальнасць, лёс чатырох пакаленняў і прыход апошняга пакалення да Кастрычніка; неабходнасць пазнаёміць рускага чытача з творчасцю аднаго з пачынальнікаў беларускай прозы...

Апошнім выступаў Аўг. Сям. Мазалькоў. Ён казаў, што Максім – яго настаўнік, па “Гісторыі беларускае літаратуры” яго ён вучыўся... Мазалькоў станоўча ацаніў “Віленскіх камунараў”. Ён адзначыў, што Максім першы напісаў беларускі раман “Дзве душы”, раней Якуба Коласа; што Максім – арыгінальны пісьменнік, імя якога ў часе культу было пад забаронай; выданне “Віленскіх камунараў” на рускай мове – як бы новае нараджэнне пісьменніка, зварот яго савецкай грамадскасці, і што гэта – самае важнае.

Ну, вось і ўся мая кароценькая справаздача. Мы з Лараю былі рады, што імя Максіма не баяцца гаварыць уголас, з пашанаю, без зняважлівых ляянак і заўваг. Але прапанова Доравы здалася нам недарэчным напамінкам, што крытыку тыпу вось такіх шуканняў заганы яшчэ трэба чакаць» [6, 419–421].

Гэты ліст не толькі паказвае нам, як савецкая крытыка ўспрыняла рамана адразу пасля выхаду ў свет, але і ілюструе логіку фарміравання адносін да твора. Твор савецкай літаратуры абавязкова павінен быў прапламаваць дзяржаўныя ідэі, пазіцыя героя мусліла быць дакладна акрэсленай і прадвызначанай. Гэтай пазіцыі дзеля вяртання імя вялікага пісьменніка на літаратурную ніву і прытрымліваліся даследчыкі творчасці М. Гарэцкага.

Так, Ю. Пшыркоў у артыкуле «Максім Гарэцкі і яго рамана «Віленскія камунары», матэрыял для якога быў напісаны ў 1965 годзе, выказваў наступную думку: «Адной з важнейшых эстэтычных праблем літаратуры сацыялістычнага рэалізму з’яўляецца **стварэнне вобраза камуніста, чалавека-змагара і пераўтваральніка жыцця на новых сацыяльных і палітычных асновах...** [вылучана мною. – В. Г.]. Свой плённы ўклад у распрацоўку названай праблемы зрабіў і Максім Гарэцкі. Вобразы камуністаў у яго раманах не схема, а жывыя людзі, і ў гэтым вялікая паэтычная прыгажосць і сацыяльная значымасць «Віленскіх камунараў». «Віленскія камунары» – рамана гістарычны. Аўтар адлюстравваў адзін з найбольш важных і рашаючых этапаў у барацьбе беларускага і літоўскага народаў за перамогу сацыялістычнай рэвалюцыі. Ён апісаў рэальныя гістарычныя падзеі, паказаў сапраўдных удзельнікаў» [7, 111–112].

Суровай летапіснай праўдай пра тое, як беларускі і літоўскі народы змагаліся за Кастрычнік, называў рамана «Віленскія камунары» і Б. Сачанка [8, 111–112].

У 1968 годзе высока ацаніў рамана «Віленскія камунары» Д. Бугаёў (у першай пасля рэабілітацыі пісьменніка манаграфічнай працы, якая так і называлася – «Максім Гарэцкі»).

У 1971 годзе М. Мушыньскі, працуючы над калектыўным выданнем «Беларуская савецкая проза: рамана і апавесць», у дачыненні да творчасці М. Гарэцкага адзначаў наступнае: «У першай палове 30-х гг. выяўляюцца адчувальныя сімптомы ўтварэння яшчэ адной жанравай формы, іншай тыпалагічнай разнавіднасці, шмат у чым адрознай, непадобнай на дынамічны, вострасюжэтны рамана [«Вязьмо» М. Зарэцкага, «Дужасць» Б. Мікуліча. – М. М.]. Мы маем на ўвазе творы, у якіх назіраецца ўзмацненне эпічных тэндэнцый, адбываецца эпізацыя жанру рамана. Гэты працэс можна прасачыць на прыкладзе раманаў «Праз гады» П. Галавача, «Бацькаўшчына» К. Чорнага, «Віленскія камунары» і «Камароўская хроніка» М. Гарэцкага» [9, 131].

Такім чынам становіцца зразумелым, што імкненне разгледзець ідэю твора «Віленскія камунары» праз непарыўную сувязь з рэвалюцыяй, акцэнт на дакументальнасць і дакладнасць адлюстравання падзей – гэта імператывы часу. Відавочна, што ў 1970-я гады больш пэўнымі зрабіліся ацэнкі рамана з увагай да яго жанравай структуры, паслядоўныя спробы ўвесці яго ў агульналітаратурны кантэкст, супаставіць з творамі іншых раманаістаў, падкрэсліць жанравае наватарства М. Гарэцкага.

Безумоўна, нельга абмяжоўваць ролю рамана толькі тым, што аўтар паказаў станаўленне працоўнага чалавека суб’ектам гісторыі, адлюстравваў набыццё ім сацыяльнай і палітычнай значымасці.

М. Мушыньскі адзначаў: «Сённяшнія ацэнкі рамана павінны вынікаць не з меркаванняў палітычнага характару, а з аб’ектыўнага вывучэння вобразнай сістэмы твора» [3, 418]. Гэта выказванне трэба разглядаць не як прапанову, а як канцэпцыю пры доследзе і вывучэнні рамана «Віленскія камунары», чым, па сутнасці, і пачалі займацца даследчыкі ў работах новага тысячагоддзя.

Новы акцэнт пры аналізе рамана «Віленскія камунары» зрабіў І. Чыгрын. У сваёй кнізе «Паміж былым і будучым», выдадзенай у 2003 годзе, ён разглядае рамана М. Гарэцкага «Віленскія камунары» па-новаму, па-за старой ідэалогіяй. Так, абсалютна прымаючы думку аб тым, што мэтай твора было адлюстраванне максімальна аб’ектыўнай карціны рэчаіснасці, даследчык звяртае пільную ўвагу на звычайны статыстычны факт – урывак з рамана, які дае нам звесткі пра колькасць фабрычна-заводскіх рабочых у Вільні з падрабязным пералікам тых спецыяльнасцей, па якіх яны працавалі, і, безумоўна, пра тое, што паўсюль сталі з’яўляцца рэвалюцыйныя гурткі. Адсюль даследчык робіць вывад: не было ў Вільні грунтоўнай глебы для зараджэння падобнага руху, аргументуючы сваю думку тым, што «большасць у Вільні (а па Беларусі ў цэлым, трэба думаць, і большы працэнт набіраўся) сярод рабочых былі рамеснікі. А гэта нават паводле ленинскай тэорыі рэвалюцыі (маўляў, асноўнай рухаючай сілай з’яўляецца прамысловы пралетарыят) азначае ў сваю чаргу не што іншае, як тое, што ў нашым краі належнай глебы да ажыццяўлення рэвалюцыі не мелася. Ва ўсякім разе сацыялістычная рэвалюцыя была тут справай дачаснай» [10, 131].

Далей І. Чыгрын разважае пра вобразы камунараў – хто яны, якія патрабаванні да жыцця выстаўлялі, чаго дабіваліся? Даследчык закранае праблему «прысланых людзей», «людзей-схем» (у чым, дарэчы, можна бачыць супярэчанне Пшыркову), адзначае адзяленне герояў твора на дзве групы – людзей-манекенаў ці, як піша І. Чыгрын, ахвяр тэорыі, і звычайных жывых людзей. Менавіта ў гэтым, на думку даследчыка, і заключана асноўная праўда гістарычнага моманту: паводле чалавечай сутнасці адны героі не столькі блізкія са сваімі супольнікамі, колькі супрацьстаяць ім, хоць па вялікім рахунку закліканы рабіць адну і тую ж справу, рухацца да адных і тых жа мэт. Безумоўна, у гэтых разважаных адчуваецца вольналюбівы настрой літаратуразнаўства пачатку XXI стагоддзя.

На фоне разважанняў даследчыка над вобразамі камуністаў як людзей прысланых хочацца адзначыць пазіцыю Д. Бугаёва, змешчаную ў кнізе «Праўда і мужнасць таленту» (1995). Д. Бугаёў выказвае, на першы погляд, не зусім характэрную для часу «перабудовы» думку: «У адным з нядаўніх выступленняў давялося пачуць, нібыта пісьменнік (і якраз у «Віленскіх камунарах») паказаў заганнасць камуністаў, надоўга апярэдыўшы ў іх крытыцы самога А. Салжаніцына. Але гэта ўжо з галіны новых міфаў, у якіх М. Гарэцкі менш за ўсё мае патрэбу.

Нават пры самым беглым чытанні нельга не заўважыць, што ў рамане «Віленскія камунары» менавіта камуністы, усе без выключэння, паказаны станоўча, як людзі гераічнага дзеяння і высокіх памкненняў, гатовыя аддаць сваё жыццё за свае перакананні. «Слава герою!» – так завяршаецца апавяданне пра трагічны лёс камуніста Кобака. І гэтыя словы выяўляюць галоўную сутнасць, квінтэсэнцыю таго пачуцця, з якім глядзіць на віленскіх камунараў Мацей Мышка [2, 264].

Уважліва прачытаўшы раман «Віленскія камунары», складана не пагадзіцца з Д. Бугаёвым у тым, што герой Гарэцкага на самой справе шчыра захапляецца вобразамі «сваіх», менавіта «сваіх» камуністаў, бо гэта былі маладыя людзі з палымным сэрцам (магчыма, такім быў і сам Гарэцкі падчас рэвалюцыі), якія шчыра верылі ў ідэю роўнасці і ўскладалі надзеі на людзей, якія абяцалі знішчыць несправядлівасць старога ладу і пабудаваць новае жыццё, заснаванае на ідэі вялікага гуманізму.

І. Чыгрын жа прапануе сканцэнтраваць увагу на праблеме развіцця нацыянальнага руху. У яго кнізе мы можам прачытаць: «Важным момантам рэальнага стану рэчаў у краі быў, несумненна, нацыянальны рух, пра што ў творы Максіма Гарэцкага, нягледзячы на канкрэтную тэматычную (сацыялістычная рэвалюцыя і рабочы клас) зададзенасць, гаворыцца вельмі выразна і пра што крытыка недаравальна маўчыць. Гэта якраз той аспект, які рэальна можа дапамагчы выразней акрэсліць ідэйную накіраванасць твора» [10, 139].

Адмысловыя спробы «апраўдаць» Гарэцкага за залішняе захапленне дакументальнасцю, «якая дзе-нідзе яўна, нават груба публіцыстычна выступае з-пад мастацкіх фарбаў «Віленскіх камунараў» рабіў і Алесь Адамовіч (яго праца пра М. Гарэцкага створана яшчэ ў савецкі перыяд), быццам у апраўданне называючы гэты прыём «сведчаннем некаторай незакончанасці, недапрацаванасці, усё яшчэ нявынашанасці твора, нават паспешлівасці» [11, 281]. Аднак здаецца, што А. Адамовіч на самой справе добра разумеў – М. Гарэцкага не трэба «апраўдваць», яго творы трэба ўважліва вычытваць. У сваёй кнізе «Браму скарбаў сваіх адчыняю» (1980) ён пісаў: «А колькі скарбаў у гэтай спадчыне, пакінутай М. Гарэцкім, яшчэ не разгледзелі мы, не вывучылі, не ацанілі па-апраўднаму. <...> Не ўдакладніўшы месца М. Гарэцкага ў агульным працэсе развіцця беларускай і савецкай літаратуры, немагчыма правільна ўбачыць і ацаніць сам гэты працэс» [12, 194].

Але гэта задача была на будучыню, у 1970-я гады трэба было вярнуць М. Гарэцкага ў савецкую літаратуру, і рабіць гэта трэба было асцярожна і памяркоўна.

Усе прыведзеныя высновы крытыкі дадаткова «тлумачаць» словы самога аўтара, які 10 снежня 1931 года напісаў: «Канчаю апрацоўваць “Камунараў”. Цяжка мне іх пісаць для друку, усё баюся, як не зрабіць якой памылкі ў асвятленні» [13, 430]. Задачай даследчыкаў якраз-такі і з’яўляецца дайсці да разумення таго, якую ж памылку баяўся зрабіць Гарэцкі, і што на самой справе было прадметам яго асвятлення. «Тым вышэй творчы подзвіг Гарэцкага-пісьменніка, калі ён выйшаў пераможцам у няпростым змаганні з умовамі паднявольнага існавання і складанасцю матэрыялу, пакладзенага ў аснову твора. Перамога выйшла ў выніку смелага творчага рашэння многіх мастацкіх задач.

Так, напрыклад, выбар галоўнага героя і формы апавядання – ад яго імя – прадыхтананы імкненнем аўтара замаскіраваць ад пільнага цэнзарскага вока свой уласны пункт гледжання, у тым ліку і ўласнае разуменне рэвалюцыі, схвацца за героя апавядальніка», – адзначае М. Мушыньскі [3, 425].

Менавіта таму вобраз Мацея Мышкі – галоўнага героя твора – выклікае вялікую цікавасць даследчыкаў. Збіральная характарыстыка водгукаў на вобраз можа выглядаць наступным чынам: патомак былога прыгоннага, чалавек сялянскага паходжання, які з цягам часу стане «тыповым прадстаўніком рабочага класа, які потым перарасце ў камуніста, чалавека-змагара і пераўтваральніка жыцця на новых сацыяльных і палітычных асновах» [7, 111]. А на той момант ён усяго толькі, як адзначаў І. Чыгрын, «дзівак з мізэрным прозвішчам Мышка», «непасрэдны»,

«капрызны і ўпарты», які не мае трывалай палітычнай пазіцыі. Пры ўсім гэтым даследчыкі сыходзяцца на думцы, што гэта збіральны вобраз, цалкам падпарадкаваны гісторыі ці, як вызначыў М. Мушынскі, «носьбіт адбітку гістарычнага вопыту мінулага» [14, 156].

Вобраз бунтарскі, і менавіта гэта здольнасць Мацея Мышкі «не трываць» выклікала ў даследчыкаў розначытанні. Так, адны сцвярджалі, што Мацей «ад стыхійнага пратэсту прыйдзе да разумення неабходнасці згуртаванай барацьбы пад кіраўніцтвам камуністаў» (Мушынскі М., 1984 год) і стане свядомым і актыўным барацьбітом за новае жыццё (Бугаёў Д., 1968 год), другія сумняваліся ў Мацеевай здольнасці свядомай ацэнкі рэчаіснасці і наяўнасці трывалага погляду на гістарычную сітуацыю па прычыне адсутнасці рацыянальнага падыходу да рэчаіснасці і стыхійнага характару мыслення (І. Чыгрын, 2003 год).

На стыхійны характар удзелу беларуса ў барацьбе звяртае ўвагу і Алесь Адамовіч у 1975 годзе, знаходзячы такія дзеянні часам «гарачымі» і «бяздумна-безагляднымі», а значыць мала апраўданымі, нягледзячы на сілу супраціўлення. «Супраць людзей такога тэмпераменту, такога складу характару бязлітасна дзейнічае «закон гістарычнага бумерангу», – сцвярджаў А. Адамовіч. – Бо актыўнічаюць Мышкі часцей за ўсё – як узрываюцца. Калі ўжо больш цяжка не можна. Без патрэбнай гістарычнай і нацыянальнай свядомасці. Дорага, заўсёды вельмі ж дорага абыходзіцца такім людзям, як Мышкі, «удзел у гісторыі». Жывуць яны гістарычным жыццём не пастаянна, а імпульсіўна, «час ад часу». Адштурхнуць «бумеранг» і зноў пагружаюцца ў паўсядзёншчыну, у клопаты, справы, думкі свае, а ён вернецца ды так стукне! І зноў нечакана» [11, 289]. Але ж Мацей, як бачыць Адамовіч, герой перспектывы, які актыўна бярэ ўрокі ў гісторыі, а значыць будучае за імі – рэальнымі людзьмі, энергія якіх падпітана бунтарскім вопытам продкаў.

Відавочна, што вобраз Мацея Мышкі дастаткова складаны, у яго стварэнне Гарэцкі заклаў не толькі свой творчы вопыт, але і жыццёвы. І адказаць гэтым вобразам імкнуўся не толькі на пытанне «што рабіць?», але і спрабаваў указаць на тое, з чым трэба змагацца. І не выпадкова герой твора такі непасрэдна капрызны дзівак з камічна бунтарскім мінулым, і не выпадкова, як трапна заўважаў А. Адамовіч, адчуваецца ў творы рука «Пісарэвіча» [11, 288].

Неардынарнасць вобраза Мацея Мышкі і нестандартнасць самога рамана адзначаў таксама М. Стральцоў. У адным са сваіх артыкулаў ён пісаў: «Вось жа жыве, доўжыцца ў нацыянальнай свядомасці і часе гэтая немудрагелістая, нават праставатая хроніка, гаротная адысея непайторнага Мацея Мышкі, такога жывога да асыяльнасці беларуса «...» Вось прыклад кнігі па-сапраўднаму сацыяльна дакладнай, рэвалюцыйна-пафаснай, да здзіўлення проста зробленай на матэрыяле то бытавым, то любівым, на дакуменце то адозвы, то газеты, на фактах сямейнага летапісу, на ледзь не анекдатычнай прыгодзе, а наогул на калабрунённаўскім адчуванні будзённага дня як дня гістарычна-непайторнага, сацыяльна- і грамадска-дзейснага, гістарычна-аптымістычнага. Вось прыклад смелага, невучнёўскага абыходжання з жанрам, які жыве не толькі на ўзроўні падзеі ці героя, але і як бы з аглядкай, з пасміханнем на літаратурную традыцыю, на сюжэт то авантурны, то куртуазны (памятаеце душачку Юзю?), на ідэальную сямейную хроніку з добрымі «бацюшкамі» і «матушкамі», а наогул жа вы адчуваеце, што аўтару ў мастацкай свабодзе ягонае карціца пагарэзіць дзе-нідзе то з маскай якога-небудзь Тома Джонса-знайдыша, то беднага Бапрэ, які, як вядома, у айчызне сваёй быў цырульнікам, пасля ў Прусіі салдатам і г. д. «...» І жыве, і трапечацца, і сумуе, і смеецца, і задумваецца, і пратэстуе, і цягнецца да зброі разам з героем Мышкам жыццёва паўнакроўная народная стыхія, і мы ахвотна пасля гэтага даруем аўтару і эскізнасць некаторых старонак, і несуразмернасць там-сям прыватнага і галоўнага, і замаруджанасць у некаторых выпадках самога апавядання» [15, 177].

Л. Корань (у артыкуле 1996 г.) развіла гэта меркаванне, якое яскрава кантрастуе з агульнапрынятым большасцю даследчыкаў поглядам як на галоўнага героя, так і на сам твор. Разважаючы над «крытычнымі інтэрпрэтацыямі» твора ў савецкія часы, Л. Корань пісала аб вымушанай гісторыка-рэвалюцыйнай трактоўцы зместу «Віленскіх камунараў». «Адсюль, – рабіла вывад Л. Корань, – пэўны камізм шэраговых інтэрпрэтацый «Віленскіх камунараў», бо добразычлівыя крытыкі мусілі рабіць М. Гарэцкага ў сэнсе ідэалогіі, так сказаць, свяцейшым за папу рымскага, а ў сэнсе эстэтыкі – кандовым панарамным эпікам – сацэрэлістам» [16, 50].

Атрымліваецца, што тэма недахопы рамана, на якія часам указваюць даследчыкі, можна назваць недахопамі першаснага, актуальнага для 1960-х гг. працытання. Ці, як дакладна адзначыла Л. Корань, такія «недахопы рамана ёсць толькі натуральныя рысы ягонае сюжэтна-кампазіцыйнай структуры; і зразумела, што «несуразмернасць там-сям прыватнага і галоўнага» ў вуснах Стральцова маскіруе перад цензураю іменна тую абсалютную дэсакралізацыю пэўнага «рэвалюцыйнага пафасу», якая пануе ў рамана Максіма Гарэцкага і якая сцвярджае Гарэцкага сапраўдным мастаком, аўтарам рукапісаў, якія не гараць» [16, 51]. Раман і ў наш час не пакідае пасля працытання адназначнага ўражання, а яго змест не мае адназначнай трактоўкі.

Вывады

Гарэцкі стварае такую літаратурную прастору, якая дае нам магчымасць быць удзельнікамі складанай літаратурнай падзеі пад назвай «твор», прыводзіць да разумення таго, што неабходна схіліцца да аналізу не толькі падзей унутры сюжэта, але і вынесці гэтыя падзеі з-за межаў твора, каб увесці ў гістарычны кантэкст. Гэта ў сваю чаргу прыводзіць да адчування прысутнасці ў рамане двух апавядальнікаў, двух галасоў – голасу пісьменніка і голасу героя М. Мышкі, якія існуюць паралельна і пры гэтым гарманічна.

Жанр рамана «Віленскія камунары» М. Гарэцкага незвычайны, сінкрэтычны: у ім спалучаюцца рысы пісьма паслядоўна-хранікальнага, апісальнага, своеасаблівай сямейнай сагі, а таксама авантурна-прыгодніцкага, плутаўскога, і разам з тым рэалістычнага, з тыповымі вобразамі і сітуацыямі, з сацыяльнай дэтэрмінаванасцю і гістарызмам. Наяўнасць гэтых асаблівасцяў разам з новым для беларускай літаратуры існаваннем у мастацкім творы двух «свадомасцяў», двух «галасоў» і ёсць тая стылявая поліфанія, якая робіць раман М. Гарэцкага «Віленскія камунары» ўнікальным.

Літаратура

1. Гарэцкі, Р. Ахвярую сваім «я»... (Максім і Гаўрыла Гарэцкія) / Р. Гарэцкі. – Мінск : Беларуская навука, 1998. – 285 с.
2. Бугаёў, Д. Аплочана жыццём / Д. Бугаёў // Праўда і мужнасць таленту. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1995. – 414 с.
3. Мушынскі, М. Падзвіжнік з Малой Багацькаўкі / М. Мушынскі. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – 510 с.
4. Семяновіч, А. Максім Гарэцкі [Прадмова] // Максім Гарэцкі. Выбранае. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1960. – 215 с.
5. Лужанін, М. Лёс пісьменніка і твора / М. Лужанін // Полымя. – 1963. – № 3. – 52 с.
6. Гарэцкі, Г. Выбранае / Г. Гарэцкі. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2002. – 544 с.
7. Пшыркоў, Ю. Максім Гарэцкі і яго раман «Віленскія камунары». Цыт па : Максім Гарэцкі: Успаміны, артыкулы, дакументы. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1984. – 366 с.
8. Сачанка, Б. Другое нараджэнне. Цыт па : Максім Гарэцкі: Успаміны, артыкулы, дакументы. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1984. – 366 с.
9. Мушынскі, М. Раман і аповесць 30-х гадоў / М. Мушынскі // Беларуская савецкая проза. Раман і аповесць. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1971. – 374 с.
10. Чыгрын, І. Паміж былым і будучым: Проза М. Гарэцкага / І. Чыгрын. – 2-е выд., выпр. – Мінск : Бел. навука, 2003. – 166 с.
11. Адамовіч, А. Здалёк і зблізку / А. Адамовіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1976. – 624 с.
12. Адамовіч, А. Брам у скарбаў сваіх адчыняю / А. Адамовіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1980. – 430 с.
13. Гарэцкі, М. Творы: Аповесць. Апавяданні. Жартаўлівы Пісарэвіч: П'еса. Літаратурная крытыка і публіцыстыка. Лісты / М. Гарэцкі. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 629 с.
14. Мушынскі, М. Талент шматгранны, самабытны. Цыт па : Максім Гарэцкі: Успаміны, артыкулы, дакументы. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1984. – 366 с.
15. Стральцоў, М. Чалавек з Малой Багацькаўкі. Цыт па : Максім Гарэцкі: Успаміны, артыкулы, дакументы. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1984. – 366 с.
16. Корань, Л. Цукровы пеўнік. Літаратурна-крытычныя артыкулы / Л. Корань. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1996. – 286 с.

Summary

In a systematic way this material reflects the efforts of researchers in literature to restore the name of M. Goretski for Belarusian literature, after the official rehabilitation of the writer. For instance, we consider different interpretations of the novel «Vilenskija Communary» (1931–1932) by M. Goretski in the Belarusian literary critic. Emphasis is laid on the width of the range of views on the novel: from the novel-chronicle, a historical novel about the revolution, to the first in the Belarusian literature polyphonic novel with elements of newsreels, descriptive, adventurous and yet realistic messages.

Паступіў у рэдакцыю 11.03.11.

УДК 81'373.46:61

Е. А. Дымова

КАУЗАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОДЪЯЗЫКЕ МЕДИЦИНЫ

В статье рассматриваются актуальные для теории номинативной деривации вопросы, связанные с категорией каузативности. Каузативность является одной из фундаментальных категорий, позволяющей выйти за пределы морфологии в традиционном её понимании и обратиться к изучению единиц смежных уровней. При анализе каузативных отношений в центре внимания оказываются глаголы-термины и их неоднословные соответствия в подъязыке медицины. Особое внимание в статье уделено рассмотрению оппозиций «каузатив/декаузатив». Описываются различные способы представления каузативных значений в составе номинативных рядов. По мнению автора, словосочетание в деривационной функции может представлять различные грамматические линии глагола, а в некоторых случаях быть единственным способом выражения каузативности.

Введение

Каузальность является одним из основополагающих свойств окружающей действительности. Как ни одна другая часть речи, именно глагол отражает причинные связи в своей грамматической системе. В системе формообразования глагола грамматические выразители каузальности отсутствуют. «Обнаруживаются лишь некоторые следы грамматической категории, отражавшей одно из значений каузального отношения. Имеется в виду категория каузативности» [1, 76].

В лингвистической литературе каузативность рассматривается по-разному. В немецкой лингвистической традиции каузативность трактуется как глагольный вид [2, 75]. В «Словаре лингвистических терминов» А. Марузо каузативность рассматривается как побудительный залог, т. е. «глагольная форма, способная выразить ту мысль, что субъект заставляет выполнять действие, а не действует сам» [3, 131].

При анализе каузативности в центре внимания исследователей находятся каузативные глаголы. Ф. И. Буслаев назвал их «винословными», т. е. такими «производными глаголами действительного залога, которые означают действие, приводящее предмет в то состояние или действие, которое выражается глаголом первообразным: например, *мру – морь – мор-ить, теку – токь – точ-ить*» [4, 103]. В связи с этим некоторые исследователи полагают, что следы морфологической категории каузативного залога можно найти в древнерусском языке, когда при помощи чередования гласного в корне слова образовывалась каузативная оппозиция: *пить – поить, гнить – гноить, звенеть – звонить* [5, 138]. Таким образом, каузативными глаголами считаются «переходные глаголы, имеющие значение причины (повода) для совершения действия. Ср.: *поить* (т. е. вызывать действие, обозначаемое глаголом *пить*)» [6, 145].

Многие лингвисты пришли к выводу, что каузативные глаголы являются древнейшим способом выражения каузативных отношений в индоевропейских языках [7, 274], [8, 235]. К примеру, заслуживают внимания грамматические особенности тохарских языков, в которых в системе глагола выделяется каузативное спряжение [9, 517]. Однако, несмотря на то что в индоевропейских языках значение каузативности имеет грамматическое выражение, исследователи сходятся во мнении о том, что нет оснований говорить о грамматической категории каузативности. Каузативные глаголы являются самостоятельными лексическими единицами, обладают своей собственной системой формообразования и не объединяются обязательной грамматической оппозицией.

Для ряда фундаментальных глагольных категорий, рассматриваемых ранее в рамках традиционной научной парадигмы, многие исследователи говорят о необходимости выхода за пределы морфологии в традиционном её понимании и обращения к изучению единиц смежных уровней. Именно каузативность, по мнению многих лингвистов (Л. Теньер, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Г. А. Золотова, Г. Г. Сильницкий, А. В. Никитевич), и является одной из таких фундаментальных категорий межуровневого типа.

В лингвистической литературе существует несколько классификаций каузатива. По семантической классификации выделяют такие разновидности, как фактитив, пермиссив, ассисив и др. В основу синтаксической классификации положены валентностные различия между каузативом и некаузативом, роль переходности/непереходности в организации данного противопоставления. При собственно морфологической классификации принимаются во внимание структурные

различия в способе представления каузатива. Так, кроме морфемно родственных пар слов типа *сохнуть – сушить, мокнуть – мочить* выделяют каузатив супплетивный (или лексический): *знать – сообщать, умирать – убивать*, а также аналитический каузатив, «иногда допускающий сжатие: *знать – давать знать = сообщать, уходить – заставлять уходить = уводить*» [10, 58]. Исследователями признаётся факт различных способов представления каузатива и того, что «между разными способами представления каузатива возможны определённые отношения. Одни и те же отношения могут обнаруживаться в пределах одной лексемы, связывать разные слова и даже межуровневые объединения единиц» [1, 78].

Целью нашего исследования являлся анализ каузативных отношений в подъязыке медицины с описанием различных способов представления каузативных значений в составе номинативных рядов.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ глаголов и их аналитических соответствий, выражающих каузативные отношения, показал, что совмещение каузативного и некаузативного значений в одном глаголе для подъязыка медицины, как и для русского языка в целом, не является характерным. Факты типа *Он капает лекарство – Лекарство капает. Морская звезда регенерирует потерянные лучи – У человека хорошо регенерирует эпидермис* можно рассматривать как случаи регулярной многозначности глагола («действие» – «каузация действия») и интерпретировать как явления семантической деривации в связи с тем, что регулярная многозначность подобна словообразованию и может быть отнесена к явлению производности в широком смысле слова. В подобных случаях значение каузации скрыто в семантике глагола.

С точки зрения эксплицитности средств выражения оппозиции «каузатив/декаузатив» вызывает интерес анализ некоторых пар возвратных и невозвратных глаголов. Как уже отмечалось исследователями, «в отличие от некоторых языков, где существуют специальные каузативные суффиксы (ср. *-dur, -ir* в турецком), в русском языке морфемно отмеченным может оказаться декаузатив» [1, 80]. С нашей точки зрения, это утверждение можно отнести и к подъязыку медицины. Ср.: *Можно сделать разрез и дренировать полость трубкой и тампоном. – Полость обрабатывается и дренируется выведением её через контрапертуру слева от срединного разреза. С помощью насадок на электронож удобно коагулировать ложе желчного пузыря. – Ложе пузыря в печени коагулируется. Рентгеноконтрастное вещество позволяет хорошо контрастировать всю билиарную систему. – Как только контрастируются протоки, вводят остальное контрастное вещество.*

Однако в ряде случаев значение декаузатива обнаруживается в глаголе без – *ся*. Сравните с обычными примерами типа *обрабатываться – подвергаться обработке, обследоваться – проходить обследование, госпитализироваться – подлежать госпитализации* следующие: *болеть (Голова болит) – испытывать чувство боли, иррадиировать (Боли иррадиируют в правое плечо) – ∅, выздоравливать (Пациент выздоравливает) – ∅, прогрессировать (Болезнь прогрессирует) – ∅, протекать (Острый холецистит протекает по типу обтурационного) – ∅, рецидивировать (Каменный или бескаменный холецистит обычно часто рецидивирует) – ∅* и т. д.

В ряде оппозиций «каузатив/декаузатив» в подъязыке медицины можно отметить нарушение семантического параллелизма, «занятость» тех или иных (необходимых) семантических мест. Это определяется спецификой деривации морфем как результата создания однословных единиц. Ср.: *расстраиваться (Пищеварение больного расстроилось) – ∅ и расстраивать* (не в значении вести, приводить к расстройствам каких-либо функций, органов и т. п.) – ∅; ∅ – *испытывать шок и шокировать* (не в значении приводить к шоку как «реакции организма на воздействие чрезвычайных раздражителей, характеризующейся развитием у человека тяжёлых расстройств кровообращения, дыхания, обмена веществ» [11, 527]. Ср.: *шокировать* – «привести (приводить) в смущение нарушением правил приличия, общепринятых норм. Шокировать окружающих своим поведением» [12, 896].

Следует заметить, что далеко не все существенные для грамматики глагола типы оппозиций могут найти морфемное выражение [13]. Словосочетание в деривационной функции может специфицировать различные грамматические линии глагола, а в ряде случаев оно может являться единственным способом представления данной семантики. Многочисленность «аналитических» каузативов и противопоставленных им декаузативных словосочетаний в подъязыке медицины можно объяснить также тем, что каузативность сама по себе представляет собой достаточно широкий спектр семантики.

Так как на собственно лексическом уровне каузативы и некаузативы зачастую противопоставлены как группы синонимических единиц, объединённых между собой имплицитной связью, представляет интерес выявление таких неоднословных эквивалентов, которые являются

коммуникативными заместителями данных глаголов и объединены с ними связью эксплицитной. Анализ эксплицитно связанных способов представления каузативных значений в составе соответствующих номинативных рядов показывает, что словообразовательная конденсация во многих случаях характерна только для одной семантической линии оппозиции каузативность/некаузативность, в том числе в подязыке медицины. Ср.: *диспансеризировать – осуществлять диспансеризацию*, но только *подлежать диспансеризации*; *разрезать – делать разрез*, но только *разрезаться*; *пальпировать – проводить, производить пальпацию*, но только *пальпироваться*; *отекает – подвергаться отеку*, но только *приводит к отёку* и т. д.

Анализ структур, лежащих в основе реализации оппозиции каузативность/некаузативность в подязыке медицины, позволяет выделить различные типы оппозиций:

1) *диагностировать (Рак лёгких сложно диагностировать на начальном этапе), ставить диагноз – диагностироваться, подлежать диагностике (Заболевания щитовидной железы подлежат диагностике); лечить, проводить, осуществлять лечение – лечиться (Простатит лечится успешно, когда лечение начато своевременно), подлежать лечению (Острый дивертикулит подлежит срочному хирургическому лечению);*

2) *∅, вызывать секретирование (Опухоль вызывает секретирование избыточного количества адреналина) – секретировать (Почки секретируют эритропоэтин), вырабатывать, выделять секрет (Органы животных и человека выделяют и вырабатывают секрет); ∅, приводит к отёку (лёгких), вызывать отёк (Такой отёк вызывает рожистое воспаление) – отекает, подвергаться отёку (После операции молочные железы подвергаются реактивному отёку); ∅, вызывать боль (Просачивание желудочного содержимого в брюшную полость при прикрытой прободной гастродуоденальной язве способно вызывать схваткообразную боль) – болеть (Голова болит), испытывать чувство боли (Редкий человек может похвастаться тем, что никогда не испытывал чувства боли), чувствовать боль (Он продолжает чувствовать боль), испытывать боль (Кто из нас не испытывал головную боль);*

3) *зондировать (Зондировать рану и вводить тампон не следует), делать зондирование (Больному делали зондирование носо-слёзного канала без наркоза), проводить зондирование (Дуоденальное зондирование проводят при заболевании печени и желчевыводящих путей) – ∅, подвергаться зондированию (Тщательному зондированию должны подвергаться ранее наложенные пломбы); диспансеризировать (Больную необходимо диспансеризовать), проводить диспансеризацию (Было поручено проводить углубленную диспансеризацию) – ∅, подвергаться диспансеризации (Больные с предраковыми болезнями должны подвергаться диспансеризации), проходить диспансеризацию (Для того чтобы пройти диспансеризацию, вам необходимо обратиться к участковому врачу);*

4) *∅, вести к осложнениям (Неправильное применение противозачаточных средств может вести к осложнениям), вызывать осложнения (Нестероидный противовоспалительный препарат может вызвать желудочно-кишечные осложнения) – осложняться (Грипп осложнился воспалением лёгких), ∅,*

5) *∅, приводит к дилатации (Эти заболевания приводят к дилатации верхних мочевых путей), вызывать дилатацию (Холинергические стимуляторы вызывают дилатацию венечных сосудов) – ∅, подвергаться дилатации (Гипертрофии и дилатации подвергается правый и левый желудочек);*

6) *локализовать (При пневмониях и плевритах больной не может чётко локализовать боль), ∅ – локализоваться (Болевая реакция локализуется в месте проекции желчного пузыря), локализация отмечается (В медицине достаточно часто отмечается локализация боли не в месте локализации);*

7) *пальпировать (Довольно трудно пальпировать пульс у новорождённых детей), проводить, производить пальпацию (Пальпация грудной клетки проводится обеими руками. Пальпацию обыкновенно производят с осмотром больного) – пальпироваться (Зоб не виден, но пальпируется), ∅,*

8) *∅, ∅ – визуализироваться (Маточные трубы не визуализируются. Костная часть спинки носа визуализируется), ∅,*

9) *∅, вызывать интоксикацию (Избыточное потребление витамина D может вызвать интоксикацию организма) – ∅, ∅,*

10) *∅, ∅ – жаловаться (Он жалуется на боли в ногах. Ребёнок жалуется на головную боль), предъявлять жалобы (Больная предъявляет жалобы на боли внизу живота), жалобы имеются (У пациента имеются жалобы на боль в задней части нижней челюсти).*

С учётом оппозиций по виду возникают структуры более сложные, целые системы номинативных рядов – результат взаимодействия производных аффиксации и словосочетаний

в деривационной функции. К примеру: *диагностировать (НСВ)* – ставить диагноз; *диагностироваться (НСВ)* – подлежать диагностированию; *диагностировать (СВ)* – поставить диагноз; *диагностироваться (СВ)* – Ø; *оперировать (НСВ)* – производить операцию, проводить операцию, выполнять операцию, оперативное вмешательство, осуществлять операцию, прибегать к операции, предпринимать оперативное вмешательство; *оперироваться (НСВ)* – подвергаться операции, оперативному вмешательству (лечению); *прооперировать (СВ)* – провести операцию, выполнить операцию, прибегнуть к операции, осуществить операцию; *прооперироваться (СВ)* – подвергнуться оперативному вмешательству, лечению; Ø (НСВ) – вызывать боль, приводить к боли; *болеть (НСВ)* – испытывать чувство боли, чувствовать боль; Ø (СВ) – вызвать боль, привести к боли; *заболеть (СВ)* – испытать чувство боли, почувствовать боль и т. д.

Проблема изучения категории каузативности традиционно связана с решением вопроса о соотношении синтетических и аналитических средств выражения данной семантики. На наш взгляд, следует согласиться с мнением исследователей о том, что «лишь обратившись к понятию производности в широком смысле, увидев в деривации как процессе создание единиц различных (прежде всего смежных) уровней, можно расширить границы грамматики, включив её в поле межуровневого взаимодействия, в поле производных классов единиц» [1, 81].

В подъязыке медицины, наряду с семантикой вида, залога, разноуровневыми средствами может быть представлена связанная с каузативностью семантика фазовости. Словосочетания, выражающие фазовые значения в подъязыке медицины, восполняют ограниченное количество собственно фазовых глаголов и ограниченные возможности синтетического способа выражения фазовых значений и нередко являются единственным способом выражения фазовости. Так, например, неспособность глагола *лечить* выразить начало названного действия аффиксальным способом компенсируется наличием словосочетания *начинать лечение*; прекращение процесса *холицистэктомии* может быть выражено при помощи словосочетания *заканчивать холицистэктомию*; фазовые значения глагола *болеть* представлены словосочетаниями *боль возникает (появляется)*, *боль продолжается*, *боль прекращается (проходит)* и др.

Особенность каузативных словосочетаний заключается в том, что они выражают не непосредственное начало/прекращение действий, совершаемых субъектом, а называют действия субъекта, которые направлены на объект и каузируют начало/прекращение действий, состояний последнего (*вызвать боль*, *вызвать гипертензию*, *привести к атрофии*, *привести к выздоровлению*). Наличие подобных словосочетаний свидетельствует о тесной связи фазовости и каузативности. Связь данных категорий обусловлена общностью причинно-следственных отношений. Фазовость часто связана с воздействием на объект. В таких случаях в подъязыке медицины представлены оппозиции «каузатив/некаузатив», в которых некаузатив обозначает возникновение либо прекращение действий (состояний) и нередко формально не выражен, каузатив же обозначает каузацию начала или прекращения действия (состояния) и выражается словосочетанием в деривационной функции: Ø – *привести к инфицированию*, Ø – *вызвать иррадиацию*, но *выздороветь* – *привести к выздоровлению*, *заболеть* – *вызвать боль*. Следует подчеркнуть, что количество подобных словосочетаний с фазовым значением превышает количество собственно фазовых глаголов.

Выводы

Анализ глаголов и их аналитических соответствий, выражающих каузативные отношения, позволяет сделать вывод о том, что зачастую значение каузации скрыто в семантике глагола и совмещение каузативного и некаузативного значений в одном глаголе не является характерным для подъязыка медицины. Результаты анализа пар возвратных и невозвратных глаголов в подъязыке медицины с точки зрения эксплицитности средств выражения оппозиции «каузатив/декаузатив» показали, что, как правило, морфемно отмеченным является декаузатив. Однако в ряде случаев значение декаузатива обнаруживается в глаголе без – *ся*.

В ряде оппозиций «каузатив/декаузатив» в подъязыке медицины можно отметить нарушение семантического параллелизма, «занятости» тех или иных (необходимых) семантических мест. Не все существенные для грамматики глагола типы оппозиций могут найти морфемное выражение. Словосочетание в деривационной функции может специфицировать различные грамматические линии глагола, а в ряде случаев оно может являться единственным способом представления данной семантики. Подъязыку медицины свойственна многочисленность аналитических каузативов и противопоставленных им декаузативных словосочетаний.

Рассмотрение эксплицитно связанных способов представления каузативных значений в составе соответствующих номинативных рядов показывает, что словообразовательная конденсация охватывает только одну семантическую линию оппозиции каузативность/некаузативность. Анализ структур, лежащих в основе реализации оппозиции каузативность/некаузативность в подъязыке медицины, позволяет выделить различные структурные типы оппозиций. С учётом оппозиций по виду возникают структуры более сложные, целые системы номинативных рядов – результат взаимодействия производных аффиксации и словосочетаний в деривационной функции.

В подъязыке медицины, наряду с семантикой вида, залога, разноуровневыми средствами может быть представлена связанная с каузативностью семантика фазовости. Словосочетания, выражающие фазовые значения, восполняют ограниченное количество собственно фазовых глаголов и ограниченные возможности синтетического способа выражения фазовых значений и часто являются единственным способом выражения фазовости.

Таким образом, анализ семантического пространства подъязыка медицины позволяет сделать вывод о том, что словосочетание в деривационной функции может представлять различные грамматические линии глагола, а в некоторых случаях быть единственным способом выражения семантики. Многочисленность каузативных словосочетаний и противопоставленных им аналитических декаузативов можно объяснить неспособностью аффиксации реализовать деривационный и грамматический потенциал глаголов различной семантики и различных лексико-грамматических подклассов.

Литература

1. Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов : монография / А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 347 с.
2. Миссюра, Н. А. Каузативные глаголы и каузативные конструкции в немецком языке / Н. А. Миссюра // Уч. зап. – М. : МГПИ им. Потёмкина, 1958. – Т. 77, вып. 1. – 231 с.
3. Марузо, Ж. Словарь лингвистических терминов / Ж. Марузо. – М. : Иностранная литература, 1960. – 416 с.
4. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика / Ф. И. Буслаев. – М. : Просвещение, 1959. – 623 с.
5. Десницкая, А. В. Каузативные глаголы / А. В. Десницкая // Уч. зап. ЛГУ. – Л. : ЛГУ, 1941. – С. 21–25.
6. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976. – 543 с.
7. Елизаренкова, Т. Я. Грамматика ведийского языка / Т. Я. Елизаренкова. – М. : Наука, 1982. – 438 с.
8. Стеблин-Каменский, М. И. История скандинавских языков / М. И. Стеблин-Каменский. – М.-Л. : Наука, 1953. – 340 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / редкол.: В. Н. Ярцева (гл. ред.) [и др.]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
10. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной лингвистики / Ю. Д. Апресян. – М. : Просвещение, 1966. – 302 с.
11. Большой толковый медицинский словарь : в 2 т. / редкол.: Г. Л. Билич (гл. ред.) [и др.]. – М. : Вече, АСТ, 1999. – 2 т.
12. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1990. – 923 с.
13. Никитевич, А. В. Устойчивые глагольно-именные сочетания и аффиксальные производные как способы представления глагольной семантики (синхронно-диахронический аспект) / А. В. Никитевич // Wortbildung interaktiv im Sprachsystem – interdisziplinär als Forschungsgegenstand : Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim Internationalen Slawistenkomitee. – Innsbruck : Inst. für Sprachwiss., 2000. – С. 217–230.

Summary

The article deals with the vital for the theory of nominative derivation questions connected with the category of causativeness. Causativeness is one of the fundamental theories that helps to look further than morphology in its traditional understanding and to turn to the study of the units of the adjacent levels. When analyzing causative relations term-verbs and their analytical correspondencies in sublanguage of medicine are in the center of attention. Special attention is paid to the opposition «causative – de-causative». Various methods of causative meanings presentation in nominative rows are presented. According to the author, word combination in the derivative function can present various grammatical meanings of the verb and in some cases can be the only way of expressing causativeness.

Поступила в редакцию 30.03.11.

УДК 82.0

М. М. Иоскевич

**МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ ОБРАЗОВ ГЛАВНЫХ ГЕРОИНЬ
КАК СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЙ ПРИНЦИП РОМАНОВ И. МЕЛЕЖА
«ЛЮДЗІ НА БАЛОЦЕ» И «ПОДЫХ НАВАЛЬНИЦЫ»**

Статья посвящена исследованию образов главных героинь романов И. Мележа «Людзі на балоце» и «Подых навальніцы» с позиций мифопоэтического подхода. Мифологическая оппозиция, заключенная в противопоставлении образов Ганны и Хадоськи, находит последовательное отражение в структурном построении романов.

Введение

Трилогия И. Мележа «Палеская хроніка» справедливо считается одним из самых замечательных произведений белорусской литературы. Романы вызвали глубокий интерес читателей и многочисленные отзывы исследователей, поток которых не прекращается по сей день. Так, по мнению Г. Шупенько, «ні пра адзін беларускі раман не было так шмат напісана, як пра «Палескую хроніку» І. Мележа» [1, 5].

История истолкования «Палескай хронікі» может быть условно разделена на два периода. Для первого характерно восприятие романа как явления советской литературы. Исследователи признавали в хронике «новы і вялікі поспех усёй беларускай савецкай літаратуры» [2, 147]; «якасны скачок у творчай біяграфіі І. Мележа» [1, 5]. Между тем очевидна большая степень сфокусированности интерпретаций на положительной стороне проблемы коллективизации, являющейся основной темой трилогии. Это, собственно, не противоречило замыслу автора, который хотел «написать книгу в полном смысле народную, прославляющую народ и его подвиг, проникнутую великим уважением к нему и заботой о нем» [3, 119]. Однако сегодня становится очевидным, что в сознании автора эта сторона замысла сочеталась с другой, не менее важной.

Трилогия создавалась в 50–60-е годы. Именно это время, время политической «оттепели», позволило писателю обратиться к теме «советского гуманизма», вернуться на тридцать лет в прошлое, чтобы «сказаць усю праўду пра тое, што раней недагаворвалася або замоўчвалася зусім» [4, 211]. И. Мележ отмечал долгий путь, который предшествовал созданию трилогии: «Само жыццё доўгія гады як быццам рыхтавала мяне да гэтай кнігі» [4, 211]. Высокий творческий потенциал писателя заключается в его неспособности утаивать, замалчивать правду, в желании высказать её в собственных произведениях: «У цяжкія трыццатыя гады брала пачатак не толькі добрае, а і злое. У тым, што адбывалася тады, было нямаля такога, што выклікала непатрэбную вастрыню адносін, нараджала несправядлівасці, крыўды, прыводзіла да непраўданах ахвяр» [4, 213].

Именно раскрытие этой стороны замысла трилогии характеризует второй период исследований, который начинается с обретением Беларусью независимости. Переоценка системы ценностей, сдвиг приоритетов позволяет по-новому интерпретировать произведение, раскрыть его глубинные смыслы, осознать трагическую сторону событий в белорусской деревне 20–30-х годов. Белорусские исследователи, беря на вооружение опыт разнообразных литературоведческих подходов, затрагивают в своих работах, посвященных «Палескай хроніке», принципиально новые и актуальные вопросы и темы. Тем самым исполняется «наказ» И. Мележа: «Пра кнігі, пра тое, што яны расказваюць, трэба думаць самім. Раіцца, спрачацца і так дабівацца ісціны» [3, 153].

Одним из современных актуальных направлений в исследовании трилогии является мифопоэтический подход. Мифокритика, возникшая в рамках англо-американского литературоведения в начале XX века, направлена на точное научное понимание и объяснение литературы. Она относится к имманентным подходам, выявляя несомненную связь произведения литературы с мифом в генетическом, интуитивном, семантико-символическом и структурном плане.

Следует отметить, что белорусские исследователи неоднократно указывали на присутствие мифопоэтического контекста в трилогии И. Мележа. Так, в книге «Карані і крона: фальклор і нацыянальная спецыфіка літаратуры» М. Тычина исследует взаимосвязь сюжета трилогии со стихией народной песенной культуры [5]. Цель данной статьи – раскрыть мифологический подтекст образов двух главных героинь трилогии, а также проследить его взаимосвязь со структурным построением романов «Людзі на балоце» и «Подых навальніцы».

Эти романы требуют парного рассмотрения, поскольку они построены по принципу зеркального отражения: обе книги начинаются со сцены сбора на сенокос и заканчиваются свадьбой одной из героинь, их события разделены отрезком времени длиной в три года. Именно судьбы двух главных героинь определяют развитие любовной сюжетной линии романов «Людзі на балоце» и «Подых навальніцы».

Результаты исследования и их обсуждение

Образ Ганны чрезвычайно насыщен мифологическим подтекстом, который до сих пор не исследован должным образом. Внешний вид и черты характера Ганны предполагают ее соотнесение с огненной стихией. С её образом связаны эпитеты «яскравая», «гарачая». Ее глаза, «вільготна-цёмныя, падобныя на спелыя вішні», могут «гарэць», как огонь. Огнем наполнена и душа героини: «Гарачая, нястрыманая, небяспечная яна, ганарліўка Ганна!» [6, 37]. Уголёк Евхима, который Василь приносит для костра в их первый совместный вечер с Ганной, символически прогнозирует её последующие взаимоотношения с этими парнями: принадлежит семье Глушаков, весь жар своего сердца Ганна будет отдавать Василию. Более того, «огненность» Ганны, ее бунтарский характер соотносится с развёрнутой метафорой заглавия второго романа трилогии. Согрясение вековых устоев жизни деревни сопоставляется с небывалым поступком Ганны – уходом от мужа, который потрясает деревню: «казалі, не помнілі, каб у Куранях калі-небудзь якая-небудзь жонка кідала чалавека, ды яшчэ такога, як Яўхім...» [7, 507].

В первой книге трилогии Ганна соотносится с яркими ягодами рябины: «у жнівеньскім росквіце рабіна зарукавала, зазырчэла яркім, кідкім хараством, гарачым полымем агністых гронак» [6, 36]. Однако сравнение Ганны с рябиной призвано не только подчеркнуть особенности характера Ганны. Рябина (или калина) в фольклорных представлениях белорусов представляет образ невесты, кем, собственно, и является Ганна: «выспела, нявеста, нічога не скажаш!» [6, 36]. Это дерево символизирует невесту с высокими моральными качествами, описание его ягод связано с символикой девичьей чистоты. Сватовство Евхима доказывает всей деревне непорочность Ганны, его желание получить лучшую невесту: «І старанная, і разумная, і слухмяная. І з твару – другую такую пашукаць! Хай хто хоць скажа: нічым не абдзяліў Бога» [6, 255]. Прославление Ганны-невесты символично отражено в народной песне: «Выйшла Ганнанька, выйшла, як чырвоная вішня. Вынесла калінаньку, звесяліла радзінаньку, вынесла чырвоную, звесяліла раджоную» [8, 112]. Однако в мифологических представлениях белорусов рябина является также несчастливым деревом, символом лихой женской доли, деревом смерти. Все эти представления нашли отражение в образе главной героини трилогии.

Первым знаком беды, предвещающим метафорическую «смерть» Ганны, является вой собаки, который слышит она на свидании с Василем: «Як скуголіць... Аж страшно. Бы на хаўтуры» [6, 50]. Вслед за этим появляются бандиты. То, что Василь явился невольным их пособником, послужило первым шагом к разрыву отношений молодых людей. Вторым шагом явилась утрата доброго имени Ганны, будто бы изнасилованной Евхимом. В день, когда ухаживания Евхима приобрели агрессивный характер, песни женщин-жней на поле звучали как «галошанне» [6, 216], как символическое отпевание любви Василя и Ганны: «Да перастаньце вы ўжэ, – не вытрываў, нарэшце, Чарнушка. – Усе роўна як на могількі сабраліся везці!.. І так маркота, а тут – як на хаўтуры!» [6, 216].

Сцена сватовства Ганны сопоставима с событиями волшебной сказки. Ганна и своей внешностью, и поведением напоминает сказочную принцессу: «як прынцэса» [6, 102], «ганарыстая Чарнушкава каралева» [6, 103], «красуня з казкі» [6, 286]. Евхим, представитель первобытных законов, обладает чертами сказочного змея, желающего заполучить самую красивую девушку, собирающего дань с деревни: «усюды лепшыя, усё лепшае ім!» [6, 259]. Евхим, как и змей в белорусских сказках, живёт в метафорической водной стихии – болоте. Не случайно Евхима называют «пачварай», чьи «пазногі, пад якімі чарнела зямля, дзе-нідзе загнулiся ўжо, бы кіпцюры» [7, 110]. Согласно одной из белорусских легенд, змеи могут превращаться в красавцев-парней, соблазняющих деревенских девушек, однако союз с ними не может принести потомства [9, 544]. Это поверье нашло отражение в отношениях Евхима с Ганной и Хадоськой, а также в гибели их детей. Евхим-«змей», так же как и Ганна, принадлежит к стихии огня. Однако их мифологические характеристики различны, согласно фольклорным представлениям белорусов о «справядлівым» и «чортавым» огне. Ганна – это «справядлівы» огонь, его назначение – обогревать, давая окружающим тепло и силу. Евхим же воплощает негативные, «чортавыя» качества огня – разрушение, испепеление, несущие беду и боль.

В сваты Глушак решает звать тетку Сороку и Лесуна-Прокопа. Характерологическая функция кличек героев трилогии исследована В. Струковым, который полагает, что они «трымаюць у полі зроку чыгача яго (літаратурнага персанажа – *М. И.*) сутнасныя якасці, што рэалізуюцца ў мастацкім тэксце» [10, 22]. Неисследованным же остается мифологический контекст кличек героев трилогии.

Выступая, как и Халимон Глушак, против установления колхозов, Сорока и Лесун являются типичными представителями «инога мира». Их клички отсылают читателя к сказочному содержанию. Сорока, женщина говорливая и энергичная, напоминает своим поведением одноименную птицу. В мифологических верованиях белорусов сорока «з'яўляецца

разносчыцай навін, яе стракатанне абяцае прыбыцце *гасцей*, змену надвор'я на даждлівае, прадказвае нейкае здарэнне ці нават *смерць*» [11, 452]. Пророческий характер Сороки, предвещающий судьбу Ганны, раскрывает песня: «Іду да дому дай баюся-а... Паганага мужа маю-у... Будзе біці... добра знаю...» [6, 256]. Кличка, полученная Прокопом за угрюмость и молчание, также означает его принадлежность к «нечистому миру»: он «страшны, як лясун» [6, 376]. Вероятно, поэтому за столом на заручинах царит «невяселы, цягучы тлум», наминающий поминки. Родня Глушаков ест много и жадно, как и подобает представителям «инога мира», что нагоняет страх на мачеху Ганны. В тот вечер, когда у Ганны были заручины, «у хаце Дзятлаў было ціха і журботна, нібы пасля пахавання нябожчыка» [6, 258].

На выбор Ганны решающее влияние оказывает мачеха, тем самым подтверждая свой статус как отрицательного сказочного персонажа. Как сказочная мачеха всеми силами стремится загубить падчерицу для пользы собственной дочери, так и Кулина не столько желает благополучия Ганне, сколько хочет обеспечить наследство сыну: «І пра браціка, пра Хведзьку, не грэх падумаць! Усе ж такі не чужы табе – бацькава кроў, родная!.. Дзятліць – калі што якое, прымак там ці хто прыстане – няма чаго!.. Зямелька – далонька... Ды і тая... Не табе... казаць!..» [6, 251]. Она уговаривает Ганну принять предложение Евхима, обещая девушке «сказочную» жизнь: «Пражывеш век, гора не паспытаеш! У малацэ ды ў масле купацца будзеш!» [6, 250].

На свадьбе Ганна чувствует себя «як у сне». Венчание кажется той границей, которая навсегда перечеркнёт жизнь героини: «іншая будзе ў яе хата, іншы прытулак» [6, 387]. Ее настроение разделяет и отец. Свадебное убранство Ганны, венки и фата «дзіўна адгукалася ў ім журбою» [6, 371], он печалится так, будто не выдает дочь замуж, а хоронит ее. К слову, в народной традиции свадебный наряд служил также погребальной одеждой для молодой незамужней девушки.

В свадебный вечер Ганне неуютно в хате Глушаков, такой непохожей на ее родной дом. Все гости также ощущают принадлежность кулацкого дома к «иному миру», что немедленно сказывается на их поведении, нетипичном для народной свадьбы: «Дзіўна, якія ўсе тут былі ціхія, паважныя, не толькі не крычалі, але амаль што і не гаварылі голасна, перашэптваліся ці найбольш маўчалі» [6, 389]. Ночью после свадебного застолья Ганна долго не могла заснуть, лежала, как в гробу, «у душнай цемры, здавалася, забытая ўсімі, пакінутая, адна-адзінокая ў цэлым свеце» [6, 394]. Для нее как будто настал «канец свету» [6, 394]. Годы замужества без любви, без радости – это «мёртвыя» годы Ганны, её «магіла». Каждый день наполнен непрерывной работой, после которой «спіш – што мёртвы» [6, 234]. Не случайно, узнав о тайных встречах Ганны с Василем, Алена Дятлик печалится, как будто «нябожчык у хаце».

Если в «Людзях на балоце» Ганна сравнивается с рябиной, то в «Подыхе навалніцы» она узнает себя в старой засыхающей березе: «Веце яе было ўжо найбольш пасохлае, там і тут ветры абламалі галіны, ствол чарнеў старэчай карою... Ад гэтай бярозы Ганне стала яшчэ страшней» [7, 235]. Береза символизирует пограничное состояние, в котором оказывается Ганна, ведь береза – это «медыятар паміж светам жывых і светам памерлых» [12, 56]. Смерть дочки открывает перед Ганной бессмысленность прожитых лет: «як на том свеце было» [7, 490]. Она решает возобновить встречи с Василем, то есть вернуться к настоящей жизни.

Отношение Василя к Ганне символизирует «идеальное», в противопоставлении «материальному» – любви Василя к земле. Эта оппозиция была истолкована самим автором: «Жаціцьба з Маняю – гэта перамога матэрыяльнай стыхіі, спатканні з Ганнаю – шкадаванне аб ідэальным, імкненне да яго. У несумяшчальнасці гэтых абедзвюх стыхій – зерне Васілевых трагедый, яго жыццёвых пакут» [3, 137]. Евхим же, в достаточной мере обладая «материальным» – землёй, желает получить в свою жизнь «идеальное» – Ганну.

В романе «Людзі на балоце» драка между Василем и Евхимом за землю одновременно подразумевает их соперничество из-за Ганны. Оказавшись перед выбором, Василь выбирает женитьбу на Мане, любовь к земле. Более того, Василь как будто берёт в жены не женщину, а землю. Любопытно, что и внешний вид, и характер Мани дают повод отождествлять ее со стихией земли – это полная, неповоротливая женщина, неумелая в работе. Чувство Василя к земле отражает мифологизирующее отношение к ней белорусов как к «живой істоце, якая нясе ў сабе жаночы пачатак» [13, 201]. Василя «цягнула, як к хвораму каню, як к дарагой, у бядзе, істоце, – каб – як ні балюча – у апошні раз зірнуць, справіць неадменны, *сардэчны* (курсив наш – М. И.) абавязак» [7, 402]. Перед самым переделом земли в пользу колхоза Василь намеренно засеивает свой участок земли, как будто подтверждая этим процессом, символизирующим осеменение, право владельца как право мужа. Земля-«женщина», как и Ганна, просит защиты: «адступіўся ад

яе, не памог выбавіцца, кінуў адну ў бядзе» [7, 402]. Однако Василь не в состоянии ни помочь Ганне, ни отстоять свою землю. И Евхим, и Василь утрачивают Ганну-«идеальное», потому что отдают предпочтение «материальному», ставят его выше «идеального».

Если, согласно мифологическому подтексту, черноволосая тёмноглазая Ганна символизирует огонь, то русоволосая светлоглазая Хадоська отождествляется с водой. Огонь и вода представляют две противоположные противоборствующие стихии. Это и является причиной того, что Евхим, также принадлежащий к огненной стихии, предпочитает Ганну Хадоське: «Хадоська... Што – Хадоська? Вада – смаку ніякаго!..» [6, 101]. Евхим-«огонь», отказавшись жениться на Хадоське, тем самым «испепеляет» героиню-«воду». Уличное прозвище Хадоськи – Канаплянка – также обладает фольклорным значением. Посев конопли символизирует «дзяўчыну і яе гатоўнасць да любоўных і шлюбных дачыненняў» [14, 224], что в трилогии находит отражение в добрачных отношениях Хадоськи с Евхимом. Сравнение Ганны с маком, а Хадоськи с коноплей подразумевает определенные «опиумные» характеристики героинь, без которых не представляют себе жизни героинь-мужчины Василь, Евхим, Хоня: «Як прываражыла, як бы зеллем апаіла якім!..» [6, 259].

Между тем их судьбы, объединенные отношениями с Евхимом, схожи и Хадоська, и Ганна по его вине теряют детей. Эта утрата приводит каждую из героинь к мысли о самоубийстве, но различен путь, который помогает им возродиться. Ганна-«огонь» возвращается к осознанию собственного человеческого достоинства через бунт, своеобразную войну с семейством Глушаков. Сперва Ганна послушно, «са звыклай паслухмянасцю» [6, 379] следует воле родителей, а затем мужа и свекрови, превращаясь в «работніцу, парабчанку» [6, 95]. Отринув (хотя и не полностью) старые законы, она вступает на новый путь, доселе небывалый для деревенской женщины. Она разрывает устои вековых традиций, образом мыслей приближаясь к таким передовым женщинам села, как учительница Параска и делегатка съезда Анисья. Эволюция сознания Ганны демонстрирует пробуждение сознания деревенской женщины, осознание ею себя человеком, личностью, имеющей право на собственный выбор.

Исключительность образа Ганны неоднократно отмечалась исследователями: «жыць па-добраму!» – гэта дэвіз Ганны, ён робіць яе гераіняй зусім новай, не падобнай да сваіх папярэдніц-гераінь беларускай літаратуры 20–30-х гадоў» [2, 146]. По их мнению, Ганна «представляет собой всё самое светлое, чистое, поэтическое, олицетворение человеческой красоты, любви, добра» [15, 18], «паўстае ва ўсей абаяльнасці сваёй самабытнай натуры, паэтычнай і рэальна-зямной, гордай і сціплай, жаноцкай і непакіснай» [16, 208]. Это «чалавек новага часу» [5, 141], «мы бачым у яе абліччы Асобу» [5, 144].

Как мы полагаем, исключительность Ганны не только в её бунтарском характере и стремлении противостоять обстоятельствам. Она – единственный герой трилогии, который не перекладывает на других, а берёт на себя ответственность за судьбу: «Ці доля – гора ад Бога? Доля – ад чалавека! Ад розуму!» [17, 39]; «Сама вінавата – самой і бедаваць век!» [7, 247]. Именно это принятие ответственности определяет способность Ганны расти и развиваться как личность. Точка зрения Ганны совпадает с позицией автора в понимании вопроса о счастье человека. Ганна и автор для определения счастья выбирают «идеальный» аспект: «Як е ў чалавека шчасце, дак і гаспадарка значыць нешто. А як няма – які толк са ўсяго!..» [7, 136], тогда как все остальные персонажи трилогии предпочитают «материальную» сторону: «як есці не будзе чаго, як зубы на паліцу палажыць прыйдзецца, дак от будзе шчасце!» [7, 136].

Хадоська-«вода», в отличие от Ганны, выбирает иной путь. Спасение от утраты она ищет в Боге: «чула толькі Бога» [7, 49]. Именно вера в Бога, как очищение водой, помогает героине возродиться после перенесённого несчастья. Однако, став глубоко верующим человеком, тем самым Хадоська остается в плену старых законов. Вера в Бога в понимании Хадоськи, да и других крестьян, подразумевает отказ от всего нового, особенно от колхозной жизни. В отличие от Ганны, Хадоська следует традиционным представлениям деревенских женщин, на которые не без основания досадует Башлыков: «з асаблівай упартасцю за старое чапляюцца жанчыны. Самая адсталая і цёмная сіла» [17, 158].

Разные пути, избранные Ганной и Хадоськой, призваны помочь раскрыть противопоставление старого и нового уклада жизни. Эти неписанные законы находятся в постоянно напряжённой конфликтной ситуации, как будто соперничающая в желании переменить на свою сторону героев. Ганна, предлагая Василию начать с ней новую жизнь, хотя бы и за пределами Кураней, по сути, зовет его отказаться от власти старого уклада жизни, где господствующим признаётся «материальное» начало. Если Ганна, «узлавая, даўно не пільнавалася гэтага закону-

абавязку», то Василя он «трымаў, звязваў яго і ўчынкi і думкi» [7, 306]. Выбор в пользу изжившего себя жизненного уклада, предательство «идеального»-любви рушит судьбы героев: «тое, што некалі вяло Ганну к Яўхіму, цяпер не пускала да яе Василя!» [7, 306].

Подчиняется вековым законам и влюблённый в Хадоську Хоня: по ее желанию он, комсомолец, вышел из колхоза и согласился на венчание в церкви. Хоня, впрочем, уверен в том, что время поможет ему просветить свою невесту и привести в колхоз. Он выбирает тактику первоначальных уступок, следуя совету матери Хадоськи: «Але ты – не бойся! Астыне! Толькі ты – па-добраму, па-добраму!» [7, 450]. Читатель, однако, не склонен полностью разделять оптимизм героя, ведь пока победа осталась за Хадоськой. Дальнейшие отношения героев неизвестны, они создают пропуск-лауну в читательском восприятии. Вопрос о том, чья точка зрения окажется решающей в этой семье, остаётся открытым.

Выводы

Таким образом, структурное построение романов И. Мележа «Людзі на балоце» и «Подых наваліныцы» осуществляется на основе принципов параллелизма и контрастности благодаря сюжетным линиям, связанным с судьбами двух главных героинь. Наличие зеркального отражения и противопоставления в двух первых романах трилогии подтверждается посредством раскрытия мифологических характеристик Ганны и Хадоськи. Различие образов героинь, их социальный выбор, их поведение перед лицом жизненных противоречий мотивированы в романе не только психологическими факторами, но и глубинным мифологическим подтекстом, скрытым от читателя. Соотнесённость произведения И. Мележа с глубинными архетипическими представлениями придаёт исторической хронике коллективизации характер подлинной эпопеи народной жизни на крутом переломе истории.

Літаратура

1. Шупенька, Г. Цеплыня чалавечнасці: Нарысы, літаратурныя партрэты, артыкулы / Г. Шупенька. – Мінск : Маст. літ., 1977. – 256 с.
2. Лойка, А. Хваляванне за сучасніка / А. Лойка // Маладосць. – 1963. – № 1. – С. 145–147.
3. Мележ, І. Збор твораў : у 10 т. / І. Мележ. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1985. – Т. 10 : Эпістальярная спадчына (1945–1976); Летпіс жыцця і творчасці. – 496 с.
4. Мележ, І. Жыццёвыя клопаты: Артыкулы, эсе, інтэрв'ю / І. Мележ // Зб. тв. : у 10 т. – Мінск : Маст. літ-ра, 1983. – Т. 8. – 686 с.
5. Тычына, М. А. Карані і крона: фальклор і нацыянальная спецыфіка літаратуры / М. А. Тычына. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 208 с.
6. Мележ, І. Людзі на балоце: Раман з «Палес. хронікі» / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 399 с.
7. Мележ, І. Подых наваліныцы: Раман з «Палес. хронікі» / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 510 с.
8. Швед, І. Капіна / І. Швед // Роднае слова. – 2004. – № 6. – С. 112.
9. Санько, С. Цмок / С. Санько // Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. – Мінск : Беларусь, 2006. – С. 543–544.
10. Струкаў, В. Мянуска ў мове раманаў Івана Мележа / В. Струкаў // Роднае слова. – 2004. – № 6. – С. 22–24.
11. Валодзіна, Т. Сарока / Т. Валодзіна, Л. Салавей // Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. – Мінск : Беларусь, 2006. – С. 452.
12. Крук, І. Бяроза / І. Крук // Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. – Мінск : Беларусь, 2006. – С. 56.
13. Крук, І. Зямля / І. Крук, У. Лобач, Я. Сахута // Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. – Мінск : Беларусь, 2006. – С. 200–202.
14. Малоха, М. Каноплі / М. Малоха // Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. – Мінск : Беларусь, 2006. – С. 224.
15. Овчаренко, А. И. Современный белорусский роман : учеб. пособие для филол. фак-тов ун-тов / А. И. Овчаренко. – М. : Высш. шк., 1978. – 144 с.
16. Куляшоў, Ф. Апошні раман Івана Мележа / Ф. Куляшоў // Польшыя. – 1980. – № 8. – С. 190–210.
17. Мележ, І. Завеі. Снежань: Раман з «Палес. хронікі» / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 238 с.

Summary

The aim of the article is to give the mythological analysis of images of the main heroines of I. Melezh's novels «The people on the marsh» and «The breath of thunderstorm». The mythological opposition found in the images of two main heroines is obviously constructed in the structure of the novels. These structural principles can be announced as parallelism and contrast.

Поступила в редакцию 08.04.11.

УДК 811.581:811.111'37

Н. В. Кралевич

**ЭПИДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА:
ПОДЧИНЕНИЕ (ВКЛЮЧЕНИЕ)
(на материале китайского и английского языков)**

Из всего многообразия эпидигматических связей, устанавливаемых между значениями многозначного слова, наименее изученными представляются отношения подчинения, выделяемые еще Г. Паулем, но до сих пор не ставшие предметом специального исследования. В данной статье выявляются типы и свойства многозначных лексических единиц современного английского и китайского языков, в семантической структуре которых между значениями имеет место подчинительная связь.

Введение

Как онтологическое и функциональное свойство языка и его единиц полисемия привлекает в последнее время все большее внимание лингвистов в связи с разворачиванием коммуникативно-функциональных и когнитивных исследований. В этой связи одним из приоритетных направлений семантических исследований является изучение эпидигматических отношений, которые, не имея формального выражения, носят сложный, скрытый от прямого наблюдения характер. Из всего многообразия эпидигматических связей, устанавливаемых между значениями многозначного слова, наименее изученными представляются отношения подчинения, выделяемые еще Г. Паулем, но до сих пор не ставшие предметом специального исследования. Анализ именно этих связей наряду с метафорическими и метонимическими отношениями необходим для исчерпывающего описания структуры многозначного слова. Необходимость сопоставления общего и специфического в полисемии различных языков не раз отмечалась в лингвистической литературе в качестве одной из актуальных задач лексикологии.

Целью данной статьи является выявление типов и свойств многозначных лексических единиц современного английского и китайского языков, в семантической структуре которых между значениями имеет место подчинительная связь.

Целесообразным представляется изучить данный тип отношений, выявить критерии их определения, изучить грамматические и лексические характеристики, свойственные многозначным лексическим единицам, в семантической структуре которых наблюдаются отношения подчинения (включения), определить классы слов, для которых характерны такого рода отношения, выявить общие закономерности в установлении отношений подчинения и основания, на которых значения многозначного слова вступают в такие отношения.

Изучение отношений подчинения (включения) позволит определить место и роль этих отношений в семантической структуре многозначных лексических единиц, понять их природу и сущность, определить, насколько они распространены в современных китайском и английском языках, какое место эти отношения занимают в системе отношений между лексическими единицами разных типов языков.

Результаты исследования и их обсуждение

До определенного момента считалось, что отношения между лексическими единицами представлены двумя типами отношений: парадигматическими (ассоциативными) и синтагматическими (линейными). Однако более детальное изучение лексической системы языка показало, что существует также третий тип отношений, который представляет еще один тип системной организации лексики. Д. Н. Шмелев выдвинул идею о третьем измерении лексики – «деривационном». «Каждое слово, помимо парадигматических и синтагматических связей, характеризующих его лексическое значение, находится в деривационных отношениях с другими словами – как по линии смысловых ассоциаций, так и по линии словообразовательных

(и шире вообще фонетических) сближений» [6, 11]. Автор называет этот вид отношений деривационными (в широком смысле слова), или эпидигматическими. В эпидигматических отношениях лексики Д. Н. Шмелев видит две стороны. Одна сторона этих отношений обусловлена формально-лексическими связями данного слова с другими словами, т. е. выражается в системных проявлениях словообразования, другой стороной эпидигматических отношений является сторона содержания, которая проявляется во внутренних, семантических процессах по линии смысловых ассоциаций без осложнения формальными моментами. Таким образом, Д. Н. Шмелев выделяет два типа эпидигматических отношений: формально-семантические и семантические. Первые выражаются в систематическом образовании различных дериватов в зависимости от парадигматической и синтаксической обусловленности. Вторые проявляются на линии смысловых ассоциаций, возникающих у носителей языка. Эти ассоциации связаны с представлением о материальной действительности.

Для нас интерес представляет именно вторая сторона эпидигматических отношений, т. е. внутрисловные отношения, в которые вступают или в которых выступают значения многозначного слова.

В современных лингвистических исследованиях признается, что семантическое единство слова обеспечивается семантическим типом отношений между двусторонними лексико-семантическими составляющими слова. Схема этих отношений признается универсальной и представлена в моделях регулярной полисемии. Иерархическое соподчинение значений в семантической структуре слова выводится в рамках регулярной многозначности, получившей наиболее детальное описание в трудах Ю. Д. Апресяна.

Г. Пауль один из первых выработал свою теорию классификации, основанную на определенной логической схеме. В книге «Принципы истории языка» он, рассматривая изменения значений слов, видит источник этих изменений в индивидуальных случаях «отклонения окказионального значения от узуального», в которых и «содержатся зародыши подлинного изменения значений» [3, 103]. Г. Пауль кладет в основу классификации изменения в объеме и содержании соотношенных со словами представлений. В соответствии с этим им выделяются следующие «разновидности смысловых изменений»:

- 1) «сужение объема и обогащение содержания» (специализация значения);
- 2) «обеднение содержания, связанное с расширением содержания представления»;
- 3) «перенос названия на основании пространственных, временных или каузальных связей»;
- 4) «некоторые разновидности изменений значений, не поддающиеся простому подведению под один из трех основных классов» [3, 103].

Более поздней и более детальной по сравнению с классификацией Г. Пауля предстает классификация М. В. Никитина. Предполагается, что типы значений обуславливают и их языковой статус, который определяется соотносительными характеристиками ЛСВ как единицы номинации. В целом же семантическая структура слова определяется как схема содержательных связей между словозначениями в совокупности их статутных характеристик. По мнению автора, основными концептуальными связями словозначений в слове являются импликационный, отражающий взаимодействие и зависимость понятий, и классификационный, отражающий общность понятий по обнаруживаемым признакам, типы. Классификационные связи подразделяются на **гиперогипонимические**, или **родо-видовые**, и **симилятивные**.

Многообразие классификаций значений слова отражает многоплановость, подвижность, семантическую неоднородность и многофункциональность слова. Теория М. В. Никитина на фоне других представляется наиболее подходящей и соответствующей целям нашего исследования в виду того, что когнитивный подход, положенный в основу классификации М. В. Никитина, сделал возможным выявить иерархию логических отношений части и целого, **родо-видовых отношений** внутри многозначного слова [2].

Уже Аристотелю была известна таксономия имен, задающая гиперогипонимическую (т. е. родо-видовую) структуру. Ю. С. Степанов представляет ее в виде дерева последовательных дихотомий [4, 76]: включение слова в гиперогипонимические отношения должно с подключением других параметрических универсалий способствовать извлечению из слова полноты информации, а также уточнению его отношений с сопряженными лексическими единицами [1].

Гиперо-гипонимические связи строятся на основании логического отношения включения или подчинения. Логические операции, на которых основываются отношения подчинения (включения), в лингвистической литературе называются «расширение» и «сужение» понятий. Например, сужение в современном китайском языке **暴雨** *bàoyǔ*: 1) '又急有大的雨 очень сильный дождь', 2) '气象学上1小时降水量达16毫米及以上或24小时降水量达50毫米及以上的雨 дождь с осадками в более 16 мм за 1 час или более 50 мм за 24 часа'. Примером расширения значения может служить слово современного английского языка **sportswear**: 1) *clothes that are worn for playing sports, or in informal situations*, 2) *clothes that are worn in informal situations*.

Выбор лексико-грамматического класса существительных в качестве объекта нашего исследования объясняется тем, что имена существительные обладают наиболее высоким номинационным потенциалом. Более того, как отмечает А. А. Уфимцева, «семантическая структура предметных имен имеет более четкие границы, так как пороги варьирования их лексического содержания, помимо отмеченности теми или иными средствами выражения (в основном лексический контекст), могут быть определены в терминах метаязыка, дефинициями, что очень трудно сделать у признаковых имен, словарная идентификация семантики которых, как правило, осуществляется путем перифрастических и синонимических подстановок» [5, 73], т. е. в семантической микросистеме имен существительных легче прослеживается, вследствие указанных А. А. Уфимцевой особенностей семантической структуры предметных имен, действие механизмов переноса наименований.

Материалом для нашего исследования послужили многозначные существительные современного английского и современного китайского языков, отобранные по словарям Oxford Advanced Learner's Dictionary (2003 г., более 80 000 лексических единиц) [9] и 现代汉语规范词典 (2005 г., более 68 000 лексических единиц) [10]. Являясь одними из наиболее авторитетных лексикографических источников современного английского и китайского языков среди учебных словарей, они лучше других отвечают целям проводимого исследования в силу своего репрезентативного объема, с одной стороны, и по причине детальной системы разработки лексических значений, с другой. Как утверждают сами его составители, они старались, чтобы ни один из аспектов значения не остался упущенным из виду [9, IX], [10, 16].

Отбор материала исследования проводился с помощью метода компонентного анализа, лексические единицы отбирались путем сплошного просмотра словарных статей всех многозначных имен существительных.

Примеры расширения и сужения значения как типа эпидигматической связи мы легко находим как в современном английском, так и в современном китайском языке. Рассмотрим такие лексические единицы, как **authority**: 1) *the power to give orders to people*, 2) *the power or right to do sth* и **mass**: 1) *a substance that does not have a definite shape or form*, 2) *a large amount or quantity of sth* в современном английском языке и **伯父** *bófù*, 1) *父亲的哥哥 дядя, папин старший брат*, 2) *对比父亲年纪大的父辈男子的称呼 дядя*, а также **衬衣** *chèn yī*, 1) *衬衫 рубашка*, 2) *泛指穿在外衣里面的单衣 предмет одежды, надеваемый под верхнюю одежду* в современном китайском языке. На примерах **authority** и **mass**, **伯父** и **衬衣** мы видим, что денотативная область второго значения шире, чем первого. Между значениями существуют отношения включения: второе значение включает в себя первое.

Одной из задач исследования являлось определить, какой из двух процессов (расширение или сужение), в результате которого значения многозначного слова вступают в отношения подчинения (включения), наиболее характерен для современного английского и китайского языков. Принимая во внимание тот факт, что словари *Oxford Advanced Learner's Dictionary* и *现代汉语规范词典* являются синхронными, где принцип расположения значений – функциональный, при определении процесса расширения/сужения мы руководствовались порядком, указанным в вышеперечисленных словарях. Таким образом, отправным значением

для определения интересующих нас отношений являлось значение, указанное в словарной статье на первом месте.

Отношения подчинения в разной степени характерны для английского и китайского языков (см. таблицу 1). Несмотря на то, что 515 лексических единиц современного английского языка были отобраны из общего количества в $\approx 80\,000$ единиц, а 260 современного китайского языка – из $\approx 68\,000$ единиц, процентное соотношение показывает, что исследуемые лексические единицы английского языка составляют 0,64% от общего количества, а китайского – 0,38%. Следовательно, отношения подчинения чаще встречаются среди значений многозначных существительных современного английского языка, чем среди значений многозначных существительных современного китайского языка.

Таблица 1 – Многозначные имена существительные **английского** и **китайского** языков с подчинительной связью

Английский язык				Китайский язык			
расширение		сужение		расширение		сужение	
Количество	%	Количество	%	Количество	%	Количество	%
264	51,26	251	48,73	111	42,69	149	57,3
515 (0,64%)				260 (0,38%)			
Более 80 000 лексических единиц				Более 68 000 лексических единиц			
Oxford Advanced Learner's Dictionary				现代汉语规范词典			

Диапазон расширения в отношениях подчинения (включения) достаточно велик. В исследуемом материале расширение значения наблюдается в 51,26% многозначных имен существительных современного английского языка и 42,69% многозначных имен существительных современного китайского языка, из чего ясно, что процесс расширения является преобладающим в современном английском языке. Сужение как тип эпидигматической связи наблюдается в 48,73% многозначных имен существительных современного английского языка и 57,3% многозначных имен существительных современного китайского языка, следовательно, процесс сужения преобладает в современном китайском языке.

Мы анализируем процессы сужения и расширения на синхронном уровне, рассмотрение этих же явлений в диахроническом аспекте также может представлять интерес, однако при такой постановке вопроса возникают многие трудности, связанные с определением диахронических процессов, которые возникают в развитии значений лексических единиц.

Лексико-семантический анализ многозначных имен существительных с подчинительной связью проводился нами с целью выявления лексико-семантических характеристик исследуемых лексических единиц, а также разработки классификации имен существительных, которая позволила бы выявить закономерности действия процессов расширения/сужения в рамках определенных лексико-семантических классов. В качестве теоретической базы для определения лексико-семантических свойств имен существительных с отношениями включения (расширения/сужения) была выбрана лексико-семантическая классификация, описанная в «Русском семантическом словаре» под общей редакцией Н. Ю. Шведовой [7], [8]. На основании компонентного анализа дефиниций, приводимых в используемых нами толковых словарях английского (*Oxford Advanced Learner's Dictionary*) и китайского (*现代汉语规范词典*) языков, нами были определены те лексико-семантические группы многозначных имен существительных, в которых наблюдаются отношения подчинения.

Таблица 2 – Распределение по лексико-семантическим классам многозначных имен существительных **английского и китайского** языков, между значениями которых имеет место **подчинение** как тип эпидигматической связи

Класс наименований	Английский язык	Китайский язык
	Процентное соотношение	Процентное соотношение
Лица	18,45%	26,54%
Абстрактные понятия	12,23%	18,64%
Процесс, изменение, развитие чего-либо	12,04%	1,53%
Часть чего-либо	11,65%	6,53%
Средство, с помощью которого выполняется действие	6,21%	6,15%
Место, местоположение, местонахождение	4,08%	8,84%
Строение	4,08%	3,07%
Различные объединения людей	3,88%	3,84%
Эмоции, чувства, человеческие качества, ощущения	3,69%	1,92%
Искусство	2,91%	3,84%
Отвлеченное понятие, событие	2,72%	0,38%
Пищевые продукты	2,72%	1,53%
Животные	2,52%	1,92%
Одежда	2,14%	1,53%
Технические устройства, понятия	2,14%	4,61%
Учреждения образования, организации	1,75%	1,53%
Природа, природные явления	1,75%	5,38%
Помещения	1,75%	–
Утварь	1,17%	0,76%
Спорт	0,78%	0,38%
Транспортные средства	0,58%	0,38%
Наука	0,39%	–
Должность	0,19%	–
Вещества	–	0,38%

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что отношения подчинения в большей степени характерны для значений многозначных имен существительных (как для современного китайского, так и для современного английского языка), которые отнесены к лексико-семантическому классу наименований «Лица» (см. таблицу 2).

Выводы

Выводы, сделанные в результате проведенного исследования, можно резюмировать следующим образом:

- 1) отношения подчинения достаточно широко представлены в семантической структуре многозначного слова наряду с иными типами отношений;
- 2) направлением отношений подчинения (включения) в современном английском языке, как свидетельствуют языковые данные, является преимущественно связь от более узкого значения к более широкому, в то время как связь значений от более общего к более частному представлена в гораздо меньшей степени;
- 3) направлением отношений подчинения (включения) в современном китайском языке, как свидетельствуют языковые данные, является преимущественно связь от общего к более частному, в гораздо меньшей степени представлена связь от более узкого значения к более широкому;
- 4) эпидигматические связи подчинения наиболее характерны для конкретных имен существительных, нежели для абстрактных, с точки зрения категории конкретности/абстрактности;
- 5) существует определенная корреляция между лексико-семантическими характеристиками многозначных имен существительных и данным типом эпидигматических связей как

в современном китайском, так и в современном английском языках. Отношения подчинения характерны для многозначных имен существительных, относящихся к лексико-семантическому классу наименований «Лица»;

б) для лексических единиц, в семантической структуре которых выявляются отношения подчинения, характерно сохранять свои лексико-семантические свойства.

Практическая ценность настоящего исследования состоит в возможности применения полученных результатов исследования в практике преподавания иностранного языка.

Литература

1. Гридасова, А. В. Проблема гиперонимии и гипонимии в лексикографическом аспекте русского и английского языков / А. В. Гридасова // В мире научных открытий [Электронный ресурс]. – 2010. – № 4. – Режим доступа : <http://nkras.ru/nt/2010/Gridasova.pdf>. – Дата доступа : 23.12.2010.
2. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с.
3. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Иностр. лит., 1960. – 499 с.
4. Степанов, Ю. С. Имена, предикаты, предложения / Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 361 с.
5. Уфимцева, А. А. Лексическое значение (принцип семасиологического описания лексики) / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
6. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 2 т. / РАН, Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. – Т. 1: Слова указующие (Местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). – 807 с.
8. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: в 2 т. / РАН, Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. – Т. 2: Имена существительные с конкретным значением. – 674 с.
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary / ed. by S. Wehmeier. – 6th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 1539 p.
10. 现代汉语规范词典 / 主编: 李行健. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2004. – 1758 页.

Summary

Among the variety of the epidigmatic relations that can be found in the semantic structure of a polysemantic word less studied type is subordination. Subordination as the type of epidigmatic relations was first described by G. Paul, but it wasn't still thoroughly studied. In this article different types and features of the polysemantic words of the Chinese and English languages with the subordinative relations are described.

Поступила в редакцию 16.06.11.

УДК 811.1'36

*Е. Г. Панфилова***ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
ФРАЗЕОЛОГИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА****(на материале фразеологических корпусов русского, белорусского и немецкого языков)**

В статье рассмотрена грамматическая структура русской, белорусской и немецкой фразеологии на основе моделирующего корпуса с высокочастотными существительными, прилагательными и глаголами. Показан удельный вес соотносимых и несоотносимых с частями речи фразем, а также количественное соотношение частеречных разрядов фразем в трёх языках. Выявлены черты сходств и основные различия в грамматическом устройстве фразеологии трёх языков.

Введение

Фразеология в аспекте грамматики изучалась в ряде работ отечественных и зарубежных авторов. Еще А. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка» (1925/1927), выделив «неразложимые словосочетания», под которыми понимал «такие словосочетания, которые состоят из двух или нескольких слов, представляющих одно грамматическое целое, но являющихся в такой форме, которая исключает возможность признать их взаимную зависимость и не даёт также возможности признать которое-нибудь из них самостоятельным членом предложения» [1, 418], писал о том, что они могут быть «законченными» и «незаконченными» [1, 278]. А. А. Шахматов также поставил проблему изучения синтаксической роли неразложимых словосочетаний в предложении; наметил путь изучения устойчивых словосочетаний по их отношению к различным частям речи. Эти идеи позже были развиты в исследованиях по фразеологии Н. М. Шанского (1963), В. Л. Архангельского (1964), И. И. Чернышевой (1970, 2003), А. Роткегель (1973), А. И. Молоткова (1977), И. Я. Лепешева (1976, 1998), А. С. Аксамитова (1978), Н. А. Даниловича (1991), В. Фляйшера (1982) и многих других. Исследователи установили, что с точки зрения синтаксической организации выделяются фраземы со структурой сочетания слов и фраземы со структурой предложения. Н. М. Шанский среди фразем со структурой предложения по значению выделил две группы: «В одну входят фразеологизмы, называющие то или иное явление действительности (номинативные): *кот заплакал 'мало', руки не доходят 'некогда'*. [...] В другую входят фразеологизмы, являющиеся коммуникативными единицами и передающие целое сообщение: *Голод не тетка; Держи карман шире!*» [2, 72]. В ряде работ были выявлены наиболее продуктивные и, напротив, редкие синтаксические модели строения русских, белорусских и немецких фразем. При этом исследователи отметили разную степень семантической значимости и синтаксической самостоятельности компонентов в составе ФО (фразеологического оборота), поставив вопрос о грамматически опорном слове. Фразеологизмы разных языков изучались также в аспекте частеречной принадлежности и выполняемых ими синтаксических функций.

В настоящей статье представлен опыт моделирования частеречной структуры фразеологии русского, белорусского и немецкого языков. Поскольку объёмы фразеологии в этнических языках практически необозримы, то грамматическая структура фразеологии исследуется на основе моделирования. Ю. Д. Апресян так писал об эвристической ценности моделирования: «смысл моделирования состоит в том, чтобы вместо скрытых от нас свойств объекта изучить заданные в явном виде свойства модели и распространить на объект все те законы, которые выведены для модели» [3, 79]. Исследование грамматической структуры фразем путем создания моделирующего корпуса (для каждого из языков отдельно) позволит определить и сопоставить, во-первых, удельный вес соотносимых и несоотносимых с частями речи фразем в трёх языках и, во-вторых, количественное соотношение оборотов разной частеречной принадлежности во фразеологии трёх языков.

Для создания фразеологического корпуса были отобраны по 10 крупных фразеологических гнезд с высокочастотными существительными (*голова, рука, глаз, день, слово, ветер* и др.), прилагательными (*черный, белый, легкий, большой, малый* и др.) и глаголами (*делать, идти, брать, давать, сказать* и др.) в каждом языке общей численностью 4079 единиц. Количество рассматриваемых фразем в русском языке составляет 952 единицы, в белорусском – 1110,

в немецком – 2020. Фразеологическое гнездо рассматривается в данной работе не как продукт фразеологической активности всегда именно повторяющегося (общего для гнезда) слова, а как средство методически корректного формирования модели, в которой представлена фразеология во всем своем грамматическом разнообразии. Изучение групп фразем именно с высокочастотными словами обусловлено тем, что такие слова обладают высокой фразеологической активностью, что обеспечивает достаточную для исследования численность ФО.

Результаты исследования и их обсуждение

Фраземы, соотносимые с той или иной частью речи, т. е. фраземы со структурой словосочетания, составляют большинство в исследуемом корпусе трёх языков. Удельный вес их в русских фразеологических гнездах равен 87,2% (830 ФО из 952), в белорусских – 88,1% (978 ФО из 1110), в немецких – 90,1% (1821 ФО из 2020). При установлении частеречной принадлежности фразем использовался морфологический критерий: эта принадлежность соответствует частеречной принадлежности синтаксически независимого компонента в составе фраземы. В зависимости от того, какой частью речи является синтаксически независимый компонент фраземы, все соотносимые с частями речи ФО в нашем материале делятся на четыре группы:

1) глагольные: рус. *из головы* (или *из ума*) *не идти* ‘быть постоянно в мыслях, в сознании’ (МАС, I, 633), бел. *бачыць (навылёт) навывлет* ‘вельмі добра ведаць каго-н.’ (ТБСМ, I, 353), нем. *auf schwachen Beinen stehen* (досл. ‘стоять на слабых ногах’) ‘быть неточным, необоснованным’ (Dud, XI,105);

2) субстантивные: рус. *в головах* ‘в изголовье’ (МАС, I, 325), бел. *дзень ада дня* ‘а) з кожным днём, паступова; б) штодзень, кожны дзень’ (ТБСМ, I, 168), нем. *frischer Wind* (досл. ‘свежий ветер’) ‘новый подъем, размах, воодушевление, вдохновение’ (Dud, XI, 872);

3) адъективные: рус. *тяжел* (*тяжелый*) *на ногу* ‘о том, кто неповоротлив, неповоротлив при ходьбе’ (МАС, IV, 610), бел. *цяжкі на пад’ём* ‘а) пра чалавека, якога цяжка ўгаварыць куды-н. пайсці, паехаць і пад.; б) пра таго, хто з неахвотай прымаецца за што-н., ідзе на што-п.’ (ТБСМ, V, ч. 2, 279), нем. *klein, aber fein* (досл. ‘малый, но красивый, хороший’) ‘разг. малый, но очень хороший’ (Dud, XI, 422);

4) адвербиальные: *с глаз долой* (*уйти, убраться*) ‘прочь’ (МАС, I, 314), бел. *дагары нагамі* ‘а) на спіну, уверх нагамі (паваліцца, паляцець і пад.); б) у перавернутым, перакручаным становішчы, нізам уверх; в) зусім процілегла таму, як павінна было б быць (пра ход якіх-н. спраў), парушэнне звычайнага парадку’ (ТБСМ, II, 112).

Количественное соотношение частеречных разрядов фразем в гнездах с лексемами-существительными, прилагательными и глаголами в материале трёх рассматриваемых языков представлено в таблицах 1, 2, 3, а общее количество и процентное соотношение глагольных, субстантивных, адъективных и адвербиальных фразем в материале трёх языков в таблице 4. Для наглядности данные таблицы 4 отображены в диаграмме на рисунке 1.

Таблица 1 – Количественное соотношение частеречных разрядов фразем в русских фразеологических гнездах с лексемами-существительными, прилагательными и глаголами

Общее кол-во ФО в фразеологических гнездах с		Объемы частеречных разрядов фразем			
		Субстантивные	Глагольные	Адъективные	Адвербиальные
Существительными	479 (100%)	179 (37%)	282 (59%)	11 (2,3%)	7 (1,7%)
Глаголами	183 (100%)	–	183 (100%)	–	–
Прилагательными	168 (100%)	143 (85,1%)	17 (10,1%)	8 (4,8%)	–

Таблица 2 – Количественное соотношение частеречных разрядов фразем в белорусских фразеологических гнездах с лексемами-существительными, прилагательными и глаголами

Общее кол-во ФО в фразеологических гнездах с		Объемы частеречных разрядов фразем			
		Субстантивные	Глагольные	Адъективные	Адвербиальные
Существительными	606 (100%)	200 (33%)	394 (65%)	9 (1,5%)	3 (0,5%)
Глаголами	223 (100%)	–	223 (100%)	–	–
Прилагательными	149 (100%)	124 (83,3%)	12 (8%)	13 (8,7%)	–

Таблица 3 – Количественное соотношение частеречных разрядов фразем в немецких фразеологических гнездах с лексемами-существительными, прилагательными и глаголами

Общее кол-во ФО в фразеологических гнездах с		Объемы частеречных разрядов фразем			
		Субстантивные	Глагольные	Адъективные	Адвербиальные
Существительными	632 (100%)	78 (12,3%)	552 (87,3%)	2 (0,4%)	–
Глаголами	975 (100%)	–	975(100%)	–	–
Прилагательными	214 (100%)	71 (33,2%)	131 (61,2%)	12 (5,6%)	–

Таблица 4 – Количественное соотношение частеречных разрядов фразем в материале русского, белорусского и немецкого языков

Частеречные разряды фразем	В русском материале		В белорусском материале		В немецком материале	
	Кол-во ФО	Ранг	Кол-во ФО	Ранг	Кол-во ФО	Ранг
Субстантивные	322 (38,8%)	II	324 (33,2%)	II	149 (8,2%)	II
Глагольные	482 (58,1%)	I	629 (64,3%)	I	1658 (91%)	I
Адъективные	19 (2,3%)	III	22 (2,2%)	III	14 (0,8%)	III
Адвербиальные	7 (0,8%)	IV	3 (0,3%)	IV	–	–
Всего	830 (100%)		978 (100%)		1821 (100%)	

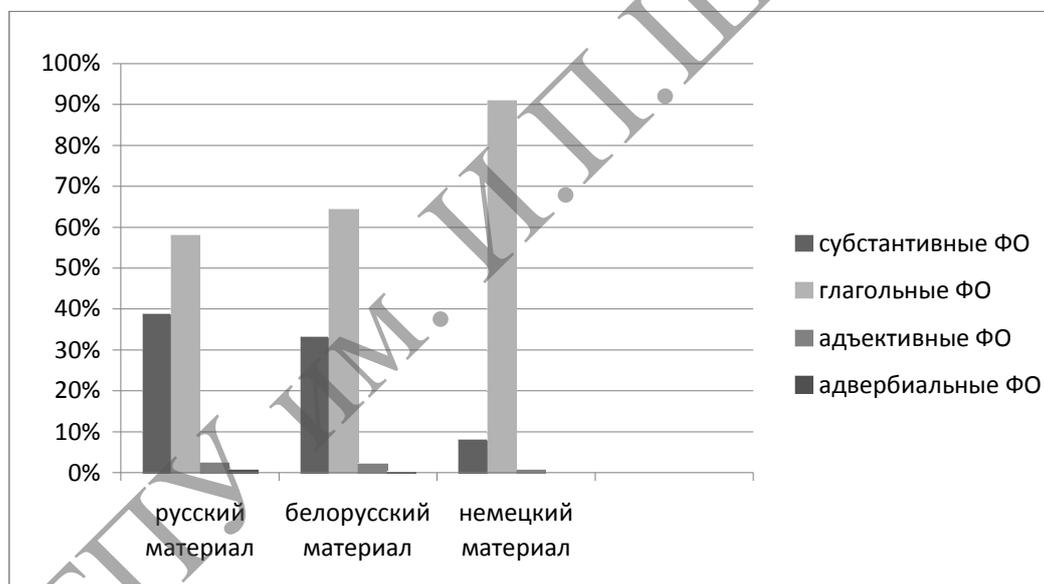

Рисунок 1 – Процентное соотношение частеречных разрядов фразем в материале русского, белорусского и немецкого языков

Как показывают таблицы и диаграмма, общей чертой русского, белорусского и немецкого языков является то, что в аспекте количественной представленности во фразеологии ранги частеречных разрядов фразем совпадают. На первом месте по численности в трёх языках находятся глагольные обороты, на втором – субстантивные. Затем следуют фраземы с синтаксически независимым прилагательным, которые в трех языках представлены не широко. Удельный вес адвербиальных фразем в материале русского и белорусского языков составляет менее 1%, а в материале немецкого языка фраземы с опорным наречием отсутствуют. Таким образом, основной фонд фразеологии трёх языков образуют глагольные и субстантивные обороты, составляя 96,9%, 97,5% и 99,2% от общего количества соотносимых с частями речи фразем в русском, белорусском и немецком материале соответственно.

Межъязыковые различия состоят в разной частеречной структуре исследованного фразеологического корпуса с одной стороны в немецком языке, а с другой, – в славянских языках. В немецком языке, в сравнении с русским и белорусским, намного выше удельный вес фразем с грамматически опорным глаголом и значительно ниже удельный вес субстантивных фразем. Это особенно хорошо видно при сопоставлении процентного соотношения частеречных разрядов фразем в составе фразеологических гнезд с лексемами-существительными и прилагательными в трёх языках (см. таблицы 1, 2, 3). Так, в немецком материале в группах фразем с прилагательными глагольные ФО составляют 61,2% от общей численности, в то время как в соответствующих русских и белорусских гнездах удельный вес глагольных фразем только 10,1% и 8%. В немецких фразеологических гнездах с лексемами-существительными удельный вес глагольных оборотов более чем на 20% выше, чем удельный вес глагольных фразем в русских и белорусских гнездах с существительными. Субстантивных фразем в материале славянских языков в группах с прилагательными и существительными, напротив, в три раза больше, чем в материале немецкого языка.

Оценка статистической значимости количественных межъязыковых различий в соотношении глагольных и субстантивных фразем в трёх языках (данные таблицы 4) проводилась по методике, предложенной И. А. Носенко [4, 89–94]. Коэффициенты надёжности для каждой пары языков рассчитывались по формуле $z = \frac{m_1/N_1 - m_2/N_2}{\sqrt{\frac{pq}{n}}}$ и равны относительно различий

в удельном весе глагольных фразем 19,6 (для русского и немецкого языков) и 12,9 (для белорусского и немецкого языков); относительно различий в удельном весе субстантивных фразем – 3,43 (для русского и немецкого языков) и 3,86 (для белорусского и немецкого языков). При допустимой 5% погрешности полученные коэффициенты доверия сравнивались со значением двустороннего критерия $z_{\alpha/2} = 1,96$. В случае, если значение z больше 1,96, различия следует считать релевантными. Все значения больше, чем 1,96, следовательно, выявленные различия существенны. Статистически значимыми являются и различия между славянскими языками и немецким в удельном весе субстантивных и глагольных фразем в группах ФО с существительными и прилагательными (данные таблиц 1, 2, 3). Коэффициенты надёжности различий в удельном весе глагольных и субстантивных фразем в группах с существительными равны 10,8 и 10,2 соответственно (для русского и немецкого языков) и 9,1 и 9,1 соответственно (для белорусского и немецкого языков). Коэффициенты надёжности различий в удельном весе глагольных и субстантивных фразем в группах с прилагательными равны 10 и 10,2 соответственно (для русского и немецкого языков) и 10,2 и 10 соответственно (для белорусского и немецкого языков).

Различия в частеречной структуре фразеологии близкородственных русского и белорусского языков заключаются в том, что удельный вес глагольных фразем в белорусской фразеологии на 6% выше, чем в русской; а удельный вес субстантивных фразем, напротив, на 5% выше в рассматриваемом русском материале, чем в белорусском.

Большой удельный вес глагольных фразем и меньший удельный вес субстантивных ФО в немецком языке, чем в славянских, обусловлен рядом причин. Ниже рассмотрены важнейшие из них.

1) Большая обязательность глагола в структуре немецкого предложения, в отличие от русского и белорусского. Эта типологическая особенность немецкого синтаксиса проявляется во фразеологии следующим образом: много фразем, в которых отсутствуют полнозначные глаголы, содержат глаголы-связки *haben* или *sein*, необходимые для употребления данных оборотов в речи. Сравним следующие сходные по значению фраземы в славянских языках и немецком: рус. *под рукой* (под руками) ‘в непосредственной близости, так, что удобно достать, воспользоваться’ (МАС, III, 738), бел. *над рукамі* (*над рукой*) ‘близка, так што можна дастаць, выкарыстаць’ (ТБСМ, IV, 724), нем. *etw. bei der Hand haben* (досл. ‘иметь что-л. около руки’) ‘иметь что-л. в непосредственной близости, иметь что-л. в распоряжении’ (Dud, XI, 328).

2) Значительно более развитая система словосложения в немецком языке, чем в славянских. Словосложение, как известно, функционально граничит с синтаксисом, поэтому между компонентами сложного слова возникают такие отношения, которые повторяют синтаксические связи между словами. В. Г. Адмони, приводя фраземы *blaue Bohnen* (досл. ‘синие бобы’)

‘шутл. пули’ (Dud, XI, 126), *laufende Band* (досл. ‘бегущая лента’) ‘конвейер’ (Dud, XI, 92), писал, что для немецкого языка такие обороты «менее характерны, чем для русского языка, поскольку в немецком языке для оформления лексических единиц, вновь возникающих на основе превращения определительной связи в одно предметное понятие, широко используется словосложение» [5, 304]. Широкие возможности немецкого языка выражать определительную связь в рамках сложных существительных приводят к тому, что в немецкой фразеологии значительно меньше оборотов, образованных по моделям «имя прилагательное + имя существительное» и «имя существительное + форма родительного падежа имени существительного», чем во фразеологии славянских языков. В рассмотренном корпусе русским и белорусским фраземам, построенным по названным моделям (независимо от степени их семантической слитности), в немецком языке часто соответствуют сложные слова, например: рус. *тяжелая промышленность* – бел. *цяжкая прамысловасць* – нем. *die Schwerindustrie*; рус. *широкий экран* – бел. *шырокі экран* – нем. *die Breitwand*; рус. *рабочий день* – бел. *рабочы (працоўны) дзень* – нем. *der Arbeitstag*; рус. *повестка дня* – бел. *навестка дня* – нем. *die Tagesordnung* и др.

3) В немецком языке шире, чем в славянских, распространено расщепленное сказуемое («сказуемое, выраженное глагольно-именным словосочетанием, синонимичным глаголу. Русск. *Их подвергают наказанию* ср. *Их наказывают*» [6, 415]). Речь идет о таких фраземах как рус. *дать начало чему* ‘быть источником, отправным пунктом чего-л.’ (МАС, I, 366) бел. *браць (узяць) у разлік* ‘улічваць (улічыць), прымаць (прыняць) пад увагу’ (ТБСМ, I, 405), нем. *Abschied nehmen* (досл. ‘брать прощание’) ‘1. попрощаться перед долгой разлукой; 2. провести в последний путь покойника’ (Dud, XI, 30). Существование таких структур еще в середине XIX в. отметил Ф. И. Буслаев [7, 260]. В. Г. Гак называл устойчивые обороты типа *оказать помощь, впасть в отчаяние* «предикативными (глагольными) аналитическими структурами» и отмечал, что «в этих структурах основным носителем значения является существительное, семантически соотносящееся с глаголом синтетической структуры, а в качестве *q* [десемантизированного компонента (Е. П.)] выступает глагол с «побледневшим» собственным значением [8, 137].

Наличие большего числа глагольно-именных аналитических конструкций в немецком материале в сравнение с материалом славянских языков, связано с тем, что в немецком языке в большей степени проявляется тенденция к аналитизму, чем в славянских. По данным В. Г. Адмони, такие конструкции (в терминологии лингвиста «глагольные фразеологические сочетания») представлены уже в древневерхнегерманском языке (VIII–XI вв.). Основной причиной, которая обусловила развитие этой формы в немецком языке, В. Г. Адмони считает «структурную функцию аналитических форм, т. е. стремление к рамочной организации предложения, которая иногда оказывается возможной лишь в результате замены простого глагола таким фразеологическим сочетанием» [9, 217]. А. Д. Райхштейн придерживается сходного мнения, считая, что глагольные аналитические конструкции формируются преимущественно для осуществления структурно-грамматических функций, а их более широкое распространение в немецком языке в сравнении с русским автор объясняет тем, что «в немецком языке слабее представлены синтетические средства выражения соответствующих значений в рамках цельноформированных глаголов» [10, 120].

В исследованных фразеологических корпусах трёх языков все фраземы со структурой предложения являются несоотносимыми с частями речи, например, рус. *голова пухнет* ‘о состоянии крайнего умственного напряжения в результате долгих размышлений, раздумий над чем-л., обилия впечатлений и т. д.’ (МАС, III, 556), нем. *jmdm. fehlen die Worte* (досл. ‘у кого-л. отсутствуют слова’) ‘кто-л. онемел (от удивления), не находит слов’ (Dud, XI, 883) и др. Удельный вес несоотносимых с частями речи фразем со структурой предложения составляет в материале русского языка 12,8%, в материале белорусского языка – 11,9%, в немецком материале – 9,9%. Фраземы со структурой предложения встречаются в группах как с глаголами, так и с существительными и с прилагательными. Вместе с тем их удельный вес во фразеологических гнездах с лексемами, принадлежащими к разным частям речи, различен. Количественное соотношение фразем со структурой предложения в группах фразем с существительными, прилагательными и глаголами в материале русского, белорусского и немецкого языков представлено в таблице 5.

Таблица 5 – Количественное соотношение фразем со структурой предложения в группах с лексемами-существительными, прилагательными и глаголами в материале русского, белорусского и немецкого языков

ФО в составе гнёзд с	В русском материале		В белорусском материале		В немецком материале	
	Кол-во ФО	Ранг	Кол-во ФО	Ранг	Кол-во ФО	Ранг
Существительными	73 (59,8%)	I	80 (60,6%)	I	71 (35,7%)	II
Прилагательными	7 (5,7%)	III	1 (0,8%)	III	13 (6,5%)	III
Глаголами	42 (34,5%)	II	51 (38,6%)	II	115 (57,8%)	I
Всего	122 (100%)		132 (100%)		199 (100%)	

Легко видеть, что фраземы со структурой предложения достаточно широко распространены в субстантивных и глагольных фразеологических гнёздах трех языках, а в группах фразем с прилагательными данный структурный тип ФО представлен небольшим количеством единиц, поскольку основной базой для построения предложения в любом языке служат в первую очередь глаголы и имена существительные. К межъязыковым различиям относится то, что в славянских языках фраземы со структурой предложения преобладают в субстантивных фразеологических гнёздах, в то время как в немецком языке их больше в глагольных гнёздах. Это объясняется тем, что значимость глагола в организации предложений в русском и белорусском языках уступает значимости глагола в построении немецкого предложения, так как в русском и белорусском языках широко распространены односоставные безглагольные предложения, которые практически отсутствуют в немецком языке.

Выводы

Моделирование грамматической структуры русской, белорусской и немецкой фразеологии на материале корпуса фразем с высокочастотными словами трёх частей речи показало, что фразеологические фонды трёх языков в аспекте частеречной отнесенности имеют много общего. Во-первых, процент соотносимых и несоотносимых с частями речи фразем в трёх языках приблизительно равен (везде фраземы со структурой предложения, функционально несоотносимые с частями речи, составляют примерно 1/10 фразеологии). Во-вторых, среди соотносимых с частями речи фразем ранги частеречных разрядов ФО совпадают (на первом месте по численности в трех языках глагольные фраземы, на втором – субстантивные, затем следуют адъективные и адвербиальные ФО). Основные различия фразеологии немецкого и славянских языков состоят, во-первых, в значительно большем удельном весе глагольных фразем в немецком языке, чем в славянских; и, во-вторых, в меньшем проценте субстантивных ФО в немецком языке, чем в русском и белорусском. Названные различия обусловлены следующими типологически значимыми различиями между двумя восточнославянскими языками и немецким языком: 1) в немецком языке глагол более обязателен в структуре предложения, чем в русском и белорусском; 2) в немецком языке значительно более развита система словосложения, чем в славянских; 3) в немецком языке шире распространено расщеплённое сказуемое, чем в славянских языках. Грамматические различия между фразеологическими фондами близкородственных русского и белорусского языков носят более тонкий и частный характер. Они заключаются в несколько большем удельном весе глагольных фразем и меньшем удельном весе субстантивных ФО в белорусской фразеологии, чем в русской.

Список сокращений

МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. 1. – 698 с. ; Т. 2. – 736 с. ; Т. 3. – 752 с. ; Т. 4. – 800 с.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. (6 кн.) / пад агул. рэд. К. К. Крапівы. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыклапедыя, 1977–1984. – Т. 1. – 608 с. ; Т. 2. – 768 с. ; – Т. 3. – 672 с. ; Т. 4. – 768 с. ; Т. 5. – Ч. 1. – 663 с. ; Т. 5. – Ч. 2. – 608 с.

Dud. – Duden in 12 Bänden. Bd. 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: 3. Auflage. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2008. – 959 S.

Літэратура

1. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка [1941] / А. А. Шахматов. – Изд. 4-е. – М. : ЛКИ, 2007. – 620 с.
2. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка : учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература» / Н. М. Шанский. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1985. – 160 с.
3. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю. Д. Апресян. – М. : Просвещение, 1966. – 305 с.
4. Носенко, И. А. Начала статистики для лингвистов / И. А. Носенко. – М. : Высш. шк., 1981. – 157 с.
5. Адмони, В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – М. : изд-во лит. на ин. яз., 1955. – 392 с.
6. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
7. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис [1863] / Ф. И. Буслаев. – Изд. 7-е. – М. : КомКнига, 2006. – 344 с.
8. Гак, В. Г. Десемантизация языкового знака в аналитической структуре / В. Г. Гак // Аналитические конструкции в языках различных типов. – М. ; Л. : Наука, 1965. – С. 130–142.
9. Адмони, В. Г. Морфологическая структура слова в немецком языке / В. Г. Адмони // Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. – М. : Наука, 1970. – С. 182–221.
10. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Райхштейн – М. : Высш. шк., 1980. – 143 с.

Summary

The article considers the grammatical structure of Russian, Belarusian and German phraseology based on the modeling corpus with high-frequency nouns, adjectives and verbs. It also shows the proportion of phrasemes correlative and non-correlative with parts of speech and the proportion of grammatical classes of phrasemes in three languages. The main similarities and differences between the grammatical structures of phraseology of three languages are revealed.

Поступила в редакцию 20.05.11.

УДК 811.111:811(043.3)

Е. В. Сажина

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ АДРЕСАТА ПОЛЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена языковым особенностям взаимодействия коммуникантов полемиического дискурса печатных СМИ. В ходе проведения исследования на материале англоязычных проблемных статей и откликов на них определен репертуар языковых средств, характерных для репрезентации согласия и несогласия адресата с точкой зрения как автора проблемной статьи, так и её героев, а также с мнением других читателей. Было установлено, что согласие/несогласие в основном реализуется посредством косвенных речевых актов, получающих языковую репрезентацию в виде метафор, риторических вопросов, восклицательных и побудительных предложений. При этом речевой акт согласия/несогласия адресата сопровождается оценкой, которая в большинстве случаев выражена эмоционально-оценочной или оценочной лексикой. Оценка, которую дает адресат, свидетельствует как об отношении читателя к самой статье в целом, так и о степени популярности темы, затронутой адресантом.

Введение

Любой вид коммуникации невозможен без косвенного или прямого участия адресата, представляющего собой лицо, которому адресовано высказывание. Дискурс, понимаемый как речь, вписанная в коммуникативную ситуацию, и в силу этого как категория с более отчетливо выраженным социальным содержанием по сравнению с речевой деятельностью индивида [1], предполагает наличие двух, как и любой коммуникативный акт, фундаментальных ролей – говорящего (адресанта, автора) и адресата (читателя). При этом роли говорящего и адресата могут поочередно перераспределяться между лицами – участниками дискурса.

Учет адресата с его типологическими характеристиками становится определяющим фактором для отбора языковых средств и принципов построения проблемной статьи в полемиическом дискурсе печатных СМИ, поскольку владение информацией об адресате может способствовать повышению степени успешности коммуникации. В связи с этим внимание лингвистов обращено к определению характеристик адресата и его языка, что, в свою очередь, может предоставить возможность моделировать ситуации взаимодействия с учётом полученных знаний об адресате.

Результаты исследования и их обсуждение

Исследованию категории «адресат» на различном материале посвящены работы многих лингвистов. Так, А. И. Белецкий говорит о читателе как о некоей активной составляющей литературного произведения и отводит ему функцию формирования самой идеи произведения. При этом, по словам исследователя, автор может и не подозревать о существовании этой идеи [2].

М. М. Бахтин указывал на то, что обращённость, адресованность высказывания является его отличительной особенностью и каждый речевой жанр имеет «типическую концепцию адресата» [3].

Н. Д. Арутюнова характеризует фактор адресата в его отношении (1) к речевым актам, (2) к внутренней речи и (3) к литературному тексту. По ее словам, исходя из осознания того факта, что речевое высказывание имеет направленность на конкретное или неконкретное лицо, имеющее свои характеристики, коммуникативное намерение автора речи должно согласовываться с этими характеристиками [4]. То есть выбор речевого акта опирается на определённую модель адресата.

Несмотря на повышенный интерес к данному явлению, «проблема адресата, – как отмечает Е. В. Белоглазова, – является наиболее сложной и наименее изученной в силу эфемерности параметров образа читателя». Однако любой текст предназначен для прочтения, следовательно, в речевой организации текста неизбежно отражается его ориентация на определённый тип адресата [5, 145].

Адресат массовой коммуникации в отличие от адресата в ситуации непосредственного диалогического общения – это не присутствующий в ситуации коммуникативного акта реальный индивидуум, а потенциальное неопределённое множество лиц, которые могут взять в руки тот или иной журнал или газету или оказаться слушателями радиопередачи или зрителями телепрограммы. Поэтому автор текста массовой информации сам моделирует своего типового адресата, осуществляя коммуникативный акт, рассчитанный на определённую группу, выделяемую по половому, возрастному, национальному, социальному, конфессиональному, мировоззренческому и т. п. признакам. Однако адресант полемиического дискурса печатных СМИ имеет возможность получить отклики на статьи и тем самым сформировать определенное представление о своей потенциальной аудитории, чтобы учитывать её различные характеристики при построении дальнейшей коммуникации.

Таким образом, целью настоящей статьи является установление языковых особенностей откликов читателей, представляющих собой структурный компонент полемиического дискурса печатных СМИ, что позволит в дальнейшем расширить представление о мотивах, интенциях, эмоциональных реакциях, а также об отношении адресата полемиического дискурса к той или иной проблеме, равно как и о готовности читателя принять участие в решении этой проблемы.

Для проведения практического анализа методом сплошной выборки были отобраны проблемные статьи и отклики на них в англоязычной прессе. Анализ материала показал, что для участников полемиического дискурса характерно диалогическое взаимодействие. Общеизвестным является факт, что любое диалогическое общение должно приводить к согласию или несогласию, которые могут выражаться различными языковыми средствами, поэтому в настоящей статье особое внимание уделяется установлению репертуара языковых средств, которые и выражают согласие/несогласие. Полученные данные позволяют не только расширить представление о языковых особенностях речи адресата, но и могут способствовать в дальнейшем определению закономерностей диалогического общения в рамках полемиического дискурса печатных СМИ.

Так, в примерах откликов нередко можно встретить прямое выражение согласия/несогласия с автором статьи либо с другими читателями по тому или иному вопросу. Например: *Just because I'm a Democrat doesn't mean I am in denial of President Obama's failure.*

В вышеприведённом примере отклика на статью *Whose Recession Is It, Anyway?*, посвящённую проблеме установления виновников рецессии в США, предикативное словосочетание *am in denial of* в сочетании с предикатом *mean* в отрицательной форме выражает несогласие читателя с мнением других участников дискуссии о том, что президент Барак Обама не виноват в провале попыток улучшить экономическую ситуацию в стране.

В следующем примере отклика на упоминавшуюся выше статью мы встречаем пример прямого выражения согласия с мнением автора другого отклика: *I agree with #1. The American people did this to themselves.*

Как видно из примера, читатель использует иллокутивный глагол *agree*, тем самым заявляя напрямую о своём согласии с мнением о том, что американские люди сами виноваты в рецессии, и нет необходимости искать виноватых среди членов правительства и правящей партии, а также их предшественников.

Другим примером выражения несогласия при помощи прямых речевых актов является отклик читателя на саму проблемную статью, автор которой, осветив различные точки зрения по вопросу установления виновных в экономическом кризисе в США, высказывает свою точку зрения, согласно которой виновными в рецессии являются сами жители данной страны:

Статья: *Well, there he's gone and mentioned the unmentionable. It brings to mind a debate we were having eight short years ago about presidential legacies, a new administration's inheritances and pinning the blame on the donkey or the elephant. In that case, you may recall, the eventual answer was clear: 9/11 wasn't «Clinton's» or «Bush's» – it was all of ours. So too, I suspect, is the economic morass of 2009.*

Отклик: *It is our recession. Each of us owns a part and is responsible... (Bill).*

Сочетание притяжательного местоимения *our* с существительным *recession*, а также местоименного сочетания *each of us* с предикативным словосочетанием *owns a part* и *is responsible* указывает не только на желание автора отклика установить контакт с другими участниками дискурса, но и на стремление выразить согласие с тем, что ответственность за экономический кризис лежит на самих американцах.

Однако наибольшее распространение получают косвенные способы выражения согласия/несогласия. Так, в откликах на статью *Whose Recession Is It, Anyway?* некоторыми участниками коммуникации выражалось мнение о том, что президент Дж. Буш не виноват в том, что в Америке разразился экономический кризис. В ответ на эти высказывания от адресата, опубликовавшего свой отклик под псевдонимом *Mark*, поступили следующие высказывания, которые косвенно выражают несогласие с читателями, которые придерживаются такого мнения: *Bush's needless, hyper-expensive war (more costly than WWII, and . . . for what? those scary WMD that never existed?) has made it nigh impossible to dig out of any slump. People sure do have poor memories. And we read yesterday that all the hyper-expensive infrastructure we've built in the bloody sands of Iraq is probably going to collapse once we leave. Who got all that money, and all those jobs? Halliburton?*

Общей пропозицией для данного отклика является то, что именно Дж. Буш и его политика привели к резкому спаду экономики в США. В приведённом примере не содержится иллокутивных глаголов, которые бы напрямую выражали согласие/несогласие. Тем не менее употребление эмоционально-окрашенной (*needless, scary, sure*) и оценочной лексики

(*hyper-expensive, impossible, poor*), имеющей негативную коннотацию, в сочетании с метафорой (*the bloody sands of Iraq*), а также с риторическими вопросами даёт возможность другим читателям услышать несогласие с элементами возмущения и негодования.

Однако наиболее характерным является выражение косвенного согласия/несогласия с мнением как автора проблемной статьи, так и мнением её героев. Рассмотрим следующий пример отклика на статью *Health Care and the Art of Motorcycle Maintenance*, посвящённую одному из способов решения проблемы оказания медицинской помощи в бедных, отдалённых районах Королевства Лесото, которое имеет наивысший уровень заболеваемости СПИДом и туберкулёзом:

Статья – *Health Care and the Art of Motorcycle Maintenance* (содержание статьи)

Отклик – *Excellent coverage of a scarce topic: SOLUTIONS that show us how to change the world for the better! I really appreciate that the online format allows detailed rich stories to illuminate the full suite of challenges – and how they can be solved. Keep up the great work David and Tina!*

В вышеприведённом мы видим пример выражения согласия с мнением авторов статьи, которые считают, что использование велосипедов для доставки медикаментов в отдалённые уголки королевства является изобретательным и практичным примером. Употребление эмоционально-оценочной лексики (*excellent, appreciate, rich, great*) в сочетании с восклицательным и побудительным высказываниями и обращением к авторам статьи свидетельствует о том, что читатель даёт высокую оценку публикации и косвенным образом соглашается с тем, что любые проблемы могут быть решены (*the full suite of challenges – and how they can be solved*), если приложить к этому некоторые усилия.

В другом примере мы находим выражение несогласия читателя с высказыванием одного из героев статьи:

Статья – *Albright, <...>, recalls that when she arrived in <...> in February 1993, there was confusion about sanctions policy. <...> Albright's instructions from the White House were to hold «very firm» on sanctions. But she soon made a trip to the Middle East <...>. «I went to various Arab capitals <...>» she told me recently. «The Arab leaders <...> told me about how much the Iraqi people were suffering under sanctions. They also talked about the anger over sanctions that was building in the Arab “street.” <...> And it was when I returned to the U. N. that I began to try to mitigate the humanitarian consequences of the sanctions. That's when the idea of “food for oil” was born.»*

Отклик – *There were a couple of points in that article that raised my eyebrow. First was Madeline Albright's claim that the oil-for-food program was born out of her efforts in 1993. As I understand it though, the first serious proposal to mitigate the effects of the sanctions came in 1991, from a UN delegate named Sadruddin Aga Khan.*

В данном примере несогласие с тем, что идея о поставках еды в Ирак в обмен на нефть принадлежит Мадлен Олбрайт, получает языковое выражение в виде метафоры *raised my eyebrow* (*удивиться*), а также путём приведения контраргументов (*As I understand it ... the first serious proposal <...> came in 1991, from a UN delegate named Sadruddin Aga Khan*), исходя из которых идея о программе обмена продуктов питания на нефть принадлежит Садруддину Ага Хану. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с косвенным выражением несогласия с одним из героев проблемной статьи.

Другой характерной особенностью откликов читателей является употребление оценочных высказываний, которые направлены на выражение оценки статьи в целом, событий и/или участников, описанных в статье, либо на высказывание собственного мнения. Рассмотрим примеры откликов на статью *Health Care and the Art of Motorcycle Maintenance*, посвящённую проблеме обеспечения отдалённых жилых районов в Африке медицинской помощью и её решению с помощью мотоциклов: *Mandar – A very useful blog, i would say. I think such small and cost-effective solutions will help a long way in tackling problems faced by people in both developed and developing nations. I think Riders for Health can also start their work in India, where even now there are villages without any basic healthcare facilities. I appreciate Colemans work. Looking forward to new Fixes...*

В вышеприведённом примере положительная оценка адресатом статьи в целом (*A very useful blog*) сочетается с выражением одобрения действий, предпринимаемых участниками событий, которые описаны адресантом (*I appreciate; Looking forward to; I think such small and cost-effective solutions will help*). В данном примере употребление оценочного прилагательного в сочетании с иллокутивными глаголами служит для выражения положительной оценки.

Одобрение/порицание в откликах читателей, на наш взгляд, получает ярко выраженное языковое воплощение в силу того, что у адресата, благодаря не прямой, а опосредованной коммуникации (через прессу и/или Интернет), психологический барьер стирается, порог тревожности снижается и участник полемического дискурса может открыто высказать свое отношение к той или иной проблеме, как, в частности, в следующем примере:

Excellent coverage of a scarce topic: SOLUTIONS that show us how to change the world for the better! I really appreciate that the online format allows detailed rich stories to illuminate the full suite of challenges – and how they can be solved. Keep up the great work David and Tina! (Health Care and the Art of Motorcycle Maintenance by Tina Rosenberg and David Bornstein) Благодаря использованию эмоционально-оценочной и оценочной лексики (*excellent, scarce, appreciate, detailed, full, great*), восклицательного предложения и повелительного наклонения автор отклика выражает одобрение работы журналистов и своё восхищение точностью освещения проблемы.

В другом отклике на эту же статью мы встречаем пример выражения благодарности читателя (*Thank you*) в сочетании с высокой оценкой деятельности журналистов (*best*):

Betsy Raymond Stevenson – **Thank you for «Fixes.» This is an example of journalism at its best that will hopefully soon demonstrate journalism’s power to spark positive change.**

Выводы

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что адресат полемики печатных СМИ представляет собой не потенциальное неопределённое множество лиц, а обладает рядом характеристик, учёт которых может способствовать моделированию адресантом речевых ситуаций определенной тематической направленности.

На языковом уровне адресат полемики проявляет себя как коммуникант, стремящийся, в первую очередь, выразить согласие или несогласие с той или иной точкой зрения. При этом выражается согласие/несогласие с точкой зрения не только автора проблемной статьи, но и героев статьи, а также других читателей, т. е. коммуникация имеет многовекторную направленность, она ведется в различных направлениях, и участники дискурса могут меняться коммуникативными ролями.

Реализация согласия/несогласия может происходить при помощи как прямых речевых актов, так и косвенных, при этом последние находят своё воплощение в виде метафор, риторических вопросов, восклицательных и побудительных предложений.

Следует также отметить, что выражение адресатом согласия/несогласия может быть рассмотрено как доказательство эффективности использования аргументации как средства воздействия, определяющим коммуникативно-прагматическим свойством которой является совместная деятельность ее коммуникантов. В процессе аргументирования говорящий реализует себя как языковая личность, демонстрируя свою языковую и коммуникативную компетенцию. Языковые средства выражения согласия/несогласия доказывают вступление адресата в процесс аргументации, в ходе которого читатель приводит аргументы/контраргументы в доказательство/опровержение того или иного тезиса.

Другой особенностью языка адресата является сопровождение выражения согласия/несогласия оценкой, реализующейся в большинстве случаев эмоционально-оценочной или оценочной лексикой. Оценка, которую дает адресат, не только свидетельствует о выражении отношения читателя к самой статье в целом, но и об уровне популярности темы, об отношении читателей к проблеме. Тем самым полученные данные могут способствовать варьированию адресантом направления коммуникативного взаимодействия между участниками дискурса.

В дальнейшем планируется установить основные типы адресата полемики печатных СМИ.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Яревой [и др.]. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Белецкий, А. И. Об одной из очередных задач историко-литературной науки: (изучение истории читателя) / А. И. Белецкий // Избр. тр. по теории литературы ; под общ. ред. Н. К. Гудзия ; сост. А. А. Гозенпуд. – М., 1964. – С. 20–41.
3. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979. – С. 250–296.
4. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 356–364.
5. Белоглазова, Е. В. Ещё раз об адресате и категории адресованности художественного текста / Е. В. Белоглазова // Текст – Дискурс – Стил : сб. науч. ст. / С.-Петербург. гос. ун-т экономики и финансов ; тв. ред. В. Е. Чернявская. – СПб., 2003. – С. 142–149.

Summary

The article is devoted to the peculiarities of interconnection of polemic discuss components of printed mass media. The repertoire of language means used for expressing agreement and disagreement is revealed.

Поступила в редакцию 01.03.11.

УДК 806.0

С. Е. Серёгина

ГЛАГОЛЫ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НОВОСТНОМ ТЕКСТЕ (на материале испанской прессы)

В статье ставится цель выявить особенности функционирования глаголов речевой деятельности в новостном жанре испанского публицистического текста и определить их роль в организации текстового материала. Автором рассматриваются семантические, грамматические и текстообразующие характеристики глаголов, а также факторы, обуславливающие их отбор в новостном жанре публицистического текста. Материалом для исследования послужили тексты из новостных рубрик испанской прессы (El País, El Mundo, ABC).

Введение

Функционально-стилистический аспект изучения языка является активно развивающимся научным направлением современной лингвистики. Особую значимость в настоящее время приобретает изучение использования единиц различных языковых уровней в разных функциональных стилях и их жанровых разновидностях. С другой стороны, возрастает интерес к языковым аспектам обозначения речевой деятельности, в том числе к глаголам речи. Внимание к ним таких исследователей, как Л. Г. Бабенко, Л. М. Васильев, М. Я. Гловинская, Н. Б. Мечковская и других, далеко не случайно: глаголы речи занимают важное место в любом языке, они относятся к числу наиболее употребительных и востребованных средств, связанных с передачей информации.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью описания этой лексико-семантической группы, а также отсутствием в испанистике работ, посвящённых её комплексному анализу. Цель работы состоит в том, чтобы выявить специфику использования глаголов речевой деятельности в новостном жанре испанского публицистического текста. Поставленная цель обуславливает необходимость решения следующих задач:

- 1) выявить семантические группы глаголов речевой деятельности, функционирующих в новостном тексте;
- 2) рассмотреть текстовые закономерности реализации значений ассертивных глаголов;
- 3) выявить особенности грамматического функционирования глаголов речи в структуре новостных сообщений.

Глаголы речевой деятельности, воплощающие в языковой форме различные аспекты речевой коммуникации, уже давно привлекают к себе пристальное внимание исследователей.

Наряду с термином «глаголы речевой деятельности» в научной литературе используются также и другие терминологические обозначения: «**глаголы говорения**», «**глаголы речи**» и «**глаголы речемыслительной деятельности**». И хотя иногда данные термины не дифференцируются, между ними можно провести определённое разграничение: «глаголы говорения» воспринимаются, прежде всего, как глаголы устной речи, «глаголы речи» – как глаголы не только устной, но и письменной речи, «глаголы речевой деятельности» – как глаголы устной, письменной, а также внутренней речи, связанной с мыслительными процессами, организующими речь.

Наиболее широкое понятие заключено в термине «глаголы речемыслительной деятельности». Глаголы речемыслительной деятельности – это лексико-семантическая группа глаголов, включающая в себя лексико-грамматические единицы, семантика которых отражает и описывает основные стадии процесса речепроизводства: переход внутренних ментальных процессов, скрытых от человеческого глаза, во внешнюю устную или письменную речь (глаголы речи) и сами внутренние ментальные процессы (глаголы мысли или ментальные глаголы). На основе близости семантики, тематической общности и грамматических характеристик глаголы речемыслительной деятельности делят на две подгруппы: глаголы речи и глаголы мысли.

Глаголы речемыслительной деятельности в любом языке относятся к числу наиболее употребительных, входящих в основной словарный фонд, а их значимость подтверждается сферами употребления. Они находят широкое применение в языке, выступая в качестве этикетных форм, выражающих побуждение к речевой деятельности (**Dígame, por favor...**), конструкций, вводящих чужую речь либо указывающих на источник информации, а также конструкций, образующих структурный центр текста-рассуждения (**Consideramos que...**), и т. д.

Как известно, глаголы речи образуют сложную систему, имеющую полевою организацию. В данной статье мы разделяем точку зрения Н. С. Джамбиновой, которая, вслед за Л. Г. Бабенко, подразделяет глаголы на три лексико-семантических поля: 1) «действие и деятельность», 2) «состояние», 3) «отношение». Внутри лексико-семантического поля «действие и деятельность» с учётом категориально-лексической семантики выделяется подполе «речевая деятельность»; в подполе глаголов «речевой деятельности» входят лексико-семантические группы глаголов речи: 1) глаголы сообщения; 2) глаголы общения; 3) глаголы обращения; 4) глаголы воздействия; 5) глаголы характеризованной речевой деятельности [1, 9].

Глаголы речи занимают особое место в лексической системе языка, поскольку именно они организуют структуру речевого акта и непосредственно ориентированы на реализацию базовых функций языка и конкретных функций речепорождения. Глаголы речи представляют собой сложный денотат. В них характеризуется содержание мысли, коммуникативная сторона речи, взаимодействие и контакт коммуникантов, речевое побуждение, эмоциональное отношение, оценка и внешняя сторона речи [2, 44]. Вследствие этого в сфере глаголов речи наиболее полно проявляется коммуникативная функция, которая является первичной для языка.

Глаголы речи образуют системно организованную лексико-семантическую группу, члены которой объединены инвариантным семантическим признаком – семой речи. В концентрированном виде свойства глаголов речи воплощаются в доминанте, представленной парой многозначных глаголов **говорить/сказать** в русском языке и **hablar/decir** в испанском. Данные глаголы выступают в качестве гиперонимов, ключевых единиц в сфере речи, так как в их семантике заключены основные параметры речемыслительного акта. Конкретизация той или иной грани семантики этих глаголов осуществляется в рамках высказывания с помощью разнообразных распространителей.

Структура функционально-семантической сферы глаголов речи создаётся на основе дробления гиперонима на частные его проявления. В результате конкретизации цели и содержания речи обогащается семантика доминантного глагола и увеличивается его функциональная нагрузка – он используется в качестве функционального эквивалента своих гипонимов (**сказать – обещать, советовать, приказывать** и т. д.).

Доминантные глаголы являются наиболее употребительными. Как показало исследование С. М. Антоновой, проведённое на материале русского языка, самыми частотными оказались глаголы **говорить** (около 30% всех употреблений глаголов говорения в языке художественных произведений и около 45% в диалекте) и **сказать** (21% и 20% соответственно) [3, 165].

Глаголы речи изучались на материале разных языков (английского, французского, немецкого и других), особенно много публикаций им посвящено в русистике. Однако на материале испанского языка глаголы речевой деятельности еще не получили должного освещения.

На протяжении достаточно долгого времени функционирование глаголов речи изучалось преимущественно на материале художественных текстов, и лишь отдельные работы затрагивали другие функциональные стили, в частности публицистический [4, 60–65]. Между тем в силу все возрастающей роли средств массовой информации публицистический дискурс привлекает к себе все большее внимание лингвистов, предлагая богатый материал для специального исследования различных языковых явлений, в том числе и глаголов речевой деятельности.

В настоящей статье ставится цель выявить особенности функционирования глаголов речи в новостных текстах испанской качественной прессы, в связи с чем был изучен и проанализирован материал таких газет, как *El País*, *El Mundo* и *ABC*.

Язык публицистики неоднороден и обладает своей спецификой в разных жанровых разновидностях. Среди жанрово-тематического многообразия газетно-публицистического стиля особое место занимает новостная рубрика.

Новостной текст – это сообщение о важнейших событиях, которое отражает все явления окружающей действительности, формируя текущую картину мира в динамике. Общий объём новостных текстов в общем медиапотокe значительно превышает количество других типов текстов массовой информации, а свойства высокой повторяемости и воспроизводимости только усиливают их значение.

Констатация факта как речевая форма чаще всего встречается в текстах новостей. Кроме того, в текстах новостей при констатации факта появляется модальное значение новизны (свежести) информации. Высказывания, констатирующие факт в дискурсе газетных новостей, узואльно имеют модальную рамку «Как только что стало известно...». Для современного

новостного дискурса актуальним является также модус засвидетельствованности. Суть такого модального значения состоит в том, что основное высказывание, содержащее констатацию факта, сопровождается элементом текста (вводным словом, частицей, частью сложного предложения, отдельным предложением), указывающим на источник информации.

Новостному жанру присуща определённая лексико-грамматическая организация текстового материала и определённые типы высказывания. Фактографические высказывания в информационном подстиле языка массовой коммуникации имеют несколько семантических признаков, влияющих на грамматическое оформление предикатов при констатации факта. Т. С. Дроняева утверждает [5, 299], что в формировании текстового значения «констатация факта» принимают участие не столько видо-временные параметры предикатов (очень важные для рассмотрения других типов высказываний), сколько семантические характеристики слов, выражающих предикативный признак.

Новостной текст, нацеленный на оперативную передачу информации о текущих событиях, подразумевает широкое употребление глагола как наиболее динамической лексической единицы языка. Краткое хроникальное сообщение «прототипически предполагает акцентировку таких компонентов описываемой ситуации, как действие и его агенс» [6, 99]. Иными словами, из композиционной структуры сообщения – Кто? Где? Когда? Что делает? Почему? – доминантными для содержательной структуры новостного текста оказываются Кто? и Что делает?

Семантика глагола в текстах данного типа обладает своей спецификой, которая, в конечном итоге, обусловлена социально-политическими сферами жизни общества, получающими своё отражение в газете.

В новостных текстах с необходимостью находит отражение речемыслительная деятельность человека как одна из важнейших составляющих его жизни. Современный газетный дискурс содержит в себе самые разнообразные типы предикатов ментального и вербального поведения человека, которые в информационном подстиле выполняют две отчётливо различающиеся между собой функции. В информационном подстиле функционируют три основные речевые формы – констатация факта, информативное описание и информативное повествование, связанные между собой в тексте логическими отношениями. Во-первых, они участвуют в констатации факта в качестве основного предиката, т. е. непосредственно формируют диктумную часть высказывания. Во-вторых, такие предикаты участвуют в создании и в сложном взаимодействии модусных рамок информирующего текста.

В системе информирующей речи достаточно частотны высказывания, констатирующие факт говорения (ментальной деятельности) как таковой. Вербальные предикаты в них самодостаточны в выражении факта. Высказывания данного типа отвечают всем семантическим параметрам фактуальности. Цель говорящего в подобных высказываниях состоит в констатации факта говорения (в устной или письменной форме), т. е. в фиксации этого процесса в любой точке его протекания (в начале, продолжении, конце, результате).

Результаты исследования и их обсуждение

Особую значимость в новостном тексте приобретают глаголы передачи информации, т. е. глаголы речи и мнения (**decir, declarar, notar, citar, confirmar, afirmar, asegurar, estimar, juzgar** и т. д.). Глаголы данной семантики указывают, с одной стороны, на источник получения информации, а с другой – на её достоверность, хотя она может носить как объективный, так и субъективный характер.

Проведённый анализ позволил выявить достаточно представительный список глаголов речи, используемых в новостных текстах испанской прессы. Среди часто употребляемых глагольных единиц следует отметить **informar, afirmar, asegurar, advertir, anunciar, añadir, comentar, explicar, expresar**. Несколько реже используются глаголы **admitir, agregar, aclarar, confirmar, manifestar, matizar, reconocer, replicar, señalar**.

В новостном тексте преобладают речевые глаголы со значением сообщения, утверждения, констатации (ассертивные глаголы).

*Medvédev en Moscú 10 días después **anunció** un ambicioso rearme nuclear y convencional. (El País). Reuters **informa** de la llegada de tanques a la ciudad de Suez. (ABC)*

В семантике таких глаголов, как **subrayar, acentuar, enfatizar**, заключено значение выделенности передаваемой информации.

*... nuestra demanda muestra la evolución del derecho internacional hacia temas del entorno», **subrayó** el pasado abril Diego Cordóvez, representante ante el TIJ. (El País)*

Семантика глаголов **matizar**, **aclarar**, **explicar** связана со значением уточнения, разъяснения сообщаемой информации.

Francisco Chamorro, director de El Nuevo Diario, explica: «Dependemos de los medios de comunicación del Gobierno para saber lo que hace el presidente». (El País) ... estas mismas fuentes han aclarado que los planes de cerrar el centro penitenciario ubicado en Cuba en enero del próximo año siguen según lo previsto. (El País) Douglas Carcache, jefe de Información del diario nicaragüense La Prensa, afirma que en su país sí hay libertad de expresión, pero matiza que es una libertad bajo acoso. (El País)

Достаточно часто в новостных текстах употребляются речевые глаголы **añadir**, **agregar** со значением дополнительности, добавления информации.

Sanz ha acusado al ministro de amparar «más los intereses gibraltareños que los españoles» después de 300 años de litigio. «Si no va a defender la soberanía de España, que no venga por aquí», ha añadido.

Важной семантической составляющей, реализуемой речевыми глаголами в рамках новостного текста, является значение достоверности сообщаемой информации и её подтверждение.

El portavoz, que rehusó especificar si Estados Unidos intenta nuevas sanciones para Corea del Norte, aseguró que va a buscar el apoyo de sus aliados en el Consejo de Seguridad ... «Lo importante es que enviemos un mensaje al Norte en el sentido de que este tipo de comportamiento es provocativo, que no puede ocurrir otra vez», dijo el portavoz, quien aseguró que «este tipo de acciones sólo va más allá en el aislamiento de Corea del Norte». (El País)

Гипероним глаголов речи **decir** в основном тексте новостных сообщений используется нечасто, однако нередко выносится в заголовок (**Rajoy dice que...**), в тексте же его заменяют гипонимические глагольные номинации (**señaló**, **añadió**, **matizó**, **advirtió**, **aclaró** и т. д.).

Наиболее характерным типом дискурса, в котором используются исследуемые глаголы, является речь автора, вводящая прямую речь. В новостных текстах в 48% случаев глаголы говорения употребляются в конструкциях, вводящих прямую речь, оставшиеся 52% приходятся на конструкции косвенной речи и другие случаи употреблений глаголов. В рамках сообщения конструкции могут комбинироваться, поскольку в современной прессе большое распространение получил приём выборочной или частичной цитации.

El vicepresidente sudafricano asegura que «no hay motivos para alarmarse». (ABC)

Montenegro reconoce que los ideales sandinistas han sido enterrados por el orteguismo: «Una mezcla de fundamentalismo religioso, populismo y voracidad económica, que gira alrededor de los intereses de la pareja presidencial». Pero, aún a pesar de ello, advierte «un crecimiento y un desarrollo de la sociedad civil y de su capacidad de propuesta». La decepción, afirma, «no ha significado dar la espalda a la lucha social». (El País)

«Tienen la impresión de hacer una buena acción, es decir, de cometer un acto heroico», opina Freyssinet, que añade que sus actos constituyen sin embargo «una infracción penal que puede conllevar cinco años de cárcel y 75.000 euros de multa». (El País)

Для испанского новостного текста характерны частые случаи помещения глаголов речи в конец предложения.

«El seguimiento y el cumplimiento de las peticiones» de Rafsanyani «es lo mínimo para salir de la situación actual», afirmó. (El País)

«Hay mucho desconocimiento en el exterior de lo que ocurre en mi país», comenta. (El País)

Глаголы речи в новостном тексте используются в основном в форме простого претерита (51% от всех случаев употребления) и в настоящем времени индикатива (35%). Значительно реже отмечаются формы сложного претерита и других времён и наклонений. В целом для глаголов речи не существенны временные рамки (время выявляется во взаимодействии глаголов этой группы и семантики придаточного предложения), главное – это указание на источник передаваемой информации.

Испанский газетный материал обнаруживает чётко выраженную тенденцию в распределении временных форм, которая задаётся самой композиционной структурой новостного сообщения: в заголовке часто преобладают формы настоящего (исторического) времени, в то время как сам текст сообщения включает в себя формы прошедшего времени того же или синонимичного глагола.

El número de muertos en accidente de tráfico baja un 10% este verano. – El número de fallecidos en accidente de tráfico durante los meses de julio y agosto descendió un 10,4%. (El País)

Наиболее характерным для глаголов говорения является употребление в личной форме индикатива в активном залоге. Это связано с тем, что глаголы говорения антропоцентричны и характеризуют действие с точки зрения его активности [7, 147].

В предложении глаголы говорения чаще всего выполняют функцию простого глагольного сказуемого. Анализ синтаксического окружения глаголов говорения показывает, что в большинстве случаев семантическая незавершённость таких глаголов требует окружения их предложно-именной группой. Роль зависимого окружения можно определить как конкретизацию идеи говорения [7, 146].

Pero al día siguiente, pronunció en Praga un discurso que cabe calificar como más que histórico. En él asomó el liderazgo no sólo político sino también moral del que estamos tan necesitados. Habló con gran brillantez del desarme nuclear pero no sólo como una exigencia a los demás, sino como algo impuesto a sí mismo. Y expresó el compromiso de EEUU para reducir sus propias armas nucleares como elemento no sólo persuasivo sino también coercitivo a nivel multilateral para aplicar esta misma exigencia a otros. (El Mundo)

Выводы

Проведённый в работе анализ позволил установить, что испанские глаголы речи, наряду с общими особенностями их функционирования, характерными для новостного жанра публицистического дискурса в целом (преобладание ассертивных глаголов, преимущественное использование форм прошедшего и настоящего времён), обнаруживают специфические черты, присущие испанскому новостному тексту, к которым можно отнести: позиционные характеристики (расположение глаголов речи в финальной части предложения), использование гиперонимического глагола в заголовке в форме настоящего времени и употребление в тексте новостного сообщения большого количества гипонимических номинаций, выражающих различные оттенки значения применительно к сообщаемой информации.

Комплексный анализ материала позволяет выделить функции глаголов речи (информативную, эмотивную, коммуникативную) в контексте и обосновать важную роль данных языковых единиц как элементов, способствующих реализации основной задачи новостного текста – информирования.

Литература

1. Джамбинова, Н. С. Функционирование русской глагольной лексики в публицистическом тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Н. С. Джамбинова ; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2007. – 17 с.
2. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – Уфа : Баш. ун-т, 1981. – 125 с.
3. Антонова, С. М. Глаголы говорения – динамическая модель языковой картины мира: опыт когнитивной интерпретации : монография / С. М. Антонова. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 519 с.
4. Лопушанская, С. П. Глаголы речемыслительной деятельности и их функции в публицистическом тексте / С. П. Лопушанская, Н. А. Тупикова // Классы глаголов в функциональном аспекте : сб. науч. тр. / Уральский Орден Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. А. М. Горького ; отв. ред. Э. В. Кузнецова. – Свердловск, 1986. – С. 60–65.
5. Дроняева, Т. С. Информационный подстиль / Т. С. Дроняева // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. – М. : изд-во МГУ, 2003. – С. 290–326.
6. Негрышев, А. А. Прагматика новостного газетного заголовка: механизмы преобразования информации в системе заголовков ↔ текст / А. А. Негрышев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 2006. – № 1. – С. 97–109.
7. Савина, И. В. Синтагматические характеристики английских глаголов говорения / И. В. Савина // Прагматика форм речевого общения : межвузовский сб. науч. ст. ; под ред. А. И. Волокитиной ; Самарский университет. – Самара, 2001. – С. 144–149.

Summary

The article reveals the peculiarities of the speech verbs functioning in the news genre of the Spanish publicistic text and determines their role in organizing the text material. The author examines the semantic, grammatical and text characteristics of the verbs and also the factors which make for their choice in the news genre of the publicistic text. The texts from the news block of the Spanish press (El País, El Mundo, ABC) served as a practical material for the investigation.

Поступила в редакцию 01.02.11.

УДК 808.26

*Л. В. Прохоренко***ПУШКИНСКИЕ МЕТАФОРЫ
КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК**

Рассмотрены образные средства А. Пушкина в оригинале и переводе на белорусский язык, выявлены основные закономерности перевода.

Введение

Творческое наследие гениального русского поэта стало неотъемлемой частью всемирной духовной жизни вообще и белорусской в частности. Как проникновенно отметил Г. Бородулин, «всеохватный гений Пушкина вечный, как жизнь, как слово. Поэзия его была, есть и будет насущным хлебом духа. Заветом и наказом поэзии всех последующих поколений звучат пушкинские строки:

*Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполни волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.*

Моря и земли обошла поэзия бессмертного сына славянского света и не остыла – палит действенное слово!» [1, 186].

Воздействие пушкинских традиций на белорусский язык, культуру и литературу является многогранным. Это относится не только к использованию белорусскими писателями некоторых стилистических черт А. Пушкина, но и к свойственным его произведениям образным средствам. Важное значение приобретает и духовная доминанта его творчества, имеющая общечеловеческую ценность.

Необходимо отметить и такую сферу воздействия пушкинского наследия на белорусскую культуру и литературу, как практика художественного перевода его произведений на белорусский язык. Огромный интерес к произведениям русского поэта активно стимулировал деятельность по переводу многих известных мастеров слова, в том числе и классиков белорусской поэзии: Я. Купалы, Г. Бородулина, А. Кулешова, М. Танка и др. Известно, что переводческая деятельность связана с поиском наиболее эквивалентных средств передачи образных, стилистических систем как языка оригинала, так и языка перевода.

По мнению исследователей, выбор слов и выражений в произведениях А. Пушкина подчиняется принципу «соразмерности и согласованности». В. Жирмунский отмечает, что для А. Пушкина «огромное значение имеет смысловой вес отдельного слова и смысловый принцип соединения слов» [2, 61]. Отмеченные черты идиостиля А. Пушкина определяют и особенности употребления им образных средств, среди которых наиболее примечательной является метафора.

Целью статьи является сравнительное исследование образно-метафорических средств А. Пушкина в оригинале и переводе на белорусский язык с точки зрения лексического состава, образного содержания и особенностей грамматического построения.

Результаты исследования и их обсуждение

В переводе на белорусский язык ряд метафор, использованных А. Пушкиным, А. Кулешов передаёт довольно точно, сохраняя исходную образность и семантику метафорических конструкций. Это объясняется многими факторами, среди которых важно отметить мастерство переводчика, стремление сохранить ритм и рифму, полный объём исходной информации, которую подаёт автор в произведении.

Одним из важнейших условий адекватной передачи метафор в поэтическом тексте перевода является совпадение русских и белорусских лексем:

Её улыбка, разговоры

Во мне любви рождают жар [3, 56];

Яе ўсмешка і размова

Навейваюць кахання жар [4, 85]. А. Александрович

Огня надежды полон взор [3, 13];

Агнём надзей пагляд гарыць [4, 16]. А. Александрович

Пригорки, рощи и долины

Весны огнём оживлены [3, 29];

Лясы, прыгоркі і даліны

Ажыўлены агнём вясны [3, 42]. А. Александрович

Иль розы пламенных ланит [5, 20];

Ці ружы полымных ланіт [6, 134]. А. Кулешов

И того ль искали

Вы чистой, пламенной душой? [5, 71];

Ці гэткага шукалі

Вы чыстай, полымнай душой? [6, 180]. А. Кулешов

Обрадован музыки громом [5, 100];

Узрушаны музыкі громам [6, 207]. А. Кулешов

Когда гремел мазурки гром [5, 101];

Калі грымеў мазуркі гром [6, 208]. А. Кулешов

Как вихорь жизни молодой [5, 101];

Як малады жыцця віхор [6, 207]. А. Кулешов

Примеры подобного употребления встречаются во многих текстах.

Без изменений использована метафора со словом **гроза** в отношении лица:

Где ты, где ты, гроза царей,

Свободы гордая певица [7, 283]

Дзе ты, дзе ты, граза цароў,

Свабоды гордая пяснярка [8, 5]. П. Глебка

Эквивалентом русского слова **гроза** выступает лексема **навальница**. Но в приведенном отрывке речь идёт о лице. Это значение передать словом **навальница** невозможно, и П. Глебка с полным правом выбрал русский вариант, что можно оценить как факт художественного билингвизма.

При переводе одних и тех же метафор разными авторами можно наблюдать варианты при выборе слов, которые отличаются одно от другого морфемным составом и грамматическими признаками. В этом плане показательны переводы глагола в составе словосочетания **любовь угасла**:

Я вас любил: любовь еще, быть может,

В душе моей угасла не совсем [9, 128].

Я вас кахаў: быць можа, мімаволі,

Кахання жар у сэрцы не пагас [6, 75]. М. Лужанин

Я вас кахаў. Яшчэ маё каханне

Не згасла ў сэрцы, можа, на зусім [10, 181]. Е. Миклошевский

Я вас кахаў: маё каханне, можа,

Яшчэ ў душы пагасла не зусім [11, 3]. А. Бачила

Одинаковое или подобное звучание межъязыковых лексических единиц является одним из языковых ресурсов, которые позволяют адекватно передать содержание и образность русскоязычного оригинала при переводе на белорусский язык.

Вот ещё один пример адекватного перевода пушкинской метафоры:

Дохнула буря, цвет прекрасный

Увял на утренней заре,

Потух огонь на алтаре! [5, 114];

Дыхнула бура, кветка звяла,

Заўчасна звяла на зары...

Няма ўжо Ленскага, сябры! [6, 220]. А. Кулешов

В последнем фрагменте наблюдаем несовпадение рода существительных (Ленский и ветка). Подобное расхождение придаёт выражению определенный контраст, но он не препятствует восприятию образа, так как метафора (в двух текстах) не обозначает прямого сравнения.

В некоторых случаях эквивалентность перевода становится менее точной. Это наблюдается тогда, когда синонимические корреляции между близкими по семантике и фонетическому составу русскими и белорусскими словами нарушаются. Так, вместо слова **луна** в переводе употребляется слово **месяц**:

Настанет ночь; луна обходит

Дозором дальний свод небес [5, 54].

Надыдзе ноч; па-над зямлёю

Зноў месяц пачынае ілях [6, 165]. А. Кулешов

Как поэтические символы, слова **луна** и **месяц** имеют некоторые отличия, что обуславливает и несоответствие в переводе.

Необходимо более подробно остановиться на неэквивалентных переводах, когда степень расхождения с оригиналом оказывается более значительной, но в большей части отмеченных примеров основные направления метафоризации сохраняются. Основную роль при выборе таких соответствий играет традиционный характер данного направления метафоризации и устойчивое употребление таких слов в роли метафор как в русской, так и в белорусской поэзии. По существу, в языке перевода употребляются другие образы, часто относящиеся к той же тематической группе: *Забвеньє жизни в бурях света* [5, 163].

I забыццё ў віхурах света [6, 265]. А. Кулешов

Слова **буря**, **віхура** принадлежат к одному семантическому полю. Белорусский автор подошёл к переводу творчески, он смог сохранить авторскую позицию А. Пушкина, его стиль, настроение.

Рассмотрим другой пример:

Снова тучи надо мною

Собралися в тишине [9, 69].

Аблачыны нада мною

Спахмурнелі – гром імкне [6, 65]. М. Стрельцов

Метафора **тучи** в русском варианте выступает как символ угрозы, непокая, предвестник несчастья лирического героя. М. Стрельцов, на наш взгляд, сумел сохранить общую направленность метафоризации, но образность несколько изменилась: **аблачыны** в меньшей степени, чем **тучи**, передают тревогу, предчувствие неприятностей, беспокой, а скорее – какой-то шум, сумрачность, угрюмость, хмурость в настроении человека. Метафоризация в переводе распространяется и на другое слово контекста: **спахмурнелі**, которое находится в тесной смысловой связи со словом **аблачыны**. М. Стрельцов, вслед за А. Пушкиным, не просто называет некоторые неотвратимые угрозы, а описывает это при помощи пейзажных зарисовок. В языке перевода смысл пушкинских строк несколько изменяется, события подаются на звуковом фоне, а на языке оригинала «царствует тишина».

При переводе следующих строк из романа «Евгений Онегин» А. Кулешов заменил слово **луна** словом **зорка**:

Как величавая луна,

Средь жен и дев блестит одна. [5, 140];

Як зорка яркая, адна

Сярод красунь здалёк відна [6, 244]. А. Кулешов

По мнению В. Рагойши, этот переводческий вариант оправдан. «В данном случае необходимо было сохранить не понятийную сущность лексической единицы, а её художественную функцию. Конечно, важно, что А. Пушкин сравнил всех московских красавиц со звёздами, а одну, лучше всех, – с луной. Но не менее удачно и сравнение, которое также позволяет поэту выделить, подчеркнуть красоту той единственной, которая «как величавая луна,

*срѣдъ жѣн и дев блестит одна» [12, 86]. Поэтому словосочетание **величавая луна** заменено **зоркай яркай**.*

Встречаются примеры, где метафорические слова употребляются с другой стилистической характеристикой:

Как я любил твои отзывы,

Глухие звуки, бездны глас. [12, 180];

Я так любіў тваё гучанне,

Прадоння голас з глыбіні [6, 12]. А. Звонко

На основании книжнославянской лексики в русской классической литературе XIX века возникло множество метафорических выражений, которые вносили особенный колорит поэтичности, возвышенности языка. Произведения А. Пушкина не были исключением в этом плане. В его поэзии широко используются старославянизмы для выражения оттенков торжественности.

Отметим также случаи метафорического употребления слов, которые принадлежат разным частям речи:

Мрачили мятежи и казни. [13, 307];

У змроку мецяжоў крывавых [6, 57]. В. Павлов

В оригинале употребляется сочетание предикативного типа, а в переводе оно заменено генитивной конструкцией.

Нами зафиксирован и пример замены метафорического выражения путем его значительного лексического, стилистического и синтаксического перестроения:

Везде неправедная Власть

В сгущенной мгле предрассуждений [7, 283];

Скрозь у забабоннай мгле густой

Сядзіць няправедная ўлада [8, 5]. Н. Глебка

Кроме этого, меняется структурный тип метафоры. В оригинале **мгла предрассуждений** – генитивное словосочетание, в переводе – атрибутивное: **забабонная мгла**. Однако образность приведенного фрагмента сохраняется, так как и в первом, и во втором отрывках речь идет о представлении несправедливой власти, основанной на лжи.

Примеров перестроения либо замены метафорических средств, которые приводят к значительной замене образа, немного. Это объясняется, прежде всего, отсутствием больших расхождений (фонетических, морфемных, морфологических) между русскими словами и их белорусскими эквивалентами. В качестве примера можно привести строчки с метонимическим переносом образа на смежное слово контекста, что наблюдается в переводе Ю. Свирки:

Ямицик лихой, седое время,

Везет, не слезет с облучка [13, 148];

Вазак, як зух, а час ссівелы,

Вязе, не злезе з перадка [6, 31]. Ю. Свирка

В этом плане особенно ярко специфика авторского перевода с русского на белорусский язык проявляется в следующих строках А. Кулешова:

Ты негу жизни узнаёшь,

Ты п'еешь волшебный яд желаний. [5, 54];

Ты шчасце цьмянае завеш,

Ты п'еш атрутны сок жаданняў [14, 164]. А. Кулешов

Белорусский автор заменил метафорическое словосочетание **яд желаний** на **сок жаданняў**, при этом обозначение ядовитости переносится на прилагательное. В результате фрагмент перевода значительно расходится с оригиналом с точки зрения лексического состава и грамматических форм соотносимых семантических элементов.

Обращают на себя внимание и случаи замены метафорического элемента оригинального текста гипонимом:

Того змяя воспоминаний,

Того раскаянье грызёт [5, 24].

Таму гадзюка ўспамінаў

Нідзе спакою не дае [6, 138]. А. Кулешов

Созданный образ переводчика полностью оправдан, так как слово **гадзюка** создаёт яркое представление о ядовитости змей и даёт основания рассматривать его как символ всех связанных со змеёй отрицательных человеческих качеств и чувств.

Выводы

Таким образом, к основным типам несоответствий метафор А. Пушкина и их переводов на белорусский язык относятся лексическое и структурное перестроение метафорической единицы, при которых сохраняется основное образное направление метафоры; при этом наиболее частым является употребление белорусских эквивалентов, которые находятся с метафорическими элементами оригинала в тематически близких, синонимических, гипонимических и другого рода системных отношениях (*пыл душы – огонь души, яд желаний – сок желания, змия воспоминаний – гадзюка ўспамінаў*).

Літаратура

1. Бородулин, Р. Пророк / Р. Бородулин // А. С. Пушкін і Беларусь = А. С. Пушкин и Беларусь / уклад. Т. Махнач; гал. рэд. А. Мальдзіс. – Мінск: Беларус. навука, 1999. – С. 185–186.
2. Жирмунский, В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика: избр. тр. / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1977. – 407 с.
3. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977. – Т. 4: Поэмы. Сказки. – 448 с.
4. Пушкін, А. С. Руслан і Людміла: [паэма] / пер. А. Александровіча. – Мінск: Маст. літ., 1978. – 120 с.
5. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977. – Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. – 528 с.
6. Пушкін, А. С. Выбраныя творы / А. С. Пушкін. – Мінск: Маст. літ., 1999. – 430 с.
7. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977. – Т. 1: Стихотворения 1820–1826. – 400 с.
8. Пушкін, А. С. Выбраныя творы / А. С. Пушкін. – Мінск: Дзярж. выд. БССР, 1949. – 570 с.
9. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977. – Т. 3: Стихотворения 1827–1836. – 480 с.
10. Пушкін, А. С. Прарок; Паэт; «Не дай гасподзь вам страціць клёк...»; Мадонна; Санет; «Калі б душы не даў я згоду...»: [вершы] / пер. Р. Барадуліна; «Калі твае гады ганьбуе...»; «Я вас кахаў. Яшчэ маё каханне...»; Жаданне; Вязьень; Ноч: [вершы] / пер. Я. Міклашэўскага; «На ўзвышшы Грузіі апала ноч імглою...»; Да***: [вершы] / пер. В. Зуёнкі // Польшча. – 1987. – № 1. – С. 179–182.
11. Пушкін, А. С. Вакхічная песня; Успамін; «Я вас кахаў...»: [вершы] / пер. А. Бачылы // ЛіМ. – 1969. – 6 чэрв.
12. Рагойша, В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков: белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод / В. П. Рагойша. – Минск: БГУ, 1980. – 184 с.
13. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л.: Наука, 1977. – Т. 2: Стихотворения 1813–1820. – 480 с.
14. Пушкін, А. С. Да А. П. Керн: [верш] / пер. М. Лужаніна; Да***: [верш] / пер. В. Зуёнкі; К***: [верш] / пер. С. Грахоўскага; Да***: [верш] / пер. Ю. Свіркі; Да***: [верш] / пер. Я. Міклашэўскага // Роднае слова. – 2002. – № 4. – С. 39–40.

Summary

A. Pushkin's figurative means are regarded in the original and its translation into the Belarusian language and the main principles of translation are defined.

Поступила в редакцию 25.04.11.

УДК 811.161.1

В. С. Сидорец

К ПРОБЛЕМЕ КАТЕГОРИИ ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Освещаются вопросы, связанные с категорией вида в русском языке, обращается внимание на различные точки зрения, а также излагается позиция автора статьи по данной проблеме.

Введение

Категория вида в славянских языках давно привлекает внимание учёных. Однако до настоящего времени существуют спорные оценки этой категории, нередко взаимоисключающие. Ряд современных учёных, как и многие их предшественники, делают акцент не на морфологическом, а на словообразовательном характере видовых различий, т. е. считают, что разные видовые значения выражаются не словоформами одной лексемы, а разными лексемами.

Результаты исследования и их обсуждение

Одним из активных сторонников такой позиции является И. Г. Милославский, утверждающий, что «глаголы с разными видовыми значениями отличаются друг от друга неграмматическим элементом значения» [1, 176], поэтому «рассмотрение видов в морфологии представляет собой дань традиции, сложившейся ещё тогда, когда словообразование не вышло из недр морфологии» [1, 176]. И. Г. Милославский считает, что ни одно отдельно взятое значение не имеет однозначного семантического противопоставления другому в видовой паре. Более того, возможны контексты, где «на первом плане не одно какое-либо противопоставление, а сразу несколько: *Он сразу вскочил* – целостность, мгновенность, однократность» [1, 159]. Следовательно, отсутствует противопоставление значений видов, несовершенный вид – это всего лишь слабый член привативной оппозиции [1, 164]. Естественно, нет специальных морфологических средств для реализации противопоставления *совершенный вид* – *несовершенный вид*.

Полагаем, что не только отдельно взятое значение, но и значение в тексте может противопоставляться другому по виду: *Он сегодня **чинил** пишущую машинку* – *Он сегодня **починил** пишущую машинку*. Если снять некоторую искусственность примера *Он сразу вскочил*, создав коммуникативно пригодную фразу, тогда может получиться противопоставление по всем параметрам, которые выделяет И. Г. Милославский: *Он сразу вскочил, как только услышал удар грома* – *Он сразу вскакивал, как только слышал удар грома*. В качестве инвариантного значения И. Г. Милославский предлагает значение «целостность события» [1, 162] для глаголов совершенного вида и его отсутствие для глаголов несовершенного вида.

Достаточно эффективными и плодотворными явились исследования Ю. С. Маслова, В. А. Бондарко, М. А. Шелякина, представителей Ленинградской школы аспектологов, а также работы Ю. Д. Апресяна, Н. С. Авиловой и др., значительно обогативших, особенно в функционально-грамматическом отношении, учение о категории вида, характеризующей семантику акциональности-неакциональности с точки зрения внутреннего предела, хотя некоторые аспектологи не считают эту онтологическую черту глагольной семантики универсальной. Так, М. Я. Гловинская, опираясь на смысловую (ментально-когнитивную) методику А. Вежбицкой, акцентирует внимание на идее начала или конца действия [2, 29–34] при анализе глаголов с общефактическим значением.

Г. А. Золотова в одной из своих последних работ критикует аспектологов за то, что они не уделяют должного внимания тексту при исследовании вида, который является, по её мнению, текстовой категорией. Это касается и таких ярких представителей аспектологов, как А. А. Зализняк, А. Д. Шмелёв, которые, считает Г. А. Золотова, идут не от контекста, «не от изучения семантико-грамматических свойств глагола, а от прочитанных книг, классификации которых повторяют без проверки, что сразу вынуждает окружать дефиниции оговорками, не спасающими от противоречий» [3, 22].

В подтверждение позиции Г. А. Золотовой даже в условиях «примитивного» текста несопоставимые, на первый взгляд, по грамматическому (морфологическому) виду пары *бить* –

убить, бить – пробить могут обрести такую сопоставимость (*его долго били, пока не убили; часы на башне били двенадцать – часы на башне проббили двенадцать*), а сопоставимые пары *убить – убивать, пробить – пробивать* отличаются способом глагольного действия: вторые члены отмеченных пар, кроме грамматической семантики несовершенного вида, реализуют словообразовательную семантику – многократность действия, следовательно, в этих парах разные лексические значения.

Кстати, возможность избавиться в русском языке от интеграции видовой и акционсартной семантик, «развести» их эффективно демонстрируют коммуникативные эквиваленты глаголов – вербоиды, неоднословные наименования акционально-статального признака, что можно заметить и вне текста: *убить – совершить убийство, убивать – совершать убийство*. В первой паре примеров реализуется чистая семантика совершенного вида, во второй – глагол выражает суффиксом *-ва-* интегрированную семантику несовершенного вида и многократного способа действия, а вербоид с помощью дериванта *совершать* передаёт чистую семантику несовершенного вида. Можно к значению вербоида «подключить» и многократную акционсартную семантику, употребив предикатное существительное в форме множественного числа (*совершать убийств-а*). Но и в этом случае отмеченные семантики получают дифференцированное материальное выражение: грамматическая база несовершенного вида – деривант, а база акционсартной многократной семантики – окончание множественного числа существительного [4, 73–78].

В этом отношении не отличаются, на наш взгляд, принципиальной теоретической новизной статьи, опубликованные в сборнике «Типология вида. Проблемы, поиски, решения», в которых детализируется видовая инвариантность как компонент в значении языковой единицы, присутствующий «в любом её употреблении либо в своём изначальном (прототипическом) виде, либо в виде другого компонента, полученного из прототипического в определённых условиях по каким-либо общим правилам» [5, 125]; осуществляется проекция темы-ремы на видовые оппозиции [6, 146]; освещаются понятия длительности и недлительности (моментальности) как инварианты совершенного и несовершенного видов [7, 167–182]; принимается трактовка, согласно которой русский вид – категория, имеющая промежуточный статус между словоизменением и словообразованием, несмотря на то что по определённому набору количественных критериев вид тяготеет к словоизменительной парадигме [8, 343]; делается вывод о том, что «вид и время существуют неотдельно, они составляют единую видо-временную категорию...развивающуюся по пути возрастающей грамматикализации её видового компонента, наиболее объективно отражающего протекание действия во времени» [9, 507]; обосновывается цель когнитивного подхода к грамматике (в том числе и категории вида), заключающаяся «в том, чтобы объяснить существующую грамматическую систему, связав её с более общими свойствами человеческого мышления, включая вопрос о том, как мы проводим структурирование мира» [10, 382] и др.

Понятно, приведённые положения обогащают наше представление о категории вида, тем не менее остаётся центральной роль В. В. Виноградова, выдвинувшего в работах конца 20–30 гг. «понятие образа автора», «говорящего, наблюдателя» и выявившего «текстовые функции видо-временных форм глагола, которые волею автора организуют пространственно-темпоральный объём текста. Это было блестяще подтверждено анализом художественного мира, субъективных форм литературного времени, их сюжетного чередования в «Пиковой даме» и в других повестях Пушкина. В 1947 г. грамматические обобщения результатов этого анализа были включены в книгу «Русский язык» [3, 10].

В. В. Виноградов внимательнейшим образом изучил и оценил достоинства и недостатки учения о виде на протяжении большого отрезка времени, начиная с грамматик Мелетия Смотрицкого и Ю. Крижанича и завершая трудами Ф. Ф. Фортунатова, Г. К. Ульянова, А. А. Шахматова и А. М. Пешковского. Гениальная языковая интуиция, блестящее знание текстов русской классической литературы, огромный опыт изучения истории русского языка позволили учёному создать фундамент в теории видов русского глагола, которая «лежит в основе большей части процессов внутриглагольного формообразования и словообразования. Морфологический механизм категории вида сложнее и разнообразнее, чем других категорий глагола. Но его рисунок нем, невыразителен без освещения внутренних, семантических основ видовых различий» [11, 379].

В. В. Виноградов удивительно тонко вошёл в сущность качественных и количественных семантических различий в содержательной структуре глаголов, убедительно доказал значимость грамматических семантических элементов *предел – непредел*, ставших опорой формирования категории вида, чему в глагольной системе исторически способствовало усиление роли предлогов-

приставок. Последние, присоединяясь к глаголам, постепенно модифицировали их семантику в темпоральном отношении, порождая отмеченные выше грамматические характеристики. При этом ряд приставок превращается в чистовидовые, потому что «грамматика ведёт наступление на лексику и обращает словообразовательные элементы в формообразующие префиксы видовых форм одного глагола» [11, 424]. Особого внимания заслуживает мысль В. В. Виноградова о том, что появившаяся видовая корреляция на базе предлогов-приставок типа *делать – сделать, томить – истомить, свирепеть – рассвирепеть* втягивает в свою сферу и преобразует другие языковые средства. Так, «в некоторых случаях видовая форма одного глагола выражается чисто лексическими средствами. Разные слова, сближаясь, превращаются в формы одного «гибридного», сросшегося из двух тем, слова» [11, 424]. Приведём некоторые его примеры: *брать – взять, говорить – сказать, ловить – поймать, лечь – ложиться, уволить – увольнять* и др.

Подчёркивая способность любого глагола иметь категорию вида, В. В. Виноградов вместе с тем отмечает, что «далеко не все глаголы имеют формы обоих видов» [11, 424], поскольку не всегда грамматика «может преодолеть сопротивление словаря, а иногда и фонетики» [11, 425] и даёт этому глубоко аргументированное объяснение. Нередко, исходя из когнитивной природы факта, такое противопоставление просто не требуется. Концепция В. В. Виноградова открыла широкий простор для дальнейших всесторонних исследований категории вида, представляющей «один из наиболее трудных, спорных и неразработанных отделов русской грамматики» [11, 379].

Ожидаемым результатом этой совершенно справедливой оценки стало признание *предела–непредела* действия сущностью глагольного вида, которую обосновал В. В. Виноградов. Развивая мысль Виноградова, Г. А. Золотова делает акцент на том, что «вид – это грамматическая категория, выражающая способ, которым говорящий передаёт своё одномоментное либо длительное восприятие предикативного признака или обобщённое знание о нём, включая его в таксисные отношения порождаемого текста» [3, 27].

Каково мнение учёных, занимающихся исследованием исторических фактов развития и становления глагольных категорий?

Формирование видовых отношений, как аргументированно доказали авторы академического издания «Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол», начинается «с того момента, когда в позднем праславянском языке появляется необходимость выражения экспрессивного значения процессуальности, длительности действия. Оно возникает из переосмысления более древнего неопределённо-многократного значения, происшедшего в связи с развитием категории предельности у приставочных глаголов» [12, 158]. Используя материалы памятников славянской письменности, данные современных говоров, авторы этого издания приходят к убеждению, «что в исходном состоянии древнерусского языка уже наличествовала достаточно обширная система семантически и формально противопоставленных оппозиций однокоренных приставочных глаголов, одинаковых по своей лексической семантике, которые и составили ядро развивающейся видовой системы» [12, 163]. В последующие периоды морфологизация средств становления видовой корреляции усиливаются.

В сознании говорящих, таким образом, образуется и существует тот когнитивный элемент, который позволяет даже косноязычному носителю русского языка не делать «ошибок в употреблении видов; ребёнок осваивает вид раньше, чем время глагола и многие другие категории; наконец, при афазиях порядок обратный: способность правильно использовать виды теряется позднее» [13, 31].

То, что категория вида усваивается с самых ранних лет жизни говорящего, свидетельствует о существовании в сознании человека инварианта предел–непредел. В принципе, отмеченные значения целостности–нецелостности, начала или конца, одномоментности или длительности, на наш взгляд, лишь детализируют понятие *предел–непредел*. Кроме того, идея о внутреннем пределе может быть поддержана (даже создана, по словам И. Г. Милославского) контекстом или основательно редуцирована, модифицирована им в зависимости от коммуникативных целей высказывания, тем не менее она постоянно присутствует там, где есть глагол, причём такое присутствие берёт своё начало с праславянского периода и способствует выработке подвергающихся морфологизации (шире – специализации) различных средств для выражения видовой семантики.

Для того чтобы «поставить точку над и», ещё раз обращаемся к Г. А. Золотовой, когда она как ведущий соавтор научного издания «Коммуникативная грамматика русского языка» с учётом того, что «в понятии совершенного вида основным признаком является признак предела действия, достижения цели, признак ограничения или устранения представления о длительности действия» [11, 394] справедливо сделала акцент на том, что «дискуссионный вопрос об инвариантном,

категориальном значении вида, при наличии конкурирующих, более или менее синонимичных определений, с наибольшей убедительностью решается в пользу оппозиции предельность-непредельность. Меньше всего ясности в представлениях о функциях вида, нередко их не отграничивают от значений» [3, 26].

Выводы

Итак, категория вида характеризует то, что выражается акциональными и неакциональными глаголами с точки зрения внутреннего предела: достигнут предел – вид совершенный, предел не достигнут – вид несовершенный.

По значению категория вида является морфологической; по форме – в основе своей морфологической, продолжающей специализацию различных неморфологических средств для выражения видового семантического инварианта *предел–непредел* (недостижение предела); по функции категория вида, как и категория времени, представляется средством создания различных по характеру темпоральности текстовых структур в соответствии с замыслом производителя текста.

Определённым аккордом является следующее высказывание Г. А. Золотовой: «Своеобразная история русского глагола, перестроившая систему времён и развившая категорию вида, соединила две категории в единой видо-временной форме слова, предназначив её для роли основного средства организации текста. В работах В. В. Виноградова 1936 и 1947 гг., явно недооцененных аспектологами, выявлены и продемонстрированы композиционно-синтаксические функции глагольных форм, в которых кристаллизовались «значения и употребления» вида и времени» [3, 27].

Литература

1. Милославский, И. Г. Морфологические категории современного русского языка / И. Г. Милославский. – М. : Просвещение, 1981. – 254 с.
2. Гловинская, М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола / М. Я. Гловинская. – М. : Наука, 1982. – 155 с.
3. Золотова, Г. А. Категория времени и вида с точки зрения текста / Г. А. Золотова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 8–29.
4. Сидорец, В. С. Способы действия в сфере восточнославянских глаголов и вербоидов / В. С. Сидорец // Мова і культура. – Київ : Видавничий дім Дм. Бураго, 2009. – Т. VII (132). – Вип. 12. – С. 73–78.
5. Гловинская, М. Я. Инвариант современного вида в русском языке / М. Я. Гловинская // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Языки русской культуры. – М. : изд-во МГУ, 1998. – С. 125–134.
6. Гуревич, В. В. Видовая семантика в русском и английском языках / В. В. Гуревич // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Языки русской культуры. – М. : изд-во МГУ, 1998. – С. 145–150.
7. Кароляк, С. К. вопросу о типологии вида в славянских и романских языках / С. Кароляк // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Языки русской культуры. – М. : изд-во МГУ, 1998. – С. 167–182.
8. Перцов, Н. В. Русский вид: словоизменение или словообразование / Н. В. Перцов // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. – М. : Языки русской культуры, 1998. – С. 343–353.
9. Черткова, М. Ю. От категории вида к категории времени или наоборот / М. Ю. Черткова // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Языки русской культуры. – М. : изд-во МГУ, 1998. – С. 498–507.
10. Раппопорт, Г. Перфективация состояний / Г. Раппопорт // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. Языки русской культуры. – М. : изд-во МГУ, 1998. – С. 381–395.
11. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слов / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.
12. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. [под ред. чл.-кор. АН СССР Р. И. Аванесова, д-ра филол. наук В. В. Иванова]. – М. : Наука, 1982. – 436 с.
13. Зельдович, Г. М. Семантика и прагматика современного вида в русском языке / Г. М. Зельдович // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 30–61.

Summary

In this article the questions, connected with the category of aspect in Russian, are examined. The attention is paid to the different viewpoints. Author's position on the giving problem is stated.

Поступила в редакцию 20.04.11.

УДК 808.2–1

*О. А. Сосновская***БЭДЖЕВЫЙ ТЕКСТ: ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ**

Статья посвящена анализу существующего опыта лингвистического и лингвокультурологического изучения коммуникативных новообразований, а также определению текстового статуса бэджевых текстов. В статье очерчен диапазон современных социокультурных реалий, воссоздаваемых бэджами, проанализированы способы отображения этих реалий; прослежена динамика ценностной картины мира, репрезентируемой данными речевыми единицами.

Введение

Языковая ситуация конца 90-х годов XX – первого десятилетия XXI в. характеризуется сложностью, противоречивостью и нестабильностью. Именно в этот период языковые изменения интенсифицировались под влиянием многочисленных факторов, в большей степени экстралингвистических, что позволяет говорить об изменении языковой ситуации и появлении новых типов дискурса. Происходящие трансформации закономерны и обоснованны, так как язык, будучи явлением социальным, с течением времени совершенствуется, шлифуется, в нём происходит постепенное отмирание старых качеств и развитие новых, в большей степени соответствующих потребностям современного общества. Пронизывая всю деятельность индивида, всю общественную жизнь, охватывая все ее сферы, язык проявляет необычайную гибкость и адаптируемость к нуждам общества. Функционирование языка, его развитие и варьирование определяют идеология, политика, социальные и другие условия развития общества. Воздействие этих факторов на язык различно как по форме, так и по силе.

«Язык живет не собственной жизнью, – пишет болгарский философ Д. Спасов. – Он является физическим посредником общественных существ, произведённым ими средством – исключительно мощным, но всё-таки вспомогательным. В нём самом по себе нет ни мысли, ни чувства, ни воли. Его красота и величие – это красота и величие человека» [1, 10]. Трансформации, которые происходят в языке, заметно отличаются от трансформаций, происходящих в разговорной речи. «Изменения в языке, в его внутренней, системно-структурной организации начинаются с изменений в речи носителей языка, и чем более регулярны и массовидны речевые изменения, тем больше у них оснований закрепиться в языке» [1, 116].

В речевой деятельности находит отражение осмысление действительности, выраженное конкретным носителем языка с точки зрения его вкусов, мировоззрения, общественных позиций. Разговорная речь намного эмоциональнее, чем письменная, поэтому и средства выразительности в ней разнообразнее, они более пластичны и гибки.

В разговорной речи находят выражение представления людей обо всех явлениях окружающей действительности, определяются аксиологические предпочтения современного социума. Для этого используются многочисленные тропы и стилистические фигуры. Однако в последнее время появились коммуникативные новообразования иного типа, отрицающие сложившиеся в обществе и языке стереотипы, иронично репрезентирующие современную действительность в предельно лаконичной форме, – бэджевые тексты.

Термин «бэджевый текст» происходит от английского слова badge – ‘знак, значок’, т. к. первоначально данные коммуникативные единицы активно функционировали в виде надписей на значках и были распространены исключительно в молодёжной среде. Э. М. Береговская, впервые обратившаяся к текстам надписей на значках, предлагает для их обозначения термин «бэдж», полученный путем транслитерации соответствующей французской лексемы. Мы же будем использовать термин «бэдж», или, учитывая структурные и семантические особенности надписей, «бэджевый текст», используя английскую транскрипцию.

Результаты исследования и их обсуждение

«В современной лингвистике преобладает текстоцентрический подход к изучению языка. И это вполне естественно, поскольку ни одна лингвистическая единица не функционирует вне текста. Как лингвистический феномен текст является продуктом целенаправленной речевой деятельности и зависит от конкретной цели общения, преследуемой участниками коммуникативного акта» [2, 44]. Учитывая специфику бэджей как особых коммуникативных единиц, мы считаем необходимым в первую очередь рассмотреть их текстовую природу.

Существует множество определений текста, но, учитывая, что мы не ставили целью дать исчерпывающую его характеристику, возьмем за основу следующие дефиниции: текст – это «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность» [3, 507], это «внутренне организованная последовательность отрезков письменного произведения или записанной либо звучащей речи, относительно законченной по своему содержанию и строению» [4, 791]. С коммуникативной точки зрения сущность текста не может быть определена лишь одними языковыми признаками, ибо текст – продукт целенаправленной деятельности, «превращенная форма общения» [5, 8]. В системе лингвистических категорий текст есть функционально, содержательно и структурно завершённое речевое единство, скреплённое авторской модальностью. Механизмы образования текста обычно избирательны, и действуют они в направлении создания разных видов, имеющих свою форму и организацию в зависимости от коммуникативной направленности.

Бэджам присущи такие текстовые категории, как целостность, связность, завершённость, текстовое пространство и время. Бэджевый текст обладает формальной (его части имеют соотносящиеся между собой языковые элементы) и семантической связностью (его части несут в себе общие содержательные компоненты), а также эмотивностью (он отражает отношение автора к действительности).

Как уже отмечалось, специфической особенностью бэджевых текстов является их лаконичность, стремление передать информацию в максимально краткой форме, что позволяет относить их к текстам сжатого типа, под которыми исследователи (Е. И. Панченко, Е. С. Кубрякова, Л. В. Сахарный и др.) понимают «сообщение, объективированное подобно любому иному тексту в письменной форме, построенное путем сокращения полного текста либо созданное как изначально краткое, предназначенное при необходимости для дальнейшего развертывания в более объёмный текст» [6, 267]. Сжатый текст имеет повышенную информативную насыщенность по сравнению с первичным полным вариантом, что достигается благодаря разнообразным обязательным и факультативным средствам всех уровней языка.

Бэджевые тексты создаются в результате своеобразного сочетания объективных (материальных и технических) и субъективных факторов, имеют обширную сферу функционирования; основой для их возникновения служат языковая избыточность и языковая экономия, последняя реализуется в языковой краткости и языковой компрессии.

Как в плане выражения, так и в плане содержания бэджевых текстов происходят изменения, направленные на повышение информативной насыщенности текста; осуществляется количественное сжатие речевого произведения благодаря применению разнообразных графических сокращений, эллипсиса вспомогательных лексико-синтаксических единиц: *ГИБДД – гони инспектору бабки и дуй дальше; Пользуясь случаем, хочу. В глазах – обида, в руках – утюг.* Созданный субъектом, обладающим определенной степенью коммуникативной компетенции, сжатый текст, предназначенный для того или иного адресата, включает в себя как стандартизованную часть, некую идеоматическую константу, так и элементы речевого творчества: *Баба с воза – потехе час. Баба с возу – и волки сыты, и овцы целы.*

Возникновение бэджевых текстов как своеобразной реакции на окружающую действительность не является специфической особенностью русского языка, это закономерная тенденция многих языков. Так, американский паремиолог В. Мидер для обозначения «перекрученных, исковерканных, искаженных мудростей» предлагает использовать термин «антипословицы» (ср. нем. Antispruchwörter, англ. anti-proverbs). Термином «антипословица»

обозначают, судя по опыту издания В. Мидером больших собраний немецких и английских паремий данного жанра, речевые единицы весьма широкого круга: пословицы, являющиеся смысловыми антиподами традиционных паремий; библейские сентенции; вывернутые наизнанку афоризмы и крылатые выражения знаменитых людей; обценные и бранные паремии; веллеризмы. «Шутливая или серьезная игра с пословицами отнюдь не нова, но можно констатировать, что критическое противостояние старой мудрости принимает в наши дни особо заметные масштабы. Сейчас уже известно, что они [пословицы] не выражают какой-либо абсолютной истины и не представляют собой неких универсальных общечеловеческих или специфично национальных установлений. Вот почему пословичная система ценностей вступает в конфронтацию со здоровым юмором, едкой иронией или острой сатирой» [7, 4]. Некоторые современные лингвисты, например И. К. Николаева, Х. Вальтер, В. Дубичинский и др., также пользуются термином «антипословиц» для обозначения трансформированных поговорок, крылатых выражений, афоризмов, понимая тем не менее «определенную зыбкость границ антипословиц», а также то, что «столь разнородный объект описания не дает возможности выявить корпус лишь «чистых» антипословиц, антипословиц в узком смысле этого слова, что может вызвать дискуссии у фразеологов» [7, 10]. В. Мидер также подчеркивает трудность конкретного и четкого разграничения антипословиц и антиафоризмов, отстаивая широкое понимание термина «антипословица» и аргументируя при этом необходимость включения афористики паремиологического типа в издаваемые им сборники. Очевидно, что термин «антипословица» не стал общепринятым, потому что «трансформированные, перелицованные пословицы исследователи называют и «пословицами-мутантами» (Doctor, 1995), и «периначенными мудростями» (Mieder, 1998), и «пословичными трансформами» (Мокиенко, 2006)». На наш взгляд, наличие компонента «пословица» в термине, обозначающем весьма широкий круг речевых единиц, неизбежно повлечёт за собой отсылку к исходному, широкоизвестному термину «пословица» и может вызвать ошибочное восприятие вышеописанного явления. Поэтому мы считаем более уместным использовать для обозначения корпуса коммуникативных новообразований, иронично репрезентирующих реальность в предельно лаконичной форме, нейтральный термин «бэдж», или «бэджевый текст», который определяет также весь корпус исследуемых единиц.

Появление бэджевых текстов и использование их в речи связано с тем, что ежедневно человеку приходится сталкиваться как со старыми, известными, так и новыми проблемами и ситуациями, приспосабливаться к противоречивой, непредсказуемой, динамичной реальности. Естественно, что процесс адаптации проходит значительно легче при наличии определенных ориентиров, которыми, по мнению психологов, являются пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения. Сталкиваясь с незнакомой ситуацией, человек соотносит её с уже известной, нашедшей отображение в прецедентной единице, и действует по предложенному этой единицей стереотипу. Однако постоянное преобразование окружающей действительности неизбежно ведет к пересмотру и изменению старых, устоявшихся стереотипов, и уважение к народной мудрости сменяется критическим осмыслением стереотипов, закрепленных в ней, протестом против этих стереотипов, что является одной из причин возникновения бэджевых текстов. Провокационный характер многих бэджей позволяет человеку выразить своё отрицательное отношение ко многим явлениям современной действительности при неимении иных рычагов влияния на нее.

Вторая причина появления бэджевых текстов, на наш взгляд, заключается в стремлении носителя языка избежать обыденности, монотонного течения повседневной жизни посредством критики и сатиры. Кроме этого, не менее важной причиной возникновения бэджей стоит считать стремление человека к творческой, в данном случае, языковой игре, проявление креативного подхода к действительности.

Стоит отметить, что все больше лингвистов проявляют интерес к проблеме определения природы коммуникативных новообразований, отрицающих сложившиеся в обществе и языке стереотипы, иронично репрезентирующих современную действительность. Так, одной из попыток дать «внутрижанровую» классификацию трансформированных паремий является статья Т. И. Дамм «Комические афоризмы в современной газете» [7, 10]. Автор статьи, относя

«шутливый афоризм» к малым комическим жанрам, основывается на его определении, данным Ю. В. Щуриной: «Шутливый афоризм – лаконичное высказывание обобщённого содержания, характеризующееся столкновением в одном контексте понятий, между которыми возникают неожиданные смысловые связи, не замеченные в результате логического взгляда на вещи» [7, 10], и распределяет такие речевые единицы на 7 групп:

а) шутливые сентенции, т. е. краткие обобщённые изречения, преимущественно моралистического содержания, в изъявительной или повелительной форме (*Скромность украшает, но оставляет голодным*);

б) шутливые пословицы, образующиеся путём резкого сдвига в структуре и семантике протопословицы (*Долг утюгом страшен*);

в) крылатые выражения предикативного типа (*Если гора не идет к Магомету, значит, Моисей заплатил больше*);

г) шутливые парадоксы (*В честной игре всегда побеждает жулик*);

д) грегории, т. е. выражения, сходные с афоризмом, парадоксом, крылатым словом (*Ожидание праздника лучше его последствий*);

е) шутливые газетные заголовки афористического типа (*Нормальные герои всегда идут в обход* – заголовок статьи о налогах на продажу автомобилей).

В. Дубичинский предлагает следующую классификацию антипословиц [7, 10]:

1) идиомы-дефиниции (*Воздух – это шарик, с которого содрали кожу*);

2) сентенции из жизненного опыта (*Американцы работают, если платят хорошо, русские работают, если платят – хорошо*);

3) паронимо-омонимичные идиомы (*Истина – в вине; осталось узнать только в чьей*);

4) «составные» идиомы (*Береги честь смолоду, коли розга крива*);

5) идиомы-сравнения (*Девушка как парашют: всегда лучше иметь запасной*).

Изучение тематики бэджевых текстов позволяет сделать вывод об аксиологических предпочтениях современного человека и выделить следующие типы ценностей, актуальных на данном этапе развития общества:

1. Бытийные (жизнь, смерть, радость, успех, счастье): *Лучше гипс и кровать, чем гранит и ограда; От жизни лучше получать не «радости скупые телеграммы», а щедрости большие переводы*.

2. Экономические (деньги, труд, профессия): *Обещание вернуть деньги через неделю – это только просьба неделю не приставать с этим вопросом; Никогда с деньгами не бывает так хорошо, как плохо бывает без них*.

3. Утилитарные (дом, одежда, пища, алкоголь): *Не перепились еще на Руси богатыри – добры молодцы; Лучше быть алкоголиком, чем женой алкоголика...*

4. Познавательные (образование, знание): *Мысль покинула голову, не выдержав одиночества; Мудрость не всегда приходит с возрастом. Бывает, что возраст приходит один*.

5. Морально-нравственные (закон, дружба, семейные отношения, любовь): *Мне замужем не очень, но живется...; От любви до ненависти один шаг. Налево*.

«При восприятии объективного мира человек определяет для себя ценностные ориентиры. Все происходящее вокруг оценивается субъектом на основании принципа хорошо/плохо, добро/зло, красиво/безобразно, то есть объект действительности рассматривается с точки зрения его соответствия норме» [8, 7]. Бэджевые тексты также автоматически приписывают реальности, которую отображают и характеризуют, некую оценочную шкалу с полярными понятиями хорошо/плохо, нравственно/безнравственно, приемлемо/неприемлемо, однако эта шкала разительно отличается от общепринятой, потому что создатели бэджей нарочито принижают значение общепринятых ценностей и идеалов; все общепринятые морально-этические принципы, нравственные ориентиры, заложенные в обществе с незапамятных времен, переосмысливаются, утрачивают свою значимость и приобретают отрицательную эмоционально-оценочную коннотацию.

Рассматривая предложенные классификации, нетрудно заметить некоторую условность, размытость и относительность их составляющих. Интересно, что лингвисты обращают внимание только на структуру и прецедентную отнесённость антипословиц, поэтому необходимым

становится структурный и лексико-грамматический анализ данных речевых единиц, в связи с чем целесообразно определить, каким образом бэджи функционируют в речи, каков их лингвистический статус.

При включении бэджевых текстов в процесс общения наиболее интенсивно реализуется их экспрессивная функция, что возможно только при наличии реципиента, способного воспринять текст. Главной задачей реципиента становится интерпретация образа, созданного говорящим при помощи высказывания, с целью обнаружить подтекст. Интерпретация образа реципиентом – это «активное сотворчество, актуализация пластов прошлого опыта, активная работа воображения, выдвижение серии гипотез («перебор смыслов») на образном и отчасти на понятийном уровнях, соотношение личностных смыслов с социально-типичными. Это и эмоциональное освоение образа, и интуитивное озарение, и рациональное осмысление» [5, 26].

Восприятие бэджового текста подчиняется тем же закономерностям, что и восприятие высказывания другого рода. Вместе с тем бэдж нередко понимается и интерпретируется менее точно, чем отдельное высказывание, в силу того что читатель включает его в свою систему представлений о мире. Возникающая проекция бэджового текста на окружающий мир может отличаться от замысла автора. Степень совпадения проекции текста с авторским смыслом зависит от степени совпадения использования адресантом и реципиентом определённого языкового кода.

На современном этапе развития общества и языка бэджевые тексты являются неотъемлемой частью молодёжной «субкультуры», одним из способов индивидуального и группового самовыражения их носителей. Поэтому вполне закономерно, что при образовании текстов бэджей общеупотребительная лексика переплетается с лексикой ненормативной, социально ограниченной, – молодёжным сленгом.

Бэджевые тексты, содержащие сленгизмы, отличаются от прочих бэджевых текстов наибольшей лаконичностью, максимальной информационной и эмоциональной насыщенностью при минимальном использовании языковых средств. Это объясняется тем, что сленг мыслит не понятиями, а образами, он больше воздействует на чувства, чем на разум, как зеркало, концентрированно отражает образ жизни тех людей, которые его используют. Однако перенасыщенность бэджей сленговыми единицами как одна из попыток проявить дерзость, неуважение к устоявшимся авторитетным мнениям, отрицание стереотипов отнюдь не является нормой функционирования бэджевых текстов. Человек, употребляющий бэджевые тексты в устной или письменной речи, должен в первую очередь соблюдать эстетические нормы и проявлять уважение к языку как носителю культуры.

Стоит отметить то, что бэджевые тексты постоянно расширяют сферу своего функционирования, прочно закрепляясь в активном лексическом запасе носителей языка, проникая на страницы периодической печати, в эфир радиостанций и Интернет. Если же употребление бэджей в СМИ является единичным и нерегулярным, то в Интернете бэджам посвящаются отдельные страницы и целые сайты.

Проникновение единиц подобного рода в средства массовой информации заставляет задуматься о культурном уровне людей, работающих в этой сфере, а также о том, каким образом информация передается широкому кругу читателей или слушателей.

Выводы

Бэджевые тексты как коммуникативные новообразования особого рода представляют собой сложное, неоднородное явление. Они возникают как своеобразное «сопротивление» традиционной, хрестоматийной мудрости, как реакция на необратимые перемены, происходящие в экономической, политической, духовной жизни нации, как отражение современных культурных доминант, явлений, оценок, которым отдается приоритет в данном обществе в данный момент времени. В устной речи бэджи в основном используются в качестве готовых речевых формул, которые позволяют высказывать мысли в краткой форме и одновременно несут значительную смысловую нагрузку, а также позволяют передавать необходимую информацию завуалированно, инносказательно.

Парадоксальность бэджевых текстов проявляется в том, что они относятся к тому жанру, даже, можно сказать, микрожанру, в котором краткость доведена до предела; чаще всего такой текст состоит из одной фразы. Но за ней стоит мысль, ассоциация, толчок к раздумью. Бэдж обобщает и типизирует многообразные проявления личной и общественной жизни и прочно бытует в общении как его органическая часть, как концентрированная и ёмкая форма отражения действительности и выражения отношения носителя языка к ней. Бэджи, раскрывая ключевые понятия, концентрируют и выявляют систему ценностей, свойственную современной молодёжной культуре. Более того, специфическим образом исследуя вечные вопросы, они представляют жизненную философию определённого поколения, картину исторической эпохи.

Сила воздействия бэджей заключается в точности подобранных слов и в умелом возведении актуальных частных явлений жизни в общие принципы, в доминирующие идеи. В силу своей лаконичности бэджевые тексты побуждают реципиента к размышлению, являются своеобразным катализатором мысли, ускорителем процесса возникновения ассоциаций и идей. Максимально сжатая форма, насыщенность значения, яркая образность делают бэджи такой речевой единицей, которая становится «действенным средством в борьбе с однообразием и серостью человеческой речи» [9, 4].

Літэратура

1. Лукашанец, А. А. Общество – язык – политика / А. А. Лукашанец, А. Е. Михневич, В. К. Щербин. – Минск : Выш. шк., 1988. – 221 с.
2. Кулиева, О. Н. Тематическая полифония диалога в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / О. Н. Кулиева. – Витебск, 2002. – 117 л.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / редкол.: В. Н. Ярцева (гл. ред.) [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка // С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ИТИ Технологии, 2003. – 944 с.
5. Маслова, В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : Выш. шк., 1997. – 156 с.
6. Панченко, Е. Н. Сжатый текст: новейшие лингвистические и экстралингвистические изменения / Е. Н. Панченко // Науч. вестн. Херсон. гос. ун-та. Сер., Лингвистика. – 2010. – № 10. – С. 266–269.
7. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : изд. дом «Нева», 2005. – 576 с.
8. Артемова, А. В. Эмотивно-оценочная объективация концепта женщина в семантике ФЕ: (на материале английской и русской фразеологии) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. В. Артемова. – Пятигорск, 2000. – 16 с.
9. Ушакова, Т. Н. Речь человека в общении / Т. Н. Ушакова. – М. : Наука, 1989. – 191 с.

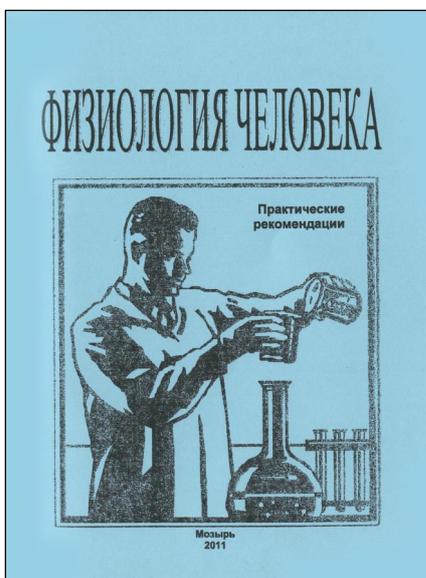
Summary

The article is devoted to the analysis of present-day experience of linguistic and linguocultural studies of communicative neologisms and to the definition of text status of badge texts. The range of contemporary sociocultural realities reconstructed by badges is defined, the image presentation of this realities is analyzed; the dynamics of value worldview represented by this speech units is traced in this article.

Поступила в редакцию 19.05.11.

БІБЛІОГРАФІЯ

В. В. Валетов, Е. И. Дегтярёва
Физиология человека

Физиология человека : практ. рекомендации / авт.-сост.: В. В. Валетов, Е. И. Дегтярёва. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2011. – 81 с.
ISBN 978-985-477-435-0.

Практические рекомендации предназначены для изучения важнейших тем курса «Физиология человека». Включают в себя основные понятия, вопросы для самоконтроля, лабораторные работы.

Практические рекомендации адресованы студентам специальностей 1-02 04 04-03 Биология. Охрана природы; 1-03 02 01 01 Физическая культура. Специальная подготовка.

УДК 612(076.6)
ББК 28.707.3я73

Е. А. Бодяковская, Л. Н. Лаптиева, И. Н. Крикало
Физиология человека и животных

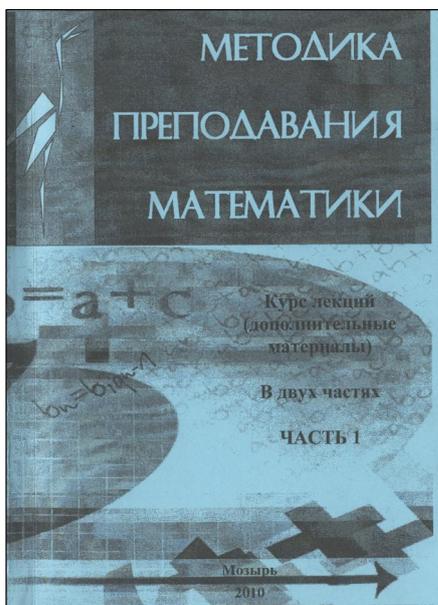
Физиология человека и животных : метод. указания к лабораторным работам : в 6 ч. / сост.: Е. А. Бодяковская, Л. Н. Лаптиева, И. Н. Крикало. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2010. – Ч. 3. – 73 с.
ISBN 978-985-477-415-2 (Ч. 3).
ISBN 978-985-477-295-0.

Методические указания содержат сведения о видах, строении и общих свойствах анализаторов, принципы организации сенсорных путей, строение и механизмы функционирования зрительного, слухового, вестибулярного, обонятельного, вкусового, кожного, двигательного и висцерорецепторного анализаторов.

Адресованы студентам дневной и заочной форм получения высшего образования педагогических и сельскохозяйственных вузов.

УДК 612:591.1(076)
ББК 28.707.3я73

И. Н. Кралевич, Л. А. Иваненко, И. Н. Ковальчук
Методика преподавания математики

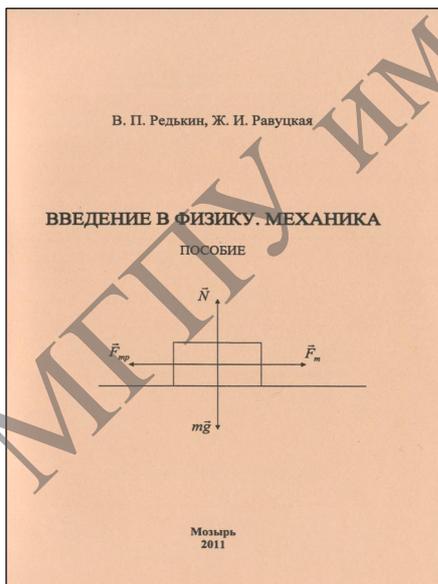

Методика преподавания математики : курс лекций (дополнительные материалы) / авт.-сост.: И. Н. Кралевич, Л. А. Иваненко, И. Н. Ковальчук. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2010. – 161 с.

Предлагаемый теоретический материал предназначен для студентов, обучающихся по специальности 1 - 02 05 03 - 01 Физика. Математика, с целью организации самостоятельной подготовки по курсу «Методика преподавания математики».

УДК 371.016:51(075.8)
 ББК 74.262.21

В. П. Редькин, Ж. И. Рауцкая
Введение в физику. Механика

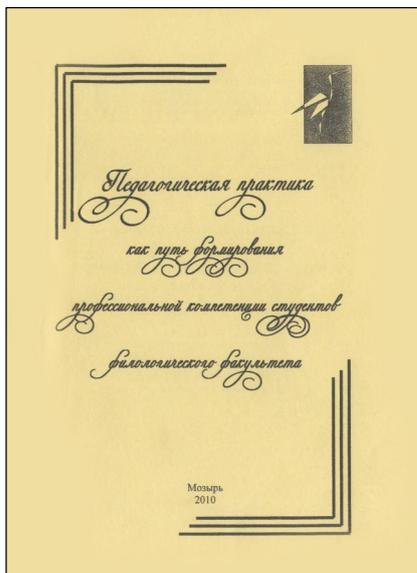
Редькин, В. П.
 Введение в физику. Механика : пособие / В. П. Редькин, Ж. И. Рауцкая. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2011. – 140 с.
 ISBN 978-985-477-442-8.

В пособии даётся систематизированное изложение основ механики и методов решения задач по кинематике, динамике, статике, законам сохранения за курс средней школы. Пособие написано в соответствии с действующей государственной программой, содержит основные теоретические положения механики, образцы решения базовых задач с использованием алгоритмических предписаний и задачи для самостоятельного решения.

Предназначено для учителей физики, студентов, абитуриентов.

УДК 531(076.1)
 ББК 22.2я73

Л. Н. Боженко, М. Г. Лобан, И. Н. Колбасина, З. С. Курьян, Т. И. Татарина, Т. Н. Чечко
Педагогическая практика как путь формирования профессиональной компетенции
студентов филологического факультета

Педагогическая практика как путь формирования профессиональной компетенции студентов филологического факультета : метод. рекомендации для студ. филол. фак. пед. ун-тов / Л. Н. Боженко [и др.] ; под общ. ред. Т. И. Татариновой, под ред. Л. Н. Боженко. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2010. – 160 с.
 ISBN 978-985-477-409-1.

Данное учебное издание является руководством для организации и проведения педагогических практик студентов предвыпускного и выпускного курсов по учебным предметам, соответствующим получаемым специальностям: 1 - 02 03 04 - 03. Русский язык и литература. История; 1 - 02 01 02 - 06. История. Социально-политические дисциплины, а также по педагогике и психологии. Оно включает в себя учебную программу по педпрактике 2010 года, уточненные критерии оценки знаний учащихся по русскому языку, варианты подробных конспектов уроков по предметам педпрактик и другие методические материалы, которые

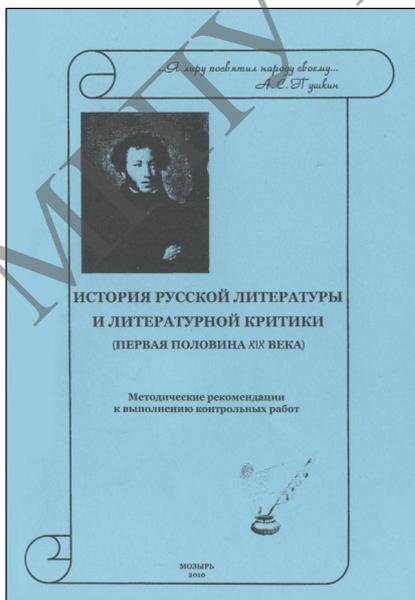
можно использовать также при изучении методик соответствующих учебных дисциплин в вузе.

Адресовано студентам филологического факультета педагогических университетов дневной и заочной форм получения высшего образования. Может быть использовано методистами и учителями, работающими со студентами на практике.

УДК 808.2 (076)
 ББК 81.2р-923

И. Л. Чернейко

История русской литературы и литературной критики (первая половина XIX века)

История русской литературы и литературной критики (первая половина XIX века) : метод. рекомендации к выполнению контрольных работ / авт.-сост. И. Л. Чернейко. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2010. – 113 с.
 ISBN 978-985-477-433-6.

В издании содержатся методические рекомендации для выполнению контрольных работ по курсу «История русской литературы и литературной критики» (список литературы, алгоритмы анализа художественных текстов, образец выполнения контрольной работы, словарь литературоведческих терминов); темы контрольных работ, способствующие активизации научной и творческой деятельности студентов.

Издание адресовано студентам второго курса филологического факультета заочной формы получения высшего образования.

УДК 821.161.8.0(09)(078)
 ББК 83.3Рус я73

М. В. Емельянова, И. В. Журлова, Л. В. Исмаилова
Диагностика профессиональной компетентности учителя

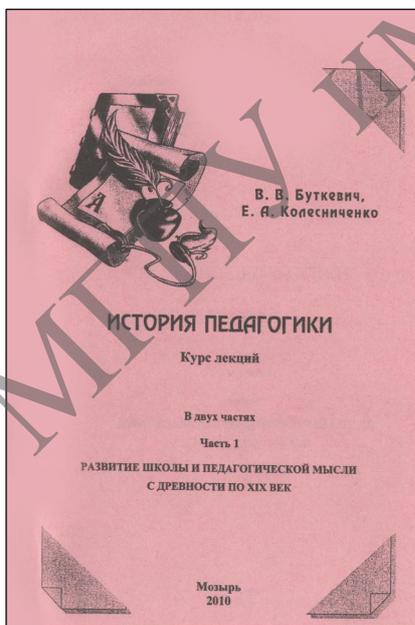

Диагностика профессиональной компетентности учителя : метод. пособие / авт.-сост.: М. В. Емельянова, И. В. Журлова, Л. В. Исмаилова. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2010. – 116 с.
 ISBN 978-985-477-371-1.

Методическое пособие включает в себя тесты, анкеты и методики, распределенные по трём разделам.

УДК 371.136(078)
 ББК 74.204

В. В. Буткевич, Е. А. Колесниченко
История педагогики

Буткевич, В. В.

История педагогики : курс лекций : в 2 ч. / В. В. Буткевич, Е. А. Колесниченко. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2010. – Ч. 1 : Развитие школы и педагогической мысли с древности по XIX век. – 236 с.

В работе излагается история развития зарубежной и отечественной педагогической мысли с древности по XIX век. Подробно описана просветительная деятельность выдающихся педагогов, ученых, общественных деятелей; детально освещены педагогические теории и практики различных типов учебных заведений.

Курс лекций предназначен для студентов высших учебных заведений, обучающихся по педагогическим специальностям дневной и заочной форм получения высшего образования, а также для магистрантов, аспирантов и преподавателей.

УДК 37(09)(076.6)
 ББК 74.03я73

Н. А. Гаруля, С. И. Карась, Л. А. Соколовская
Технология приготовления супов

Технология приготовления супов : метод. рекомендации к лаборатор. работам по дисциплине «Технология приготовления пищи» / авт.-сост.: Н. А. Гаруля, С. И. Карась, Л. А. Соколовская. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2010. – 52 с.

ISBN 978-985-477-401-5.

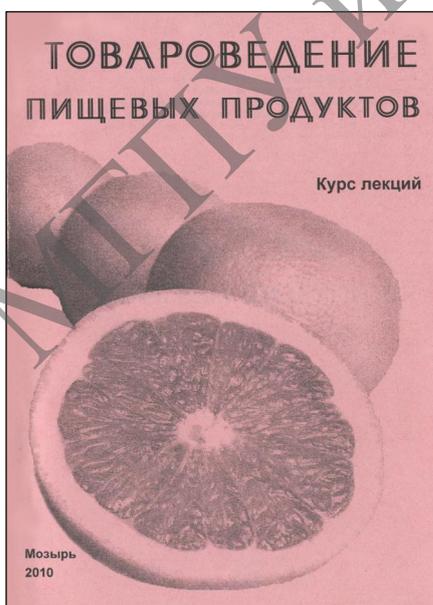
Издание содержит методические рекомендации по выполнению лабораторных работ, список литературы для организации самостоятельной внеаудиторной работы. Каждая лабораторная работа включает в себя блок теоретического материала, описание технологии приготовления супов с указанием их рецептуры, перечень контрольных вопросов и заданий.

Издание предназначено для студентов дневной и заочной форм получения высшего образования по специальностям 1 - 02 06 01 - 03 «Технология (обслуживающий труд)», 1 - 02 06 02 - 05 «Технология (обслуживающий труд). Изобразительное искусство», 1 - 02 06 02 - 06 «Технология (обслуживающий труд). Социальная педагогика». Может быть использовано учителями обслуживающего труда.

УДК 641.827(076.5)

ББК 36.991я73

Н. А. Гаруля
Товароведение пищевых продуктов

Товароведение пищевых продуктов : курс лекций / авт.-сост. Н. А. Гаруля. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2010. – 190 с.

ISBN 978-985-477-420-6.

Издание содержит курс лекций по товароведению пищевых продуктов, вопросы для самоконтроля, список рекомендуемой литературы для самостоятельной внеаудиторной работы.

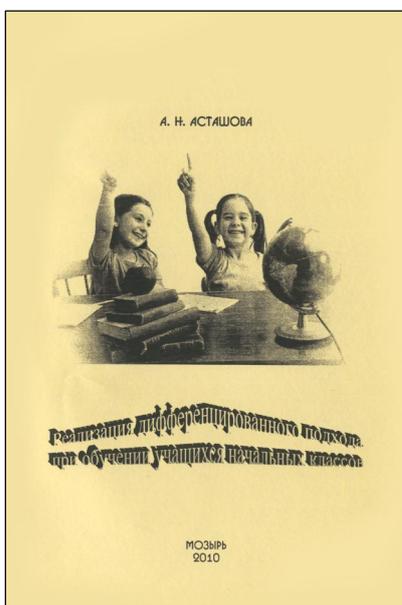
Предназначено для студентов дневной и заочной форм получения высшего образования по специальностям 1 - 02 06 01 - 03 Технология (обслуживающий труд), 1 - 02 06 02 - 05 Технология (обслуживающий труд). Изобразительное искусство, 1 - 02 06 02 - 06 Технология (обслуживающий труд). Социальная педагогика. Может быть использовано учителями обслуживающего труда.

УДК 658.6:664(076.6)

ББК 30.609я73

РЭЦЭНЗІЯ

Рецензия
на монографию А. Н. Асташовой
«Реализация дифференцированного подхода при обучении учащихся начальных классов»

Осуществление дифференцированного подхода к обучению является одним из эффективных путей решения гуманизации современного образования, поскольку образовательная система, построенная по принципу дифференциации, предполагает создание педагогических условий для развития индивидуальных способностей каждого ученика с учётом его готовности к школе.

Тема монографии актуальна и значима для теории и практики начального образования, которое нуждается в совершенствовании по следующим позициям: во-первых, ввиду её теоретической неразработанности применительно к учащимся младших классов; во-вторых, вследствие заинтересованности общества в организованном и управляемом процессе взаимодействия учителя и учащихся; в-третьих, из-за необходимости стимулирования и активизации познавательной активности, эмоционально-потребностной и когнитивной сфер личности учащихся различного уровня развития с учётом их индивидуальных особенностей.

Достоинствами монографии являются современность, глубина, убедительность. Внимания заслуживает тот факт, что работа основывается на идеях признания ценности в обучении общественного фактора. Представленные автором методологические основания составляют серьёзную теоретическую базу исследования, на основе которой получены эмпирические результаты.

В первой главе научной работы А. Н. Асташовой раскрыты исторические и социальные предпосылки проблемы исследования, представлен теоретический анализ научных и практических взглядов на природу и сущность дифференциации и дифференцированного подхода, рассматривается теоретическая модель дифференцированного подхода к обучению младших школьников, включающая в себя педагогическую технологию, основанную на учебном взаимодействии педагога и учащихся при демократическом стиле педагогического общения.

Во второй главе описаны организация, методология и методика проведения исследования; определены цели и задачи констатирующего и формирующего эксперимента, по показателям которых устанавливались уровни развития учащихся, проанализированы результаты экспериментальной работы.

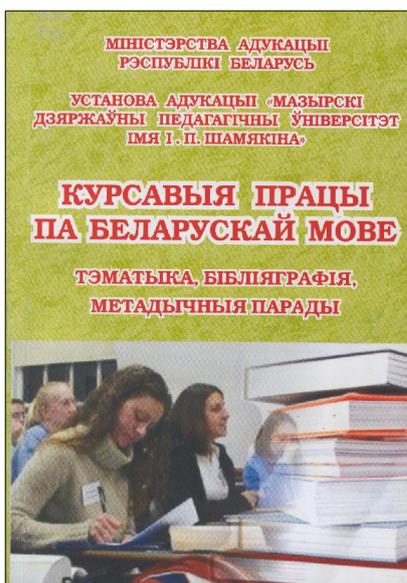
Всё вышеизложенное позволяет констатировать научную ценность и практическую значимость подготовленной монографии, которая обогащает педагогический опыт учителя, расширяет видение условий обучения и т. д.

Содержание монографии может быть использовано для организации учебного процесса общеобразовательных школ, при подготовке студентов педагогических факультетов вузов, на курсах повышения квалификации и переподготовки работников учреждений системы образования.

Рецензент
 В. Г. Игнатович,
 кандидат педагогических наук, доцент,
 заведующий кафедрой педагогики и психологии начального образования
 УО «БГПУ им. М. Танка»

**Рэцэнзія на вучэбна-метадычны дапаможнік
«Курсавыя працы па беларускай мове: тэматыка, бібліяграфія, метадычныя парады»
пад агул. рэд. В. В. Шура**

НА СУЧАСНЫМ НАВУКОВЫМ І МЕТАДЫЧНЫМ УЗРОЎНІ

У параўнанні з першым варыянтам дапаможніка, які выйшаў у 2008 годзе, новы варыянт значна дапрацаваны: дапоўнена тэматыка прац, у спіс прапанаванай літаратуры ўключаны найноўшыя працы беларускіх мовазнаўцаў. Так, першы варыянт дапаможніка ўключаў 27 тэм, у другім, які складаецца з 4 раздзелаў, 66 тэм. Яны падрыхтаваны пераважна выкладчыкамі кафедры беларускага мовазнаўства ў адпаведнасці з іх навуковымі інтарэсамі, якія знайшлі адлюстраванне ў навуковых і навукова-метадычных працах (манаграфіях, дапаможніках, артыкулах, матэрыялах канферэнцый). У распрацоўцы тэм прынялі ўдзел прафесар В. В. Шур, дацэнты Л. В. Жураўская, Л. А. Кацапаў, Л. М. Мазуркевіч, А. К. Малюк, У. Ц. Піскун, А. В. Солахаў, Л. В. Цалко, М. М. Шаўчэнка, Т. М. Шчур, асістэнт Г. У. Кузьменка і інш.

У змястоўнай прадмове выразна акрэслена мэта курсавой працы: «прааналізаваць канкрэтны лінгвістычна-літаратурны матэрыял, навучыць студэнта самастойна назіраць, выбіраць, інтэрпрэтаваць, абагульняць моўна-маўленчыя факты, кваліфікавана працаваць з разнастайнай навуковай літаратурай (артыкуламі, манаграфіямі, слоўнікамі), прывіць навыкі сістэмна-бібліяграфічнай работы» [с. 3]. Апрача таго, сфармуляваны асноўныя задачы курсавога даследавання, вызначаны найважнейшыя этапы яго падрыхтоўкі, акрэслена іх сутнасць, прапанавана традыцыйна ўсталяваная структура (уводзіны, асноўная частка, заключэнне, бібліяграфія).

Тэмы курсавых прац вызначаюцца актуальнасцю і ахопліваюць розныя аспекты беларускага мовазнаўства: мова мастацкага твора, лексічныя і фразеалагічныя адзінкі ў кантэксце, пытанні дыялекталогіі, анамастыкі, культуры мовы, а таксама сінтаксісу.

У першы раздзел уключаны тэмы, прысвечаныя разгляду розных моўных з'яў на матэрыяле таго або іншага мастацкага твора або творчасці пэўнага пісьменніка – архаізмаў і гістарызмаў, дыялектызмаў, анамастычных адзінак, антонімаў, вобразна-стылістычных сродкаў, індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў, каляронімаў, метафар і інш. Падаецца таксама некалькі тэм, якія прадугледжваюць даследаванне онімаў як алюзійных кампанентаў мастацкага тэксту, г. зн. перанесеных у мастацкі твор з раней апублікаваных твораў іншых аўтараў.

Другі раздзел складаецца з тэм, якія маюць на мэце разгляд лексічных і фразеалагічных адзінак у кантэксце (прафесіяналізмы і жарганізмы, запазычаныя словы, фразеалагізмы, саматычная, эмацыянальна-ацэначная, рэлігійная лексіка і інш.). У гэты раздзел уключана шэраг новых актуальных тэм, якія маюць дачыненне да індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў (спосабы ўтварэння, функцыі), русізмаў і англа-амерыканізмаў у беларускім інтэрнэт-маўленні, лексікі гутарковага стылю ў тэкстах беларускамоўных блогаў.

Пытаннем дыялекталогіі, анамастыкі і культуры мовы прысвечаны тэмы трэцяга раздзелу. Яны, напрыклад, прадугледжваюць аналіз культуры мовы раённай (гарадской) газеты, жывёлагадоўчай, ганчарнай, саматычнай лексікі гаворкі роднай вёскі, з'яў полісеміі ў лексіцы народных гаворак і інш.

Чацвёрты раздзел уключае тэмы, звязаныя з рознымі з'явамі і адзінкамі сінтаксісу мовы беларускай мастацкай літаратуры і фальклорных твораў (парцэляцыя, аднастаўныя сказы, недапасаваныя азначэнні, зваротак, параўнальныя звароты, пабочныя і ўстаўныя адзінкі і інш.).

Тэмы курсавых прац у цэлым адпавядаюць назве раздзелаў, за выключэннем, хіба што, асобных тэм, змешчаных у першым і другім раздзелах («Мова мастацкага твора», «Лексічныя і фразеалагічныя адзінкі ў кантэксце»). Так, блізкія тэмы ўключаны ў розныя раздзелы: «Структура і семантыка індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў у паэтычным маўленні Ніны Мацяш» – у першы, а «Функцыі індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў у мове паэтычных твораў Васіля Зуёнка» – у другі. Апрача таго, некаторыя тэмы, змешчаныя ў другім раздзеле, маюць дачыненне і да мовы мастацкага твора, у прыватнасці яго лексікі (напрыклад: «Рэлігійная лексіка ў мове трылогіі Вольгі Іпатавай «Гаспадары Вялікага княства», «Саматычная лексіка ў мове рамана Івана Шамякіна «Сэрца на далоні» і інш.).

Кожная тэма суправаджаецца метадычнымі рэкамендацыямі і парадамі, якія акрэсліваюць асноўны кірунак працы студэнта, а таксама спісам літаратуры, якую неабходна выкарыстаць пры падрыхтоўцы і напісанні курсавой.

Сутнасць і змест рэкамендацый (парад) пакажам на прыкладзе тэмы «Анамастыкон рамана Андрэя Мрыя «Запіскі Самсона Самасуя», падрыхтаванай прафесарам В. В. Шурам. Ва ўводзінах прапануецца «коратка ахарактарызаваць час стварэння рамана, адзначыць адметныя асаблівасці творчасці Андрэя Мрыя як выдатнага пісьменніка першай паловы XX ст.», «паказаць, якая роля адводзіцца ў мастацкіх творах онімам як сродкам моўнай выразнасці», звярнуць «асаблівую ўвагу на гаваркія онімы» і акрэсліць іх ролю ў «характарыстыцы персанажа» [с. 37–38]. У асноўнай частцы працы прадугледжваецца растлумачыць «кантэкстуальнае ўжыванне ў раманае ўсіх разнавіднасцей онімаў – асабовых уласных імёнаў, мянушак, прозвішчаў, тапонімаў, іх разнавіднасцей – мікратапонімаў, урбанонімаў і г. д.» [с. 38]. У заключэнні мэтазгодна адзначыць «найбольш істотныя асаблівасці анамастыкону рамана: штучнасць, нестандартнасць такіх адзінак (асабліва прозвішчаў), высокую частотнасць гаваркіх онімаў», «ужыванне ў творы пераважна гутарковых варыянтаў онімаў, спосабы ўтварэння прозвішчаў (напрыклад, семантычны – шляхам пераасэнсавання былых назваў-характарыстык асоб па тых ці іншых адзнаках», «паслядоўнае захаванне... некаторых нацыянальных традыцый з выкарыстаннем прастамоўных онімаў, высокую прадукцыйнасць аўтарскіх наватвораў, індывідуальна-аўтарскіх перыфраз, комплекснае выкарыстанне самых розных стылістычных сродкаў» [с. 38]. Спіс літаратуры ўключае 29 крыніц (працы пераважна беларускіх вучоных), якія маюць дачыненне як да агульных пытанняў аб ролі онімаў у мастацкім тэксце, так і да твораў А. Мрыя ці іншых пісьменнікаў (напрыклад, Я. Коласа).

Дапаможнік падрыхтаваны кваліфікавана, на высокім навуковым і метадычным узроўні. Ён рэкамендаваны вучэбна-метадычным аб'яднаннем вышэйшых навучальных устаноў Рэспублікі Беларусь па педагогічнай адукацыі ў якасці вучэбна-метадычнага дапаможніка для студэнтаў вышэйшых навучальных устаноў, якія навучаюцца па спецыяльнасцях 1 - 02 03 - 01 Беларуская мова і літаратура. Руская мова і літаратура; 1 - 02 03 03 - 03 Беларуская мова і літаратура. Сусветная і айчынная культура. Няма сумнення, што дапаможнік будзе з поспехам выкарыстоўвацца на філалагічных факультэтах і па спецыяльнасці «Беларуская філалогія».

Спадзяюся, што аўтары працягнуць працу над карысным і патрэбным дапаможнікам: пашыраць тэматыку курсавых даследаванняў, а таксама папоўняць спіс літаратуры найноўшымі навуковымі крыніцамі.

Рэцэнзент

В. І. Рагаўцоў,

доктар філалагічных навук, прафесар,

загадчык кафедры беларускай мовы

УА «МагДУ імя А. А. Куляшова»

ХРОНІКА

**III Международная научно-практическая
Интернет-конференция
«Инновационные технологии обучения физико-математическим дисциплинам»**

5–9 апреля 2011 г. в УО МГПУ им. И. П. Шамякина на физико-математическом факультете была организована и проведена III Международная научно-практическая Интернет-конференция «Инновационные технологии обучения физико-математическим дисциплинам». Тему конференции предопределила Государственная программа инновационного развития Министерства образования Республики Беларусь, которая предусматривает активную научно-инновационную деятельность высших учебных заведений по подготовке специалистов нового типа. Переход на инновационную модель образования предполагает принципиально иную организацию учебного процесса и предъявляет новые требования к профессиональной подготовке учителя. Преобразования, которые происходят в системе среднего и высшего педагогического образования, требуют обобщения опыта и определения современных информационных технологий и инновационных методик подготовки будущих учителей.

Цель конференции – выработка направлений совершенствования учебного процесса на основе использования инновационных технологий обучения. Научные направления работы конференции: опыт и перспективы использования инновационных технологий в преподавании физико-математических дисциплин в школе и вузе; инновационные технологии подготовки будущих учителей математики, физики и информатики; технологии формирования творческих и исследовательских навыков у студентов и школьников.

Процесс обмена информацией между участниками осуществлялся при помощи электронной почты: по ней пересылались доклады в оргкомитет, а их обсуждение проходило в режиме онлайн. Интернет-конференция – это фактически виртуальный круглый стол для общения с коллегами вне зависимости от места их нахождения. Преимущество такой формы проведения конференции – в обеспечении максимально широкого участия аудитории. В работе конференции приняли участие представители практически всех учреждений образования Республики Беларусь, а также вузов из стран ближнего зарубежья (Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия), Брянского государственного университета имени И. Г. Петровского (г. Брянск, Россия), Томского университета систем управления и радиоэлектроники (г. Томск, Россия), Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан), Актюбинского государственного педагогического института (г. Актобе, Казахстан), Южно-Украинского национального педагогического университета имени К. Д. Ушинского (г. Одесса, Украина), Сумского государственного педагогического университета имени А. С. Макаренко (г. Сумы, Украина), Одесского областного института усовершенствования учителей (г. Одесса, Украина)). По результатам Интернет-конференции издан сборник тезисов докладов «Инновационные технологии обучения физико-математическим дисциплинам».

Проведение такой конференции позволило ученым, аспирантам, магистрантам, преподавателям высшей и средней школы обобщить и систематизировать опыт использования новых информационных технологий и инновационных методик при обучении дисциплинам физико-математического профиля с целью дальнейшего их внедрения в практику работы в школе и вузе.

*М. И. Ефремова,
заместитель декана физико-
математического факультета
по научной работе*

МДПУ ИМ. И. П. ШАМЯКІНА

«От идеи – к инновации»

Под таким названием 28 апреля прошла в Мозырском государственном педагогическом университете имени И. П. Шамякина *XVIII республиканская студенческая научно-практическая конференция*.

Более 700 студентов и магистрантов приняли участие в работе конференции. Кроме студентов УО МГПУ им. И. П. Шамякина, свои материалы представили студенты ведущих вузов Республики Беларусь: БГУ, БНТУ, УО «БГПУ им. М. Танка», УО «ГГУ им. Ф. Скорины», УО «МГУ им. А. А. Кулешова», УО «БрГУ им. А. С. Пушкина», УО «ВГУ им. П. М. Машерова» и др., а также стран ближнего и дальнего зарубежья (Россия, Китай, Туркмения).

Программа конференции была интересной и насыщенной. Как всегда, работу секций предваряло пленарное заседание, на котором с приветственным словом к участникам обратился ректор университета *Валетов Валентин Васильевич*, доктор биологических наук, профессор. Об активности одарённых студентов (этапах и результатах их исследовательской деятельности) говорила проректор по научной работе, кандидат педагогических наук, доцент *И. Н. Кралевиц*.

Опытom проведения научных исследований поделились преподаватель кафедры немецкого языка и методики преподавания иностранных языков *Т. А. Конончук* и студентка 5 курса факультета дошкольного и начального образования *О. Г. Ситник*, а также студенты 1 курса филологического факультета *Ныязова Энеш* и *Чарыева Огулнабат*.

О возможностях научно-исследовательской работы студентов в русле международного сотрудничества говорили гости конференции, лауреат Государственной премии, академик Академии Гуманитарных наук, доктор исторических наук, профессор, писатель, заслуженный работник культуры России *С. В. Белов* и доктор медицинских наук, профессор *Н. Н. Богданов* (Россия).

В заключение пленарного заседания дипломами были награждены студенты, активно занимающиеся научно-исследовательской деятельностью, победители республиканского конкурса научных работ студентов вузов Республики Беларусь.

Плодотворно прошла работа секций. Отмечался общий высокий научный уровень докладов, грамотная постановка исследовательской проблемы, самостоятельность поисковой и творческой деятельности студентов. По ряду вопросов, обозначенных в докладах, состоялись научные дискуссии. Лучшие секционные доклады были отмечены дипломами конференции.

Проводимая в университете студенческая научно-практическая конференция является значимым событием как для студентов УО МГПУ им. И. П. Шамякина, активно участвующих в научно-исследовательской работе, так и для студентов других высших учебных заведений Республики Беларусь. Она позволяет поддерживать высокий уровень студенческих научных работ и информировать общественность о научных достижениях молодёжи.

О. А. Дубодел,
начальник отдела международных связей
и инновационной деятельности

АЎТАРЫ НУМАРА

Белый Павел Николаевич	аспирант лаборатории экологической физиологии растений ГНУ «Центральный ботанический сад НАН Беларуси». Научный руководитель – доктор биологических наук, профессор ГНУ «Центральный ботанический сад НАН Беларуси» Е. А. Сидорович
Бондарь Юлия Владимировна	преподаватель кафедры ботаники и экологии УО «БрГУ им. А. С. Пушкина»
Губская Вольга Мікалаеўна	выкладчык кафедры беларускай і рускай моў УА «БДЭУ»
Джиги Надежда Дмитриевна	кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии «БИП – Институт правоведения»
Джиги Олег Васильевич	аспирант кафедры экономики управления предприятий АУПРБ. Научный руководитель – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики управления предприятий АУПРБ Г. Л. Хоревич
Дымова Евгения Александровна	старший преподаватель кафедры русского и белорусского языков УО «ГГМУ»
Зеркаль Сергей Владимирович	кандидат биологических наук, доцент кафедры ботаники и экологии УО «БрГУ им. А. С. Пушкина»
Иоскевич Марина Михайловна	преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации УО «ГрГУ им. Я. Купаль»
Кирюшин Игорь Владимирович	кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры математики УО «БГПУ им. М. Танка»
Кошман Дарья Михайловна	студентка факультета иностранных языков УО «ГГУ им. Ф. Скорины»
Кошман Михаил Григорьевич	кандидат педагогических наук, декан факультета психологии и педагогики УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

Кралевиц Надежда Васильевна	преподаватель кафедры восточных языков УО «МГЛУ»
Муравьёва Оксана Сергеевна	преподаватель кафедры психологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Панфилова Елена Геннадьевна	аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ Н. Б. Мечковская
Прохоренко Людмила Валерьевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языкознания УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Сажина Елена Владимировна	кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка УО «ГГУ им. Ф. Скорины»
Селиванова Лариса Ивановна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики УО «ГГУ им. Ф. Скорины»
Серёгина Светлана Евгеньевна	старший преподаватель кафедры белорусского и иностранных языков, майор милиции Академии МВД Республики Беларусь
Сидорец Виталий Степанович	кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Сосновская Оксана Анатольевна	преподаватель кафедры русского языка как иностранного, начальник отдела международного сотрудничества УО «ВГУ им. П. М. Машерова»
Тимофеева Татьяна Анатольевна	кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры экологии УО «ГГУ им. Ф. Скорины»
Ходневич Юлия Витальевна	студентка биологического факультета УО «БрГУ им. А. С. Пушкина»
Шевандо Екатерина Александровна	студентка факультета технологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статьи объёмом не менее 0,35 авторского листа (14 000–20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др.) на русском (белорусском) языке в одном экземпляре направляются простым (заказным) письмом по адресу: 247760 Гомельская обл., г. Мозырь, ул. Студенческая, 28. Текст должен быть набран на компьютерной технике в текстовом редакторе (Word 97, 2000, 2003 for Windows); шрифт Times New Roman, 14 pt; одинарный межстрочный интервал; абзацный отступ 1,27 см; подписи к фотоснимкам, графикам, рисункам, диаграммам набирать шрифтом Times New Roman.

2. В левом верхнем углу размещается индекс УДК.

3. Через 1 интервал в центре страницы помещаются инициалы и фамилия автора (авторов).

4. Далее через 1 интервал заглавными буквами без переносов и отрыва предлога от существительного печатается название статьи, которое должно быть кратким, определять область проведённого исследования и соответствовать содержанию.

5. Ниже через один интервал печатается аннотация (до 10 строк) на русском (белорусском) языке, которая должна излагать содержание статьи; далее через 1 интервал после абзацного отступа печатается текст статьи, имеющий следующую структуру: *введение; результаты исследования и их обсуждение*, включающие при необходимости графики и другой иллюстративный материал; чётко сформулированные *выводы*. Дополнительно в структуру статьи могут быть включены *цель и методы исследования*.

6. Термины, основные понятия, языковой материал для анализа или в качестве примеров печатаются жирным шрифтом или курсивом.

7. Поля – левое, правое, нижнее, верхнее – по 25 мм.

8. К статье прилагаются:

а) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень и звание, место работы, должность, адрес для переписки, номера рабочего и домашнего телефонов, для аспирантов – сведения о научном руководителе);

б) рекомендация кафедры, научной лаборатории или учреждения (выписка из протокола заседания);

в) заверенная печатью рецензия специалиста в данной области, имеющего ученую степень;

г) резюме на английском языке;

д) перечень принятых в статье обозначений и сокращений;

е) вариант статьи на электронном носителе (CD, DVD, дискета 3,5" и др.).

9. Список цитированных источников представляется в соответствии с правилами оформления библиографического списка диссертационного исследования.

Например:

1. Котаў, А. І. Гісторыя Беларусі і сусветная цывілізацыя / А. І. Котаў. – 2-е выд. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2003. – 168 с.

2. Бандаровіч, В. У. Дзеясловы і іх дэрываты ў старабеларускай музычнай лексіцы / В. У. Бандаровіч // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2004. – № 2. – С. 49–54.

Список располагается в конце текста под заголовком «*Літаратура*».

10. Ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок записываются внутри квадратных скобок (например: [1], [2]). Внутри скобки после порядкового номера ссылки, через запятую, без сокращений *с.* или *стр.* цифрой (или цифрами) указывается страница (или страницы) приведенной цитаты (например: [3, 14], [5, 10–12]).

11. В специальной и терминологической лексике, а также в именах собственных употребление буквы *ё* обязательно.

Редакционная коллегия журнала проводит *независимую* экспертизу, что является одним из основных условий опубликования поступающих рукописей. Основными критериями при оценке являются новизна, актуальность и информативность материала. Если по рекомендации рецензента рукопись возвращается на доработку, то при повторном рассмотрении редколлекцией датой поступления считается день предоставления в редакцию исправленного варианта.

Редакция оставляет за собой право отклонить статью без объяснения причин, если значительная часть ее содержания не соответствует профилю журнала.

Вне очереди публикуются научные статьи авторов, обучающихся в аспирантуре или докторантуре, в год завершения их обучения или соискателей перед защитой.

Просим авторов учесть положение ВАК о недопустимости предлагать редакции ранее опубликованные статьи или статьи, принятые к печати другими изданиями.

За опубликование научных статей плата не взимается.

Редколлегия

E-mail: vesnik_mgpu@mail.ru

Тел.: 8(0236) 32-46-29